

Annotation

Анн и Серж Голон. Роман «Анжелика». 3 том - «Анжелика и король»
Издательство: Екатеринбург: Урал-Советы, 1991г.

- ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)

- ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)

- ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)

- ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)

- [Глава 29](#)

**ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
ПРИ ДВОРЕ КОРОЛЯ-СОЛНЦА**

Глава 1

В эту ночь Анжелика долго не могла уснуть. Ей не давал покоя предстоящий день, она волновалась словно ребенок накануне Рождества.

За ночь она дважды вскакивала с постели, терзаемая желанием полюбоваться при свете свечи костюмами, разложенными на стульях, — один для завтрашней королевской охоты, другой — для следующего за охотой торжественного приема.

Охотничий наряд очень нравился ей. Она до мельчайших подробностей обговорила с портным все его детали, чтобы, скажем, жемчужно-серый бархатный жакет был скроен на мужской манер, и чтобы он плотно облегал все те округлости ее тела, которые она считала неотразимыми. Громадная шляпа из белого фетра с плюмажем из страусовых перьев была подобна снежной лавине.

Предметом особой ее гордости был шарф. Сделанный по последней моде, он должен был привлечь внимание и тем самым подпортить настроение придворным дамам. Уложенные кольцами вокруг шеи ярды крахмаленной материи были собраны в большой бант. А концы шарфа, искусно вышитые жемчугом, походили на крылья бабочки.

Идея придать им такую форму возникла у Анжелики прошедшей ночью. Не менее часа она провела перед зеркалом, примеряя один за другим великолепные шарфы, которые доставлялись ей торговцем, прежде чем сделала окончательный выбор. Она боялась, что строгая форма воротничка амазонки огрубит черты ее лица, и успокоилась лишь, когда убедилась, что вздымающиеся волнами кружева под подбородком делают ее неотразимой.

Всю ночь волнение не отпускало Анжелику, и она беспокойно ворочалась в постели. Только чашка чая с вербеной смогла даровать ей столь необходимый сон. Ей нужны были силы для предстоящего трудного дня.

Встреча охотников должна была состояться ранним утром в лесу Фосе-Репо. И Анжелике, как и всем участникам королевской охоты, нужно было встать до восхода солнца, дабы присоединиться в условленном месте на дороге Ле-Беф к кортежу, следующему из Версаля.

Именно здесь, в середине леса, находились конюшни, куда были помещены лошади, высланные всеми участниками охоты заранее, дабы скакуны могли хорошенько отдохнуть перед утомительной погоней за

оленьями.

Днем раньше Анжелика лично проследила за отправкой на эту конюшню ее любимой Цереры, чистокровной испанской кобылы, стоившей ей тысячу пистолей.

Она снова встала с постели и зажгла свечу. Несомненно, бальное платье из ярко-красного атласа с горящей огнем накидкой было ее удачей.

Из драгоценностей Анжелика остановила свой выбор на розовом жемчуге. Серьги в виде виноградной грозди, тиара полумесяцем, три роскошные нити жемчуга, приобретающие матовое мерцание от теплоты нежной шеи и плеч, которые они обвивают...

Украшения она купила у ювелира, заморозившего ее историями о жемчужинах, добытых в теплых морях и проделавших затем длинный путь от арабских торговцев к греческим и от них к венецианским, и о его, ювелира, недюжинных усилиях, благодаря которым он завладел этими сокровищами. По его словам выходило, что чуть ли не каждая из этих жемчужин является величайшей редкостью и похищена из садов Эдема. Благодаря своему красноречию ювелир сумел зависить стоимость драгоценностей раз в пять.

Но Анжелика осталась довольна купленным жемчугом и не вспоминала о переплаченных деньгах. Словно в забытьи любовалась она своим сокровищем, покоившимся на бархате в футляре около зеркала. Пресыщения от обладания драгоценностями не наступало, страсть эта как бы компенсировала годы лишений, уготованных судьбой. Анжелика благодарила бога за то, что все это осталось позади, и за то, что будущее залито светом, в котором ее красота будет только расцветать среди необыкновенных украшений, прекрасных платьев, дорогой мебели и роскошных гобеленов.

Ее жилище поражало редким сочетанием роскоши и тонкого вкуса. Чувствовалось, что пережитое не надломило ее, не лишило присущей юности живости, и вместе с тем она рассталась с множеством иллюзий, которыми другие продолжали тешить себя.

Сможет ли тот, кто никогда не голодал, оценить в полной мере кусочек только что вынутого из печи хлеба? И у той, что еще недавно ходила босиком по парижским мостовым, могли ли появиться сомнения, что она счастливейшая из женщин?

Анжелика задула свечу, залезла под одеяло и вытянулась во весь рост.

«Какое чудо быть молодой, красивой и богатой», — подумала она. Ей не пришло в голову добавить: «И такой любимой, такой желанной», потому что она вспомнила о Филиппе. Ей стало не по себе, и она с

глубоким стоном произнесла:

— Филипп!..

Как она ненавидела его!

Анжелика перебрала в памяти день за днем те два месяца, что прошли со времени ее свадьбы с Филиппом, маркизом дю Плесси-Бельер. Этот брак не принес ей ничего, кроме унижений и неприятностей.

День спустя после того, как она была принята в Версале, королевский двор вернулся в Сен-Жермен. Анжелике пришлось возвратиться в Париж. И разумеется, она считала естественным остановиться в доме мужа на Фобур-Сен-Антуан. Но не тут-то было. Перед ней просто захлопнули дверь на виду у всей улицы. Она бурно протестовала, но мажордом был непреклонен: хозяин дома последовал за королевским двором: и не оставил насчет супруги никаких указаний.

И Анжелике пришлось возвратиться в отель Ботрейи, принадлежавший ей еще до замужества. Здесь она и жила, ожидая повторного приглашения от короля и рассчитывая со временем занять достойное место при дворе. Но время шло, приглашение не поступало, и Анжелика, томимая неизвестностью, всерьез обеспокоилась, боясь, что король не желает ее видеть, и это уже навсегда.

Но однажды мадам де Монтеспан, с которой Анжелика виделась у Нинон де Ланкло, сказала:

— Что вы себе позволяете, моя дорогая?! Не ответить на три королевских приглашения! У вас что, лихорадка или желудочное расстройство? Хочу вам со всей откровенностью заявить, что король не любит такие уловки. Более того, Его Величеству противны вечно болеющие люди. Вы рискуете попасть в немилость к королю.

Так Анжелика узнала, что Филипп, через которого король посылал ей приглашения, скрыл их от нее и поставил ее тем самым в ужасное положение.

— И совсем недавно я собственными ушами слышала, как король сообщил маркизу дю Плесси, что надеется видеть вас в среду на охоте. «Хочется верить, — сказал он с легкой гримасой, — что здоровье мадам дю Плесси-Бельер позволит принять мое приглашение. Иначе мне придется направить ей письмо с предложением вернуться обратно в провинцию». Боюсь, что вы приблизились к опасной черте и вам грозит немилость.

Анжелика была вне себя от гнева. Она решила тотчас разорвать паутину лжи, опутавшую ее, отправившись на королевскую охоту, не испрашивая на то позволения Филиппа. И если король заговорит с ней, то

она выложит ему всю правду. Так что Филиппу придется признаться Его Величеству в обмане.

В тайне от всех она купила новый наряд, накануне охоты выслала отдохнуть свою Цереру и приказала подготовить свой экипаж к выезду на рассвете.

Анжелика не сомкнула глаз до восхода солнца. И только когда первые лучи света забрезжили на еще темном небе, она слегка задремала, отогнав от себя неприятные мысли.

Вдруг ее собачка, маленький пушистый комочек шерсти, которая лежала под покрывалом, свернувшись клубком в ногах хозяйки, насторожилась, вскочила и хрипло зарычала. Анжелика погладила ее.

— Тише, Хризантема, тише!

Собачка дрожала и не переставала рычать. Затихнув лишь на мгновение, она опять вскочила и оглушительно залаяла.

— Что случилось? — забеспокоилась Анжелика. — Что там? Может, мышь?

Она зажала собаке пасть рукой, желая услышать то, что так взволновало ее любимицу. Ей повезло, и она расслышала какой-то шум, настолько слабый, что было трудно понять, откуда он доносится. Звук был непонятного свойства и ни на что не походил.

Хризантема глухо ворчала, не переставая.

— Да успокойся же, Хризантема, успокойся!

Лучше бы ей совсем не засыпать. Перед ней словно наяву промелькнула картина из ее прошлой жизни — ужасные грубые руки обитателей «дна», которые под покровом ночи пробираются в богатые дома и бесшумно исчезают в темноте со своей добычей.

Анжелика вздрогнула. Она не ошиблась. Звук исходил от окна в нише. Ночные разбойники?!

Сердце ее застучало быстро-быстро и, кроме этих глухих ударов, она больше ничего не слышала.

Хризантема выскользнула из ее рук и отчаянно залаяла. И спустя мгновение она, почувствовала, что в комнате кто-то есть.

Хлопнуло окно.

— Кто здесь? — вскрикнула она, мертвея от страха.

Никто не ответил, но ясно слышался звук шагов.

«Мои украшения!» — промелькнуло у нее в голове.

Анжелика вытянула руку и захватила в горсть драгоценности, какие лежали на ночном столике. И в ту же минуту на нее набросили тяжелое толстое одеяло. Сильные руки жали ее, не давая двигаться. Она закричала

что было сил и забила, стараясь освободиться от одеяла.

— На помощь! На по... мо...

Жесткие пальцы сдавили горло. Перед глазами блеснула зарница, и ожесточенный лай собачки сделался глуше, затем отдалился и вовсе стих.

«Этот грабитель меня задушил! О, ужас! Филипп!» И сознание ее померкло.

Когда Анжелика пришла в себя, то почувствовала, как что-то выпало у нее из разжавшихся пальцев и стукнулось об пол, выложенный плиткой.

«Мои украшения!»

Двигаясь с трудом, она села на грубом волосяном тюфяке и увидела упавшую нитку розового жемчуга. Вероятно, она была столь крепко зажата в руке, что не выпала, пока Анжелика была без сознания.

Она осмотрелась. Комната была маленькая, е густо зарешеченным оконцем, через которое проникали слабые, рассветные лучи солнца. В нише под окном теплился желтый огонек светильника. Обстановка состояла из топорной работы стола, поломанного стула и грубого деревянного возвышения, на котором лежал колючий волосяной тюфяк.

«Где я нахожусь? Чья я пленница? Что хотят от меня?»

Эти люди оставили ей ее жемчуг. Конечно, не было нарядов, но и то неплохо, что грубое одеяло лежало поверх ее розовой сорочки.

Анжелика подняла ожерелье и приложила его к шее. Но тут же передумала и спрятала его под жесткий валик в изголовье.

Где-то вдали зазвонил колокол. Затем другой.

И только тогда Анжелика заметила маленькое деревянное распятие на стене с заложенной за него веточкой самшита.

«Монастырь! Вот где я!»

Она окончательно уверилась в своей догадке, когда услышала звуки органа и голоса, затянувшие псалом.

«Что это такое? Боже мой, как болит горло!»

Мысли у нее путались, и она в изнеможении откинулась на тюфяк, надеясь, что все это дурной сон, и все эти ночные ужасы исчезнут после пробуждения.

Заставил ее подняться и сесть на тюфяке не внушающий ничего доброго шум шагов в коридоре, мужских шагов. Наверняка это шел ее похититель. Великолепно! Она преградит ему путь и не выпустит, пока не получит объяснений. Насмотревшись на бандитов и разбойников парижского дна, она теперь не боялась их. Достаточно будет только напомнить, что Деревянный Зад — владыка преступного мира — был ее покровителем.

Звук шагов смолк у двери. Затем заскрежетал ключ в замке, и дверь отворилась. Увидев, кто вошел, Анжелика на мгновение оцепенела.

— Филипп!

Она никак не рассчитывала увидеть здесь своего мужа. За те два месяца, что они были женаты, Филипп не только не представил ее друзьям и знакомым, но даже и не появился у нее ни разу.

— Филипп, — повторила Анжелика. — Какое счастье! Вы спасете меня?

Но весь его вид, безразличный и отсутствующий взгляд наводили на мысль, что он совсем не собирается спасать жену. Не двигаясь, он стоял у двери, удивительно красивый в своем сером костюме и высоких сапогах. Локоны тщательно завитого парика спускались на кружевной воротник. Он совсем не подходил к этому грубому и ужасному месту.

— Как вы себя чувствуете, сударыня?

Он разговаривал с ней так, будто они повстречались на прогулке.

— Я не понимаю, Филипп. Что происходит? — она запнулась. — На меня набросились в спальне. И притащили сюда. Зачем? Кто это сделал?

— С удовольствием сообщаю, что это сделал Ла Виолетт, мой слуга.

Анжелика от удивления лишилась дара речи.

— И по моему приказанию, — любезно добавил муж.

И только теперь Анжелика все поняла. Она спрыгнула на пол и, как была в ночной сорочке, босиком побежала по холодному полу к окну и ухватилась за железную решетку.

Восход солнца предвещал прекрасный день. Король со своей свитой будет охотиться в лесу Фосе-Репо, но среди них не будет ее, маркизы дю Плесси-Бельер.

Вне себя от гнева, она повернулась к Филиппу.

— Вы похитили меня, чтобы я не попала на королевскую охоту!

— Вы удивительно догадливы!

— Но вы же понимаете, что король никогда не простит мне моего отсутствия?

— Разумеется, только на это я и рассчитываю.

— Вы исчадие ада!

— Вот как! Вес женщины удивительно одинаковы в своих оценках!

И Филипп расхохотался. Видно было, что беспомощная ярость Анжелики доставляет ему удовольствие.

— Не такое уж я и исчадие ада. Ведь я только оставляю вас на время в этом монастыре, дабы оставшись наедине с собой и богом, вы, терзаемая раскаянием, смогли начать новую смиренную жизнь. Думаю, что сам

всевышний не нашел бы ничего плохого в моем поступке.

— И на какое время мне уготована роль кающейся грешницы?

— Там видно будет. Я думаю, на несколько дней.

— Знаете, Филипп, я... я поняла, что ненавижу вас!

Маркиз рассмеялся, показывая великолепные белые зубы, и если бы Анжелике уже не было все равно, ей стало бы страшно от этого бессердечного смеха.

— Отлично. Мне пришлось изрядно потрудиться, чтобы поломать ваши планы.

— Поломать планы? Как это просто у вас получается! Силой ворваться в мой дом, увезти меня неизвестно куда! Вы только подумайте, в то время как ваш монстр душил меня, я взывала к вам за помощью!

Филипп нахмурился. Приблизившись к Анжелике, он тщательно исследовал кровоподтеки на ее шее.

— Черт побери! Этот подлец слишком уж увлекся! А ведь ему были даны точные указания, я велел быть осторожнее, насколько это возможно, чтобы не всполошить ваших слуг. Но вы не переживайте, я накажу его, чтобы он не был слишком груб с вами в другой раз.

— В другой раз?

— Это будет повторяться до тех пор, пока вы не станете ручной и не перестанете гордо вскидывать голову, дерзить и всячески выказывать свое неповиновение. Помните, что я не случайно назначен главным ловчим, распорядителем королевской охоты. Мне доверяли натаскивать самых свирепых охотничьих сук. И кончалось всегда одним — они лизали мне руки.

— Никогда! — вспыхнула Анжелика. — Скорее я умру, или вы прикончите меня!

— Нет, этого не будет. Я предпочту превратить вас в рабыню.

В его голубых глазах были только холодность и безразличие. В этой дуэли перевес был на его стороне. Но Анжелика с вызовом спросила:

— Не слишком ли вы самоуверенны, мой друг? Хотела бы я знать, как вы собираетесь этого добиться?

— Методов много, — сухо ответил маркиз. — Скажем, оставить вас здесь подольше. Как вам это понравится? А еще эффективнее — разлучить с сыновьями.

— Вы не осмелитесь!

— Отчего же? Или, к примеру, дать вам возможность как следует поголодать, чтобы желание поестъ убило в вас все другие желания и чувства.

— Как вы банальны! Не забывайте, что моя судьба в моих руках!

— Ерунда! Вы моя жена, и мне, как мужу, дана над нами абсолютная власть. И еще я могу забрать ваши деньги и сделать вас нищей.

— Но и я не буду сидеть сложа руки.

— Кто вас услышит? У нас был бы шанс, обратись вы за помощью к королю, но теперь, я надеюсь, когда вы не появитесь на охоте, он разгневадается и откажет вам в своей милости. А теперь я уйду и даю вам возможность подумать обо всем сказанном. Я должен спешить, так как на мне лежит обязанность вовремя спустить с цепи свору гончих. У вас есть, что еще сказать мне?

— Моя ненависть к вам безмерна.

— Но это еще только самое начало! Я верю, что настанет день, когда вы захотите умереть, лишь бы избавиться от моей власти.

— В чем причина вашего такого отношения ко мне?

— Я жажду мщения. Не забывайте, что вы заставили меня жениться на вас. Меня! Жениться на вас! Никто не смел поступать так со мной! Для меня будет счастьем видеть вас валяющейся у меня в ногах, вымаливающей прощение, — полубезумную и растерявшую свою самоуверенность!

— Впечатляющая перспектива! — усмехнулась Анжелика.— Почему бы вам не попробовать камеру пыток? Раскаленное железо, дыба, пальцы дробить в тисках...

— Это чересчур, мадам. пытки портят тело, а обладание обезображенным телом не дает ожидаемого удовольствия.

— А вы так цените это удовольствие?

Филипп, дошедший почти до самой двери, круто развернулся.

— Да, я ценю... несколько на свой лад. Вы привыкли, что вас боготворят любовники, и вы того же ждете от мужа. Но не дождетесь, моя прелесть. Я и так уже принес много жертв на алтарь вашей красоты. Я чувствую себя спокойнее, когда вы ненавидите меня, но еще больше меня бы устроило ваше отчаяние, близкое к помешательству. Удовольствие тем сильнее, чем ваше положение безнадежнее.

— Уходите, Филипп, я хочу остаться одна.

Но маркиз только улыбнулся и направился к ней.

— А знаете, любезная моя жена, мне не хочется покидать вас вот так. Эти разговоры... Ваше тело... Собственно, к нему у меня нет претензий!

Маркиз схватил ее и грубо прижал к себе — без намека на ласку или хотя бы осторожность. Она рванулась.

— Оставьте меня, оставьте... умоляю вас...

— Как приятно слышать ваши мольбы!

Он легко приподнял ее, как нечто бестелесное, и бросил на тюфяк, некогда служивший постелью одной из монашек.

— Филипп, не забываетесь, мы находимся в монастыре.

— Неужели? Должен ли я понимать это так, что всего за два часа, проведенные в этом богоугодном месте, вы решились дать обет целомудрия? Сожалею, что вам так ненадолго удалось сохранить верность этому обету. Уж очень я люблю: лишать чести монахинь.

— Вы самый подлый человек, из всех, кого я встречала в своей жизни!

— Помнится, вы всё силы приложили, чтобы выйти за меня замуж! А ваши разговоры теперь что-то мало напоминают любовные! — воскликнул он, срывая перевязь.

— Вам бы почаще бывать в салоне у восхитительной Нинон.

— Я устал от вашего жеманства, маркиза дю Плесси-Бельер. Очень хорошо, что вы напомнили мне о долге мужа перед женой, и я выполню его так, как вы того заслуживаете!

Анжелика перестала сопротивляться и закрыла глаза, помня по прошлому опыту, что дальнейшее сопротивление только усилит ее страдания.

Да, она хотела выйти за него замуж, хотя все предостерегали ее, все, кто знал Филиппа дю Плесси-Бельер. Да, он женился на ней. Теперь, правда, она раскаивалась в содеянном; ей не хотелось вести с мужем войну, и она не понимала, почему бы им не жить хотя бы в мире, если не в любви. Но проклятый Филипп признавал только войну, только она была способом его существования, и женщине в этой войне была отведена единственная роль — жертвы. И оставался только один путь — как-то приручить своего повелителя. Этот путь мог быть долог и тяжел. Как он тяжел, Анжелика чувствовала сейчас, когда Филипп набросился на нее. Не встретив сопротивления, он ухмыльнулся:

— Что ж, дорогая моя, кажется, вы поумнели. Впрочем другого я и не ждал. Скоро, очень скоро вы станете моей покорной рабыней. А теперь счастливо оставаться в этих мощных стенах. Разумеется, вы можете рыдать и проклинать меня на чем свет стоит, все равно вас никто не услышит. Монахини будут кормить вас, но из этой кельи вы не выйдете. Монахини не только творят молитвы, но и прекрасно исполняют роль тюремщиц. Вы для них никакого интереса не представляете — только едите монастырский хлеб. Так что, голубушка, развлекайте себя сами. Надеюсь, сегодня вечером, когда королевская охота проследует мимо монастыря, вы услышите звуки охотничьего рога. Я обещаю вам, что распоряжусь

трубить в рога и вашу честь.

— Филипп расхохотался и вышел. Как омерзителен он был ей в эту минуту, упоенный радостью мести!

Анжелика осталась лежать под толстым и тяжелым, плохо выделанным одеялом, от которого исходил запах мужского пота. Ею овладели усталость и безразличие. Нервное напряжение прошедшей ночи и ссора с мужем истощили ее силы. К тому же, в животе резко толкнулась боль. Во рту возник вкус желчи, на лбу выступила испарина. Анжелике стало плохо, так плохо, что она больше уже не могла ни о чем думать. Ее тошнило, знобило, у нее потемнело в глазах. Беспомощная, она лежала на грубой постели, придавленная к ней тем, чего старалась не замечать и о чем старалась не думать: давала знать себя свадебная ночь, о которой Анжелика не могла вспомнить без того, чтобы к горлу не подступили слезы.

Отцом ее будущего ребенка был ненавидящий ее Филипп. И он хотел мучить ее до сумасшествия... за то, что она захотела выйти за него замуж. Нет, она сойдет с ума гораздо раньше! Если не перестанет ломать голову над ситуацией, не имеющей выхода.

Приступ тошноты прошел, и Анжелике стало легче. Захотелось спать. Но в оконце проникали рассветные лучи — занималось утро последнего дня придворной карьеры маркизы дю Плесси-Бельер. Ее ждет немилость короля, ссылка в провинцию! Если только она не выберется отсюда!

Она вскочила и, подбежав к двери, начала стучать и кричать:

— Откройте дверь! Выпустите меня!

Никакого действия это не возымело, кроме того, что пальцы она разбила в кровь.

«Я должка быть на охоте. Я погибну, если не буду там. Филипп послушается только короля. Раз из окна я смогу услышать звуки охотничьего рога, значит, монастырь находится неподалеку от Версаля. Надо выбираться из него любой ценой».

Но как ей выбраться отсюда?! Сквозь решетку в окне не протиснулся бы и голубь, стены были крепки.

И вдруг она услышала приглушенный стук деревянных башмаков по каменному полу. Звук не имел направленности и был слабым, но вселил в сердце Анжелики надежду, и она застыла, напряженно вслушиваясь, а затем вернулась к тюфяку.

Раздался скрежет ключа в замке, и в келью вошла женщина — по виду служанка. Одета она была в плисовое платье, на голове чепец. В руках она держала поднос.

— Доброе утро, — пробурчала она и переставила с подноса на стол завтрак Анжелики; кувшин с водой, чашку бобов со свиным жиром и крохотную булочку.

Анжелика внимательно разглядывала ее. Судя по всему, это не монашка; она не походит на толстых и нескладных служанок с вечно полуоткрытым ртом, которые обычно прислуживают в монастырях. Она была довольно миловидной, большие черные глаза смотрели отнюдь не со смирением, а округлость бедер не скрывало даже бесформенное платье. Вот она уронила ложку и выругалась. Перед Анжеликой, несомненно, была одна из женщин парижского дна, представительница королевства нищих, попавшая в полицейскую облаву, и ей служба в монастыре была вместо тюрьмы.

— Эй, сестра, — прошептала Анжелика и, приподняв руку, скрестила пальцы — знак уличного сброда.

— Боже мой! — воскликнула служанка, когда пришла в себя от удивления. — Прямо глазам своим не верю... А мне сказали, что вы настоящая маркиза. Несчастливая, и тебя схватили эти мерзавцы из банды Святого Причастия? Здорово тебе не повезло! Да с этими подонками невозможно ужиться!

Она по-свойски села на край постели.

— Полгода я торчу в этой дыре. Не обижайся, что я так идиотски смеюсь. Это от радости, что я встретила с тобой, будто наелась всласть, и вся печаль из головы вылетела. Где ты работала?

Анжелика неопределенно махнула рукой.

— То там, то здесь... в общем, везде. У Деревянного Зада...

— О, у самого Великого Кезра! Наверное, неплохо тебе там было. Для новенькой ты уж очень быстро взобралась на самую вершину. Ты ведь новенькая? Я раньше тебя никогда не встречала. Как твое имя?

— Маркиза Ангелов.

— А я — Воскресенье. Я работала возле церквей. Ты не представляешь, как эти мужчины, степенные и одухотворенные, входят в церковь. И о чем они там думают во время длинной службы? Конечно же о том, чтобы поймать хорошенькую девочку после мессы. И когда служба кончается, у меня клиентов хоть отбавляй. Но какой визг поднимают их облезлые жены! Ты бы видела, как они чуть не поубивали друг друга, пытаясь меня арестовать. Им, конечно, хотелось засудить меня и отправить в тюрьму. Но за меня заплатили, не малую, должно быть, сумму, судья смягчился, и в результате я попала в этот мерзкий монастырь. И должна служить здесь вечно. А ты как попала сюда?

— Один сводник положил на меня глаз. И я вроде была не против, но он потребовал отдать ему все мои деньги. Черта лысого! Ему это не удалось. Тогда он упрятал меня в этот монастырь с мстительной надеждой, что и в конце концов сдамся!

Полузабытый, как думалось, уличный словарь сыпался с губ Анжелики легко и свободно.

— Ужас! — вздохнула Воскресенье и подняла глаза к небу. — Он, наверное, настоящий скряга. Я слышала, как он договаривался с настоятельницей монастыря о цене и дал меньше двадцати экю. За мое заключение здесь эти подонки из банды Святого Причастия платят столько же. А из жратвы здесь только горох да бобы...

— Мерзавец! — вскричала Анжелика вне себя от гнева. Он не только мстил ей, но и пытался сэкономить, заплатив за нее, как за последнюю проститутку, если не меньше!

Анжелика сжала служанке руку.

— Ты сможешь мне выбраться отсюда? Я кое-что придумала. Дай мне свою одежду, и покажи калитку, через которую можно удрать.

Служанка вспыхнула.

— Ты просишь меня о помощи, а я и сама не знаю, как сбежать.

— Тебе трудней, тебя все здесь знают и сразу схватят. Меня же если кто и видел, то одна настоятельница. Случись, что меня схватят в коридоре, я смогу отбрехаться.

— Может и так, — кивнула головой Воскресенье. — Тебя принесли прямо сюда, плотно закутанной в одеяло. Да еще ночью.

— Как видишь, шанс у меня есть. Так что давай одежду.

— Не спеши, Маркиза, — пробурчала та. — Все себе и ничего другим — разве не так? А что достанется бедняжке Воскресенью, оставленной увядать в этих стенах? Не исключено, что меня засунут в темницу еще похуже этой, так?

— Посмотри на это, — Анжелика засунула руку под тюфяк и вытащила нитку розового жемчуга.

Она поднесла жемчуг к свету. Блеск переливающихся в лучах восходящего солнца жемчужин потряс служанку.

— Наверное, они не настоящие, — наконец выдохнула она.

— Да ты взвесь на ладони. Бери. Это настоящий жемчуг, очень дорогой, редкий и он будет твой, если мы с тобой договоримся.

— Ты смеешься?

— Нисколько. Когда ты выберешься отсюда, то продашь его и разоденешься не хуже королевы.

Воскресенье полюбовалась ниткой жемчуга, перекладывая ее из руки в руку.

— Ну, соглашайся!

— Хорошо. Мне кое-что пришло в голову. Погоди, я сейчас.

Она спрятала ожерелье за пазуху и вышла.

Анжелике вдруг подумалось, что она может и не вернуться.

Но она возвратилась с охапкой одежды и еще держала в руке маленькое ведерко.

— Меня задержала матушка Ивонна, черт бы ее побрал! Прямо убила бы ее. А теперь поспешим, кончается время молочниц, которые приходят за молоком на монастырский двор. Одевайся, бери ведро и спускайся вниз. Я провожу тебя. Во дворе смешаешься с молочницами и пойдешь с ними к выходу. Только постарайся естественно держать ведро на голове!

Все получилось как нельзя лучше. И уже через пятнадцать минут Анжелика шла по пыльной дороге в сторону Парижа.

На маркизе дю Плесси-Бельер была короткая юбка в красную и белую полоску, отделанная по низу черным. В одной руке она держала башмаки, которые были ей велики, другой — придерживала ведро с молоком, которое грозило вылиться на дорогу.

У нее было мало времени, и находилась она на полдороге между Версалем и Парижем. Анжелика подумала и решила, что не стоит идти сейчас прямо в Версаль. Было бы глупо появиться перед королем и придворными в крестьянском наряде; лучше добраться до Парижа, переодеться и в экипаже отправиться на охоту,

Анжелика чуть не бежала, но расстояние не сокращалось. Острые камешки кололи босые ступни, но, когда она надела башмаки, стало еще хуже — они терли и сваливались с ног. Молоко плескалось на дорогу, а ведро съезжало то в одну сторону, то в другую.

Но тут ее нагнала повозка, следующая в Париж. Анжелика помахала рукой вознице.

— Подвези меня, любезный!

— Пожалуйста, голубушка. Один поцелуй, и я домчу тебя прямо до Нотр-Дама.

— Вынуждена тебя огорчить. У меня есть кого целовать, и я обещала ему хранить верность. Но отдам ведро молока для твоих детишек.

— Идет... Хотя это и не совсем то, но уж ладно, забирайся, радость моя. Какие у тебя губки, какие глазки!

Возница высадил Анжелику на набережной в Париже в десять часов утра.

Анжелика прибежала в отель, где привратник чуть не упал в обморок, увидев ее в таком наряде. Ей сразу сообщили обо всех таинственных событиях, случившихся в доме. К испугу слуг, обеспокоенных неожиданным исчезновением хозяйки, добавилось еще и изумление, когда слуга маркиза дю Плесси, настоящий великан, рано утром забрал все экипажу и всех лошадей из конюшни отеля Ботрейи.

— Всех лошадей! Все экипажи! — в ужасе повторила она.

— Да, мадам.

Но нельзя было терять ни самообладания, ни времени.

— Что ж, мне помогут друзья. Жавотта! Розина! Ванну! Быстрее! Подготовьте платье для верховой езды. В дорожную корзинку положите паштет и бутылку хорошего вина.

Пробило полдень. Анжелика нервничала.

— Мое отсутствие давно замечено. Кто знает, как Филипп объяснит его королю. Он вполне может сказать, что у меня несварение желудка, это в его стиле. А без лошадей и экипажа я не попаду на охоту и к заходу солнца. Будь ты проклят, Филипп!

Глава 2

— Будь ты проклят, Филипп! — повторила она, высунувшись из кареты и бросив взгляд на дорогу с разбитой колеей.— Будет ли конец всему этому?! — простонала Анжелика, повернувшись к сидевшей рядом Филониде де Парайонк.

Та небрежно махнула веером и привела в порядок съехавший от тряски набок парик. Это был ее убогий экипаж, запряженный парой довольно костлявых лошадей.

— Подчинимся судьбе, моя дорогая, — с улыбкой произнесла она. — Всему на свете приходит конец, даже этому бесконечному путешествию.

— Если не учитывать, на чем вы путешествуете, где находится пункт назначения и когда вы хотите в него попасть, — слегка раздраженно возразила Анжелика.

— Ну, если вы имеете в виду королевскую охоту, где надлежало быть еще шесть часов тому назад, то, разумеется, у вас есть повод для раздражения.

— Будь у меня силы, я бы пошла туда пешком, — ответила Анжелика. — Ведь меня ждет немилость, если обнаружится мое отсутствие.

Экипаж в очередной раз сильно тряхнуло, и они повалились друг на друга.

— Черт бы побрал эту колымагу! — вскричала Анжелика. Единственное, на что она еще годится — это на дрова.

— Вне всякого сомнения, моему скромному экипажу недостает великолепия вашего выезда, — ответствовала ее спутница. — Но полагаю, и вы не станете этого скрывать, что вы рады и такому средству передвижения, особенно с тех пор, как ваш добрый Филипп взял себе за развлечение прятать ваших лошадей.

Анжелика горестно вздохнула.

Да, теперь негодились бы ее хлысты с золотыми ручками и кисточками алого цвета!

Как же она радовалась приглашению на королевскую охоту в лесах возле Версаля! Она представляла себе, как появится среди гостей короля в роскошной карете — кони черные, слуги в ливреях голубых и бледно-желтых, цвета дома Плесси, и услышит завистливые возгласы: «Кому принадлежит эта карета?» — «Маркизе дю Плесси-Бельер!» — «Той женщине, которая..?» — «Да, видимо, ее муж чрезмерно ревнив и прячет ее

от света. Так что королю пришлось самому пригласить ее».

Анжелика была так поглощена подготовкой к предстоящей королевской охоте и была так уверена, что ничто и никто не сможет помешать ей! Только бы сделать первый шаг, а там уже она займет место при дворе, и даже Филипп будет не в силах повредить завоеванному положению.

Филонида де Парайонк ехидно заметила:

— Нетрудно догадаться, о чем вы сейчас думаете. По блеску ваших глаз видно, как вы рветесь в бой. Но с кем вы предпочтете сразиться: с мужем или с королем?

Анжелика вздрогнула.

— Король? Слишком неприступная крепость. Кроме королевы и любовницы — мадемуазель де Ла Вальер — у его ног масса других женщин. Ну, а муж? Зачем? Он и так принадлежит мне. Не странно ли будет для мужа и жены интересоваться друг другом в том смысле, который вы имеете в виду?

— Да, действительно, трудно представить, как это ваш красавчик интересуется вами, — Филонида со смешком провела язычком по губам. — Поделитесь со мной, дорогая, и еще раз расскажите ту удивительную историю, что приключилась с вами. Ничего подобного мне раньше не приходилось слышать. Потрясающе, что все лошади исчезли из конюшни как раз накануне вашей поездки в Версаль. И вы недосчитались половины ваших слуг, верно? Видать, маркиз неплохо подкупил их, а вы ничего не заметили. Ваш муж оказался изворотливее вас, моя милочка.

На этот раз их так потрянуло, что маленькую Жавотту, сидевшую напротив на узеньком откидном сиденье, подбросило, и она упала на Анжелику, вконец измяв ее наряды.

Горничную Анжелика усадила обратно на место, не выбравив — Жавотта была не при чем, но с трудом удержалась от соблазна нахлестать по свиным щекам Филониды де Парайонк, которая злорадно улыбалась, видя, как пострадало у Анжелики платье.

Но, к сожалению, единственным человеком, который ей мог бы помочь, была эта старая дева. Никого другого на месте просто не оказалось. Мадам де Совиньи находилась в провинции. Нинон де Ланкло не отказала бы в помощи, но репутация куртизанки не позволяла ей появляться при дворе, и ее экипаж был легко узнаваем. Остальные подруги были либо ненадежны, либо уже уехали на охоту, так что оставалась одна мадемуазель Парайонк. К тому же Филонида была ее давней подругой и хорошей соседкой, эту дружбу ценили они обе.

Но Анжелике пришлось долго ждать, будучи вне себя от нетерпения, пока та с особым волнением не примерила все свои старомодные наряды. Не меньше времени ушло у горничной на расчесывание лучшего парика старой девы. Потом пришла очередь кучера счищать грязь со своей ливреи и приводить в порядок потрепанный экипаж.

И наконец они отправились. Но, в довершение всего, дорога была плохая — да и вряд слово «дорога» подходило к узкой лесной тропе.

Анжелика до боли в глазах вглядывалась в глубь зеленой чащи, надеясь увидеть впереди просвет.

— Вы получите насморк, и что тогда станет с вашей внешностью? — осуждающе произнесла ее попутчица. — Вам не нравится дорога? Тогда ругайте короля за то, что он придумал эту прогулку по грязи. Раньше эта дорога предназначалась только для скота, который гнали на рынки, ее сейчас так и называют — Бычий Путь. Предшественник нашего короля Луи XIII, некогда охотился здесь, но ему и в голову бы не пришло таскать за собой по этим камням придворных дам. Людовик Целомудренный был воспитанным королем, простым, но благоразумным...

Ее слова заглушил страшный треск, последовавший вслед и мощным толчком. Экипаж скособочился, колесо свалилось и пассажиры повалились друг на друга.

Анжелика упала на дно кареты, так как находилась со стороны сломавшегося колеса. Все ее мысли были о платье, которое придавили тяжестью своих тел мадемуазель де Парайонк и Жавотта. Анжелика не шевелилась из боязни порезаться осколками стекла — окошко кареты лопнуло и просыпалось внутрь.

Наконец, открылась дверца кареты, и появилась лисья физиономия Флипо, молодого слуги.

— Все обошлось, маркиза! — прокричал он. Анжелика была в шоке и не смогла отчитать его за эту фамильярность.

— Эта старая колымага развалилась на куски? — спросила она.

— Нет! — со смехом ответила Филонида.

Судя по всему, ее развеселило это происшествие.

— Эй ты, грубиян, подай мне руку и помоги выбраться из кареты.

Флипо и кучер, который уже выпряг лошадей, помогли им выбраться на грязную дорогу.

Никто из них не пострадал, не считая того, что они попали в еще более отчаянное положение, чем были раньше.

Все рухнуло. Для Анжелики это была последняя надежда все-таки попасть на королевскую охоту. Король не простит ей отказа от

приглашения, как он посчитает, и не станет слушать оправданий. Муж похитил, карета сломалась — какой повод он сочтет более смехотворным?

Усевшись на пень, она погрузилась в мрачные мысли и на сразу заметила группу всадников, направляющихся к ним.

— Ох! К нам едут! — прошептал Флипо.

И действительно, в лесной тишине раздавался цокот копыт.

— Спаси и помилуй! — прошептала мадемуазель де Парайонк. — Разбойники!

Густая тень леса не позволила Анжелике разглядеть всадников как следует. Видно было только, что это высокие, худые и смуглые люди. Вся их внешность, — темные глаза, черные усы и бороды, говорили за то, что они не бывали в Иль-де-Франс. Потускневшие галуны на голубой форме свободно болтались. Перья на шляпах уныло клонились вниз. Одежда порвана, но каждый был при шпаге.

Впереди ехали двое симпатичных молодых людей и держали богато изукрашенные знамена с большим количеством дыр, что говорило о недавних сражениях.

Те из отряда, что шли пешком, были вооружены мушкетами и пиками. Весь отряд проследовал мимо женщин, окруженных слугами и стоявших возле опрокинутого экипажа, не обратив на них ни малейшего внимания. И только один всадник, по виду предводитель, остановился возле них.

— Готов поклясться, что Меркурий — покровитель путников — покинул вас самым нахальным образом!

В отличие от своих товарищей, он казался полным, но свисающие края одежды говорили за то, что и он потерял в весе. Все увидели его веселое лицо, когда он приподнял шляпу. В пользу того, что он гасконец, говорил и его певучий акцент.

Анжелика ответила на его улыбку и со всем шармом, на который была способна в эту минуту, произнесла:

— Судя по всему, вы гасконец, сударь?

— Вы угадали, самая очаровательная из лесных фей. Что я могу сделать для вас?

— Сударь! — волнуясь, сказала она. — У вас есть возможность оказать нам незабываемую услугу. Мы торопились на королевскую охоту, но случилась эта авария. Я не прошу вас починить наш экипаж, но вы не могли бы подвезти меня и мою подругу дальше по дороге Ле-Беф. Мы были бы крайне вам признательны.

— Дальше по дороге Ле-Беф? Мы как раз едем в ту сторону. Клянусь Юпитером, вам здорово повезло!

Всадники предложили женщинам места верхом позади себя, и через пятнадцать минут лошади домчали их до места.

На вершине холма Фосе-Репо они увидели поляну, запруженную повозками и лошадьми. В ожидании хозяев кучера и лакеи играли в бабки, а кое-кто убежал в ближний трактир пропустить стаканчик-другой.

Увидев своего слугу, Анжелика спрыгнула на землю.

— Женеку, немедленно приведи Цереру.

Через несколько минут она уже была в седле и, вонзив шпоры в бока лошади, понеслась к лесу.

Скакать по толстому ковру опавших листьев и по мшистым корням было неудобно, но затем Церера приноровилась и помчалась наверх.

Обзор закрывали верхушки деревьев, и Анжелика не могла ничего видеть впереди. Тогда она приложила ладонь к уху и услышала вдали лай собак, звуки одного рога за другим. Выделив сигнал «вода», она улыбнулась.

— Охота еще не завершена. Скачи, Церера! Я надеюсь, мы еще поправим положение!

Она помчалась вдоль опушки леса под низко склоненными ветвями. В этой уединенной и глухой части леса никто не бывал кроме бродяг и случайных охотников.

Лай собак приближался все быстрее и быстрее. Олень, которого они гнали, судя по всему, намеревался перепрыгнуть ручей.

Анжелика придержала лошадь, затем остановилась. Рядом с ней зацокали копыта. Она выехала на открытое пространство. В долину, поросшую травой, вел отлогий спуск. На дне ее под лучами солнца блестела топь. За ней, на другой стороне, темнела стена леса, и за лес, в облака, садилось солнце. Наступали сумерки.

И вдруг разноголосый лай послышался рядом. На краю леса мелькнула коричневая тень. Камыш на берегу ручья закачался, пропуская молодого самца с едва выступавшими бугорками рогов.

За ним неслась свора собак.

Первой из подлеска показалась всадница в алом костюме. И сразу вслед за ней со всех сторон появилось множество всадников, поскакавших вниз по склону. Собрав последние силы, олень бросился в оставленную ему охотниками брешь и исчез в дарующей спасение чаще леса.

Провожали его возгласы разочарования и досады. Забрызганные грязью собаки сбились в стаю и снова понеслись за оленем.

Анжелика пришпорила Цереру и направила вниз. Это был удобный

случай незаметно смешаться с толпой охотников,

— Вряд ли имеет смысл его преследовать, — услышала она голос за спиной. — Олень выбился из сил, и его надолго не хватит. А мы завязнем в болоте и будем по уши в грязи. Так советую вам, милая незнакомка, не искушать судьбу и остаться на этой стороне. Бьюсь об заклад, все вернутся сюда, чтобы собрать собак. И тогда мы свежие и чистые появимся перед королем.

Анжелика обернулась. Она не узнала говорившего. У него было приятное лицо под напудренным париком, костюм очень элегантен. Он улыбнулся ей и, поклонившись, приподнял шляпу с ослепительно-белыми страусовыми перьями.

— Где мы с вами встречались раньше, сударыня? У вас такая запоминающаяся внешность.

— А при дворе?

— При дворе? — задумался незнакомец. — Не может быть! Вряд ли я смог бы не заметить вас. Нет, и не пытайтесь меня обмануть, сударыня. Думаю, вы никогда не были при Дворе.

— Я вас не обманываю, — возразила Анжелика. — Я была при дворе, — и справедливости ради добавила: — Однажды.

Незнакомец расхохотался.

— Однажды! Восхитительно!

Он задумался, сдвинув светлые брови.

— Но когда это было? На прошлом балу? Что-то не припоминаю. Тем не менее... Пусть меня разразит гром, но я готов биться об заклад, что вас не было сегодня утром в Фосе-Репо.

— Неужели вы помните каждого человека?

— Каждого? Точно! Тот, кто желает, чтобы его помнили люди, должен помнить их сам. Это мой принцип с юности. А на память я не жалеюсь.

— Тогда у меня к вам просьба стать моим наставником. Назовите мне этих людей. Кто эта всадница в красном, что гарцевала рядом с гончими? Она отлично держится в седле. Вряд ли бы ее обогнал даже мужчина.

— Я с вами согласен. Это мадемуазель де Ла Вальер.

— Фаворитка короля?

— Она самая, — подтвердил он.

— Я не знала, что она такая великолепная наездница.

— Она будто родилась в седле. И еще в детстве скакала даже на необъезженных лошадях.

— Чувствуется, что вы хорошо знакомы с мадемуазель де Ла Вальер.

— В этом нет ничего удивительного, ведь она моя сестра.

— Да-а-а! — выдохнула Анжелика. — Так вы...

— Маркиз де Ла Вальер к вашим услугам, очаровательная незнакомка. Он снял шляпу и дурашливо раскланялся.

Анжелика слегка смутилась и, пришпорив лошадь, начала спускаться в долину, покрытую густым туманом, скрывающим лужи с водой.

Маркиз де Ла Вальер последовал за ней.

— Пойдите! Я чем-то обидел вас? Слышите? Скликают собак. Главный королевский ловчий маркиз дю Плесси-Бельер должен сейчас обнажить кинжал и всадить его в горло оленю. Вы даже, наверное, не представляете, как великолепно он справляется с обязанностями главного ловчего. Это зрелище, достойное внимания. С его красотой, элегантностью и изнеженностью — и так ловко пользоваться кинжалом, не хуже какого-нибудь мясника на бойне. Это просто невозможно себе представить.

— Филипп еще в юности славился тем, что в лесах Ньеля с одним ножом выходил на волка, — гордо сказала Анжелика. — Крестьяне прозвали его «Гроза волков».

— Видимо, теперь моя очередь удивляться. Откуда вы так хорошо знаете маркиза дю Плесси?

— Что в этом такого? Ведь он мой муж.

— Бог ты мой, как все это забавно!

Он как-то странно рассмеялся: с одной стороны неподдельно, с другой — притворно-вежливо. Так, должно быть, смеются искусные актеры. Он быстро смолк и с удивлением повторил:

— Ваш муж? Так передо мной маркиза дю Плесси-Бельер? Мне говорили о вас. Но разве вы... Боже мой, разве вы не в опале у короля?

Анжелика со страхом посмотрела на него.

— Ах, вот и король! — воскликнул маркиз и, тут же забыв о ней, помчался к группе всадников, появившихся на краю прогалины.

Анжелика сразу узнала короля, находившегося в окружении свиты. Его скромный костюм резко выделялся на фоне роскошных одеяний придворных. Поговаривали, что король одевается по этикету лишь на официальные приемы и немедленно переодевался после их окончания. На охоте же он отказывался носить кружева и меховые накидки.

Сегодня на нем был коричневый костюм для верховой езды, лишь, у петелек застежки и клапанов карманов блестела золотая нить. Его наряд дополняли длинные, до бедер, сапоги. В этом одеянии он был похож на богатого крестьянина. Но стоило заглянуть ему в лицо, и все становилось на свои места: манера держаться была истинно королевская, он надменно и

изящно не обращал внимания на реакцию окружающих.

В руке он держал тросточку с наконечником из копыта кабана, торжественно переданную ему главным ловчим перед началом охоты. Назначение ее было главным образом в том, чтобы отодвигать в сторону ветки, мешавшие быстрой езде Его Величества по лесу.

Вплотную к королю скакала в своем ярко-красном костюме фаворитка. Желтизна, портившая тонкие черты ее лица, была скрыта румянцем возбуждения. Анжелика впервые видела ее и сразу почувствовала в ней какое-то потаенное очарование, вызвавшее даже скрытую досаду. И все-таки, несмотря на прочность положения, занимаемого мадемуазель де Ла Вальер при дворе, она показалась Анжелике не той фигурой, которая могла бы повелевать.

Чуть поодаль от нее Анжелика разглядела принца Конде, мадам де Монтеспан, де Лозена, де Бриенна... Еще дальше скакала обворожительная принцесса Генриетта, потом брат короля и с ним его неразлучный фаворит — шевалье де Лоррен.

Но многие из увиденных Анжеликой людей были ей незнакомы.

Король с выжиданием смотрел на узкую лесную тропинку, на которой вскоре показались два всадника. Одного из них Анжелика сразу узнала — это был Филипп дю Плесси с такой же, как и у короля, тросточкой с копытом оленя.

Быстрая езда почти никак не отразилась на состоянии его парика и одежды. Вид его стройной фигуры внес сумятицу в мысли Анжелики. Как он поступит, увидев здесь свою жену, которую надломленной и униженной оставил несколько часов тому назад в монастыре?

Изучив хорошо своего мужа, она знала, что он не осмелится наказать ее в присутствии короля, но потом...

Маркиз дю Плесси осаживал белую лошадь, чтобы не обгонять своего медлительного спутника, пожилого мужчину с тронутым загаром лицом и остроконечной бородкой по моде прошлого века. Казалось, он специально выделял неторопливость своих движений, сохраняя ее даже при видимом нетерпении короля.

Это был Сально, бывший до Филиппа главным ловчим.

Некогда он приобщал Его Величество к тайнам этого искусства. И ему было не по себе видеть забвение основ охотничьей науки. Особенно его угнетало отношение к охоте как к развлечению. Уж предыдущий монарх не потерпел бы присутствия на охоте стольких баб. И Сально при случае не упускал возможности обратить внимание своего сиятельного воспитанника на забвение этого правила. Он никак не мог уяснить себе, что Людовик

XIV уже не тот пухлый малый, который с его помощью влезал в седло.

Без особого желаяния, но памятуя его прежние заслуга, король формально оставил его в звании главного ловчего. Но, по существу, главным распорядителем королевской охоты стал Филипп. Это было наглядно показано, когда он приблизился к королю и передал свой знак отличия — тросточку с копытом оленя маркизу де Сально. Тот принял его и, в свою очередь, получил из рук короля жезл с копытом оленя, врученный Его Величеству в начале охоты, согласно правилам.

Охота завершилась.

Но, тем не менее, король спросил:

— Сально, сильно ли устали собаки?

Престарелый маркиз тяжело дышал. И не только он один, все, кто принимал участие в охоте, — свита, челядь, доезжачие — были крайне утомлены.

— Собаки? — встрепенулся Сально. — Конечно. Так оно и должно быть.

— А лошади?

— Не меньше устали.

— И это все из-за двух олешек, почти безрогих по молодости! — пожал плечами король.

Он окинул взглядом придворных.

Анжелика ощутила, что несмотря на каменное выражение его лица, король отметил ее появление и узнал ее. Она подала лошадь вперед.

— Что ж, мы продолжим охоту в пятницу.

Желание короля удивило и обеспокоило всех присутствующих. Особенно дам, которые спрашивали сами себя: как, они уже послезавтра снова усядутся в седло?

Король слегка повысил голос и повторил:

— Так вы меня поняли, Сально? Охота состоится послезавтра. Я надеюсь, что мы загоним матерого оленя с десятью отростками на рогах.

— Будет исполнено, Ваше Величество, — склонился в поклоне главный ловчий и, прежде чем удалиться, сказал громко для всех: — Я правильно понял вас, сир, что прежде надо беспокоиться о том, чтобы собаки и лошади восстановили свои силы, а уж потом люди?

— Господин де Сально! — крикнул ему вдогонку король. И когда главный ловчий вернулся, сказал ему:

— По-моему, настоящий охотник никогда не устает.

Сально склонился в низком поклоне.

Король двинулся во главе пышной кавалькады. Ехавшие в ней

придворные подняли головы и выпрямили спины, радуясь близкому отдыху.

Поравнявшись с Анжеликой, король остановился, и вслед за ним вся его свита.

Анжелика с гордо поднятой головой сидела в седле, не выказывая ни малейших признаков страха или слабости под пристальным взглядом монарха. Более того, она улыбнулась ему в ответ.

Король вздрогнул, словно его укусил комар. Его щеки залил румянец.

— Кажется... Если я не ошибаюсь, передо мной мадам дю Плесси-Бельер? — надменно спросил он.

— Очень любезно, Ваше Величество, что вы помните меня.

— На мой взгляд, вы более любезны сейчас, так как вспомнили о нас, — ответил король. — Надеюсь, вы снова в добром здравии, мадам?

— Благодарю вас, Ваше Величество. Я никогда не жаловалась на свое здоровье.

— Вот как! Но почему же тогда вы пренебрегли моими приглашениями три раза подряд?!

— К сожалению, сир, я не получала ваших приглашений.

— Но я лично, сударыня, говорил маркизу дю Плесси о своем желании видеть вас при дворе. Раньше за ним не замечалась такая забывчивость.

— Боюсь, сир, мой муж полагает, что жене приличнее оставаться дома за вышиванием и не отвлекаться от домашних забот, нежели наслаждаться великолепием вашего двора.

И будто повинуюсь неслышной команде, все плюмажи, которыми были увенчаны шляпы, повернулись вслед за королевской в сторону Филиппа, окаменевшего от гнева на своей белой лошади.

И тогда король разразился хохотом, разряжая тем самым обстановку.

— Неужто, маркиз, вы так ревнивы, что посмели скрыть от нас драгоценное сокровище, которым обладаете? Уж не жадность ли вас снедает? Сейчас я прощаю вас, но на будущее рекомендую не держать мадам дю Плесси в темнице. А вас, сударыня, я не хотел бы укреплять в стремлении противиться воле вашего властелина-мужа, но вместе с тем мне нравится ваша тяга к свободе. Прошу вас не уклоняться и вкусить великолепия моего двора, как вы сами изволили выразиться. Я обещаю, что маркиз не станет вам препятствовать в этом.

Филипп снял шляпу, всем своим видом выражая повиновение словам короля.

Анжелика заметила, что на лицах придворных, еще минуту назад готовых безжалостно осмеять ее, появились улыбки другого свойства.

— Поздравляю вас, — сказала мадам де Монтеспан. — Вы просто чудо! Умело создаете трудности и также умело преодолеваете их. Вы словно канатная плясунья. Мне казалось, что еще мгновение, и по знаку короля все кинутся на вас. Но спустя это мгновение вы предстали совсем в ином свете — пленница, которая разрушила все преграды на своем пути, включая тюремные стены, и сумела прибыть по зову короля!

— Вы даже не представляете, как вы правы!..

— Так расскажите мне все!

— Пожалуйста, но только позже.

Анжелика пришпорила Цереру и пустилась вскачь.

Охотничья кавалькада спустилась извилистой тропинкой по склону Фосе-Репо к месту, где стояли, их экипажи. Надвигалась ночь. И надо было торопиться, так как в Версале их ждал роскошный ужин.

Зажглись факелы и фонари.

Проезжающая карета чуть не зацепила Анжелику. Она обернулась.

— Куда вы направляетесь? — окликнула ее через окошко кареты мадам де Монтеспан. — И на чем? Где ваш экипаж?

— Он свалился в канаву по дороге сюда.

— Так садитесь ко мне.

Чуть дальше они подобрали Филониду де Парайонк и Жавотту. Их мысли, так же как и всех других знатных дам, устремились в Версаль.

Глава 3

Во времена описываемых событий леса вплотную подступали к замкам. Так что когда охотничья кавалькада выехала из леса, то она сразу попала на территорию замка, с мерцающими в его окнах факелами, которые переносились из одного зала в другой.

Все пришло в движение, так как король пожелал задержаться в Версале еще дня на три и отменил объявленную ранее поездку этим вечером в Сен-Жермен. И теперь нужно было все привести в порядок для размещения короля, его родственников и свиты. А также накрыть столы и развести лошадей по конюшням.

Внутренний двор был забит каретами, слугами и солдатами.

Филипп вышел через левую дверцу кареты. Анжелика спустилась на землю одновременно с ним через правую дверцу кареты мадам де Монтеспан.

Маркиз дю Плесси даже не глянул в их сторону и сразу поспешил в замок.

— Господин дю Плесси чересчур злопамятен, — сказала мадемуазель де Парайонк с таким видом, будто знала его всю жизнь. — Так что будьте начеку.

— Чем вы собираетесь заняться? — спросила ее Анжелика.

— Буду искать попутчиков до Парижа. Как вы знаете, меня нет в списке гостей короля. А вам советую поспешить. У меня к вам единственная просьба — когда вернетесь, заедьте ко мне. Я хочу услышать ваш рассказ о жизни двора при Короле-Солнце.

Анжелика поцеловала ее и пообещала рассказать все, ничего не упуская. Затем она оставила старую деву, укутанную в вышедший из моды плащ, в розовом капоре с лентами на голове.

Она почувствовала, что отделилась от остального мира и сделала первый шаг на пути в общество избранных.

«Двор Короля-Солнца», — вспомнила она слова Филониды, с трудом пробираясь сквозь толпу к месту, где был назначен прием.

Это было рядом с центральным зданием замка, во дворе, который получил название «Театральный».

Беспорядок царил только вне того места, где собирались избранные. Здесь же Анжелику сразу остановил воин с алебардой. Подошедший мажордом вежливо спросил ее титул. И после того, как она назвала себя,

он лично провел ее вверх по лестнице на второй этаж, прямо к балкону, выходящему на театральный двор, освещенный факелами. Выложенные из красного кирпича стены замка, с пляшущими на них мохнатыми тенями, походили на жаровню. Вычурные балконы и карнизы с золочеными листьями, позолота канделябров — все это сверкало, как украшения на костюме алого бархата.

В рога протрубили большой сбор.

Король и королева показались на балконе в окружении принцев, принцесс и наиболее знатных из своих приближенных.

Откуда-то издали раздавался лай собак, приближавшихся к холму. Две фигуры вышли из тени железных ворот замка. Они несли какой-то предмет, с которого капала кровь. Когда они вступили в залитый светом круг, то все увидели, что это была добыча — внутренности загнанных оленей, завернутые в только что содранную шкуру одного из них.

Вслед за этими двумя охотниками в круг вступили другие, в красных ливреях. Длинными хлыстами они отгоняли голодных собак от лакомой добычи.

Навстречу по лестнице спустился Филипп дю Плесси. В руке он держал жезл с копытом оленя. Он успел переодеться. Его новый охотничий костюм, как и прежний, был красного цвета, с золотыми пуговицами. Его наряд дополняли желтые сапоги со шпорами из позолоченного серебра.

Кто-то из стоявших рядом с Анжеликой заметил вслух, что ноги у Филиппа, как у короля, и добавил:

— Правда, ему не достает грациозности. Он делает всегда такие широкие шаги, как будто идет в атаку.

— Это легко объяснимо, он ведь еще и маршал.

Маркиз передал свой жезл стоявшему за ним пажу. Затем приблизился к двум охотникам и взял их ношу, сразу же запачкав кровью свой костюм, но не обратил на это ни малейшего внимания и понес добычу к центру двора. Когда он положил эти охотничьи трофеи прямо перед сворой собак, те осатанели и завывали словно грешники в аду. Доезжачие щелкали плетью и непрерывно кричали на них.

Наконец король подай знак и собак отпустили. Хрипло рыча, они бросились к добыче, сверкая острыми зубами при свете факелов.

Филипп не отступил перед этой кровожадной сворой, стоя с одним хлыстом в руке. И когда собаки грызясь были готовы разорвать друг друга на части, он вмешивался и разнимал их. Спустя некоторое время собак оттащили от добычи. Они хоть и выли, но уже слушались команды. На фоне этого дикого варварства особенно выделялась отчаянная смелость

главного ловчего, который, надменно держа светлую голову, стоял рядом в великолепном, но запачканном кровью костюме.

Анжелику терзали противоречивые чувства: отвращение и страстное возбуждение, — и она во все глаза смотрела на это удивительное зрелище. И не она одна. Другие также не могли оторвать глаз от этого спектакля.

— Разрази меня гром! — услышала мужской гортанный голос Анжелика. — Мне бы и в голову не пришло, что он способен расколоть миндаль или оборвать лепестки у цветка. Должен заметить, что я еще ни разу не видел охотника, который бы осмелился стоять так близко от своры собак, когда она бросается к добыче, не боясь стать частью добычи.

От добычи остались лишь кучки обглоданных костей и немножко требухи. Доезжачий убрал их вилами и увел собак. Тут же затрубили в рога конец охоты. И все стали покидать балкон.

Неутомимый Лозен, стоя у входа в ярко освещенные комнаты, зазывал всех как бы на карнавал;

— Веселитесь, дамы и господа! Вашему вниманию предлагается необыкновенный спектакль, равного которому вы еще не видели: маркиз дю Плесси в роли укротителя зверей! Что вы так дрожите, мадам? Или вы вообразили себя волчицей, попавшей во власть такого опытного дрессировщика? Ура, хищник покорен! Небеса рукоплещут! От оленя, который еще утром резвился в глубине леса, осталось одно воспоминание. Входите, дамы и господа! Пора танцевать!

Но танцы не начинались, так как ждали из Сен-Жермена оркестр «Двадцать четыре королевские скрипки». Пока же по большой зале первого этажа кружились с осознанием своей значимости разодетые музыканты и дули в трубы. По замыслу, эти военные фанфары должны были возбуждать аппетит.

Из кухни стали выносить серебряные подносы с цветами, фруктами и лакомствами. На четырех огромных столах в золотых и серебряных тарелках были выставлены такие деликатесы, как заливные куропатки и фазаны, голубиные паштеты, фрукты и овощи...

Анжелика отведала жареной перепелки и салата, принесенного ей маркизом де Ла Вальер.

После насыщения и первых восторгов мысли Анжелики обратились к Филониде де Парайонк, скучающей где-то в ночной темноте. Хорошо бы что-нибудь сделать для нее.

Спрятав под платьем миндальный пирог и две груши, Анжелика вышла из зала. Едва она появилась во дворе, как ее окликнул Флипо. Он держал в руках ее шляпу и плащ, оставленные в карете Филониды де

Парайонк.

— Как, ты уже здесь? Что с каретой, починили?

— Увы! Когда начало темнеть, мы с кучером вышли на дорогу и подсели в повозку с вином, держащую путь в Версаль.

— Где мадемуазель де Парайонк?

— Она там, — Флипо показал в направлении нижнего двора, где мерцали фонари. — Встретила какую-то давнюю знакомую. Кажется, она собирается нанять экипаж до Парижа.

— Вот и прекрасно! Бедная Филонида! Придется мне купить ей новую карету.

Придя к такой мысли, она последовала за Флипо мимо огромного множества экипажей и повозок туда, где, по его предположению, находилась мадемуазель де Парайонк.

Как только Анжелика глянула на нее, то сразу вспомнила, кто эта знакомая Филониды. Это была мадам Скаррон. Судя по одежде, жилось вдове нелегко, но держалась она с большим достоинством. Ее частые появления при дворе объяснялись желанием получить какую-нибудь маленькую, но выгодную должность, и тем самым выбраться из нищеты.

Обе женщины уже садились в наемную карету, переполненную в основном такими же просителями, как мадам Скаррон. Они уезжали тем же путем, что и приехали, так как король перенес прием жалоб на завтра, после мессы.

Кое-кто из просителей все же остался, решив переночевать где-нибудь во дворе или в конюшне в соседней деревеньке. Но большинство возвращались в Париж, чтобы оттуда ранним утром поспешить на почтовую карету, направляющуюся в Буа-де-Булонь, и затем, проехав весь лес, заявиться пораньше в королевскую прихожую и постараться вручить свое прошение лично королю.

Карета тронулась раньше, прежде чем Анжелика сумела окликнуть Филониду и мадам Скаррон, чрезвычайно возбужденных своим однодневным пребыванием при дворе, где им все известны, а они никому.

Анжелика закуталась в плащ и подарила пирог и груши молодому слуге. На обратном пути в зал она неотступно думала о Филиппе. Они могли встретиться в любую минуту, а она не знала, как вести себя с ним. Разгневаться? Притворяться безразличной, а может...

У входа она остановилась, пытаясь разглядеть Филиппа, но его нигде не было. Но за одним из столов она увидела мадам де Монтеспан и направилась к ней. И какая неудача! Мадам де Монтеспан собиралась уходить, так что Анжелика извинилась и теперь уже не решалась подойти к

какому-нибудь другому столу, боясь наткнуться на новый отказ. В конце концов она решила уйти и отдохнуть в своей комнате.

Квартирмейстеры, одетые в голубые костюмы, как раз завершали распределение комнат, подготовив таблички с именами жильцов. И теперь разводили гостей по предназначенным им комнатам, выслушивая возгласы радости или разочарования.

— Мадам, сюда, — позвал Анжелику Флипо. — Это совсем не то, что ваша спальня. Диву даюсь, что такие спальни бывают в королевском дворце.

Появилась раздумывавшаяся Жавотта. Она выглядела расстроенной.

— Я принесла все, что вам нужно, мадам. Надеюсь, ничего не забыла.

Пройдя немного дальше, Анжелика натолкнулась на того, кто расстроил Жавотту. Это был Ла Виолетт, слуга Филиппа.

Разинув рот, он вытаращил глаза так, будто увидел перед собой призрак. Откуда она взялась? Ведь каких-то пару десятков часов он доставил ее, завернутую в одеяло, в монастырь.

— Ты не ошибся, мерзавец! Это я! — выкрикнула вне себя от гнева Анжелика. — Прочь отсюда, подонок! Ты чуть было не убил жену своего хозяина, понимаешь ты это или нет?!

— Ма... ма... мадам, — выдавил наконец из себя Ла Виолетт и, обнаружив свое крестьянское происхождение, сказал с простонародным выговором: — Я не виноват. Господин маркиз... он...

— Пошел вон!

И она выплеснула на него весь запас ругательств, почерпнутый ею в детстве у крестьян и потом у нищих. Не дожидаясь, пока Анжелика набросится на него еще и с кулаками, слуга счел за лучшее удалиться. Он втянул голову в плечи и бросился прочь. Но в дверях столкнулся с Филиппом.

— В чем дело?

Анжелика выдержала его взгляд.

— Добрый вечер, любезный муж! — с издевкой произнесла она.

Он невидящим взглядом посмотрел на псе. Буквально в считанные мгновения выражение его лица изменилось от удивления до страха и полного отчаяния.

Анжелика не удержалась от желания понять, что так сильно повлияло на ее мужа, и обернулась. И не увидела ничего, кроме качнувшейся створки двери с именем маркиза, написанным на ней мелом.

— Это все из-за вас! — вскипел он и ударил кулаком по двери. — Такое оскорбление! Я впал в немилость! Это позор!

— То есть как? — изумилась Анжелика. И подумала про себя: «Кажется, он сошел с ума».

— Неужели вы не прочитали, что написано на двери?

— Прочитала... ваше имя.

— Вот именно! — бушевал Филипп.

— И что ж в этом оскорбительного? Вам разонравилось собственное имя?

— Причина в том, что всегда и везде, где я бывал с королем, я видел эту надпись около покоев Его Величества, которую теперь, по вашей милости, а скорее из-за вашего идиотизма, поместили сюда. И я желал бы ее немедленно уничтожить. Видите, здесь написано: «Отведено для...»

— Так что в этом особенного?

— «Отведено для... маркиза дю Плесси-Бельер», — с расстановкой произнес он, весь белый от гнева. — Эта фраза указывает на особую милость Его Величества. К вам, сударыня. Это равносильно тому, как если бы король самолично встретил вас на пороге.

То, какими глазами он смотрел на маленькую узенькую комнату, развеселило Анжелику.

— Не слишком ли большое значение вы придаете этой надписи? — с трудом сдерживая желание рассмеяться, сказала она. — А если это ошибка, простая ошибка одного из квартирмейстеров? Король так ценит вас. Если я не ошибаюсь, то вам доверена честь принести Его Величеству этой ночью светильник?

— Ошибаетесь, не мне. И это тоже указывает на то, что король мной недоволен.

Он говорил громко, и его слышали соседи по коридору.

— Я думаю, ваша жена права, маркиз, — вмешался герцог де Граммон. — Напрасно вы расстраиваетесь. Король просто решил как-то вознаградить герцога Будильона и передал ему честь принести светильник в королевскую спальню, а вас не успел известить о своем решении.

— А это что?.. «Отведено для...» — взорвался маркиз и пнул дверь ногой. — Это она, моя жена, виновата, что я впал в немилость!

— Почему вы обвиняете меня? — выкрикнула Анжелика, закипая от гнева.

— Вы не являлись по приглашению короля и тем самым вызвали его неудовольствие. И ваше сегодняшнее появление...

У Анжелики пропал дар речи.

— И вы еще посмели ставить мне это в вину, а сами... вы... Все мои кареты... Все мои лошади...

— Достаточно! — оборвал ее маркиз, подняв руку.

У Анжелики разболелась голова. Ей казалось, что огоньки свечей мечутся по темным стенам наперегонки с тенями. Она приложила ладонь к пылающей щеке.

Впервые в своей жизни Анжелики попала в такое дурацкое положение. Сделать домашнюю ссору достоянием слуг и посторонних! Ей хотелось провалиться сквозь землю от стыда. Она позвала Жавотту и Флипо, которые с готовностью обступили ее — им тоже было не по себе. Он с плащом, а она с бельем Анжелики.

— Что ж, — вскричал Филипп, — можете ложиться и постель с кем хотите и когда хотите!

— Маркиз! Приличия ради... — остановил его герцог де Граммон.

— Боже, до чего я дожил, ведь даже дровосек может распоряжаться в собственном доме! — ответил разъяренный Филипп и захлопнул дверь перед зеваками.

Анжелика, как сквозь строй, прошла мимо собравшихся людей, сопровождаемая их насмешливыми улыбками.

Внезапно чья-то рука высунулась из-за двери и втащила ее за собой в комнату.

— Сударыня, — сказал маркиз де Ла Вальер, — смею вас уверить, что вы теперь предмет всеобщей зависти. Ибо в Версале не найдется ни одной женщины, получившей индульгенцию от мужа на прощение всех будущих грехов. Поймайте его на слове и одарите меня своей любовью.

Анжелика вырвалась и сказала неприязненно!

— Отпустите, маркиз!..

Ей хотелось поскорее исчезнуть отсюда.

Уже на мраморной лестнице у нее на глазах выступили слезы.

«Глупец... Убожество в образе аристократа...»

И вместе с тем она понимала, что все не так просто, и что их ее стараниями связывают неразрывные путы. Ведь она добровольно стала его женой, надеясь, что брачная ночь в тишине Ньельского леса поможет ей обуздать ненависть Филиппа. Как она ошиблась, как переоценила свои силы! Теперь он имеет на нее все права. И будет мстить, пользуясь именно этими правами! Ей только однажды удалось одержать над ним победу: он должен был выбрать — жениться на ней или навлечь гнев короля на все семейство Плесси, которое оказалось замешанным в заговоре. Но не вечно же ей расплачиваться за этот шантаж! Круг ее мыслей опять замкнулся на том же месте. Пожалуй, лучше было бы не думать о Филиппе.

Анжелика шла, глядя только под ноги, боясь оступиться.

— Куда это вы собрались, моя милая? — услышала она рядом с собой голос герцога де Лозена.

Он участливо склонился над ней.

— О, как холодны ваши руки! Чем вы тут занимаетесь на этой лестнице?

— Не знаю.

— Вас покинули? Не заглянув даже в ваши обворожительные глаза? Какой ужас! Идемте со мной!

И он потащил Анжелику за собой. Не успели они пройти и пары ступенек, как перед ними предстала группа дам, среди которых была мадам де Монтеспан.

— Господин Лозен, мы пришли за вами. Мы взываем к вашему сердцу!

— Ах! Вы же знаете, как меня легко разжалобить. Что я могу для вас сделать?

— Возьмите нас с собой. Мы знаем, что король позволил вам построить собственный дом в этом замке.

— Насколько я помню, вы, как мадам де Рур или мадам де Ариньи, входите в свиту королевы, так?

— Да, но наши комнаты здесь расписаны Юпитерами и Меркуриями. Эти боги преследуют нас.

— Ну что ж, я беру вас с собой.

Они вышли в плотный туман, окутывающий лес. Маркиз крикнул слугу, и они спустились вниз по холму.

— Вот мы и на месте, — сказал Лозен, останавливаясь перед грудой белых камней.

— Что это?

— Мой дом. Вы не ошиблись в том, что король даровал мне право его построить, но, как видите, строительство только началось.

— Это не слишком смешно! — разъярилась Атенаис де Монтеспан.

— Смотрите себе под ноги, — посоветовал ей Лозен, — Здесь много ям.

Мадам де Монтеспан гордо пошла прочь, но потом несколько раз оступилась и в конце концов растянула лодыжку. И потом всю дорогу обратно бранила на чем свет стоит Лозена.

Лозен расхохотался в очередной раз, когда проходивший мимо маркиз де Ла Вальер крикнул ему, что он может опоздать к «ночной рубашке». Это означало, что король направился в спальню, и придворные должны были присутствовать при моменте передачи ночной рубашки главным

камердинером Его Королевскому Величеству.

Маркиз де Лозен довольно невежливо оставил дам, но перед тем пригласил их разместиться в своей спальней комнате, находившейся, по его словам, совсем недалеко отсюда.

Четверо дам, сопровождаемые Жавоттой, долго проискав, наткнулись наконец на маленькую низенькую дверь с надписью «Отведено для герцога де Лозена».

— Счастличик Пегилен, — вздохнула де Монтеспан. — Хоть он и изображает из себя шута, зато король его любит. И не будь этого, он бы ничего из себя не представлял. Так, серая посредственность.

— Но зато он обладает другими качествами, — возразила мадам де Рур. — Остроумием, например, и к тому же у него есть какой-то шарм. И те женщины, которые хоть раз поддались его обаянию, потом предпочитают его другим мужчинам.

Такого же мнения, видимо, придерживалась и юная мадам де Рокелер, которую они обнаружили полурасдетой в его спальне. Только что с помощью горничной она надела свою ночную рубашку. Но, надо отдать ей должное, она мгновенно пришла в себя и нашла в себе силы сказать, что если господин де Лозен пригласил гостей, то она обязана их хорошо принять.

Мадам де Рур была в восторге. Она давно уже догадывалась, что де Рокелер была любовницей Пегилена, и вот, какая удача, она смогла убедиться в этом!

Комната была чуть пошире окна, выходящего в лес. И кровать с балдахином, только что застланная слугами, занимала чуть не всю комнату. Свободного места практически не оставалось.

Камин был затоплен, и в комнате было тепло.

— Простите, — произнесла де Монтеспан, сбрасывая грязные туфли, — но я думаю, уже пора заняться исправлением последствий глупой шутки Пегилена.

Она сняла забрызганные грязью чулки, а вслед за ней и все остальные. Затем они расположились прямо на полу и вытянули ноги к огню в камине.

Де Лозен вернулся и опустил балдахин над постелью, отгородив себя со своей любовницей от остальных, и все о них сразу забыли.

Анжелика снова вспомнила о муже и его угрозах. Да, она выбралась из монастыря, а лошадей и кареты можно купить новые, это не проблема. Но он обещал мучить Флоримона и Кантора, как она сможет защитить их? Слава богу, что сыновья сейчас в Монтелу, в полной безопасности, под защитой деда...

Огонь в камине разгорался.

Анжелика приказала Жавотте принести свою дорожную сумку. Мадам де Монтеспан с восхищением смотрела на эту изящную вещь из красной кожи, отделанную белой каймой и оправленную в золото. Внутри, по отделениям, лежали: ночник из слоновой кости, сумочка из черного бархата с десятью восковыми свечами, два маленьких зеркала и одно большое овальное с окладом из жемчуга, золотой ящичек с тремя гребнями и еще один, — для щеточек. Гребни и щеточки были черепаховыми.

— Эти черепахи обитают в тропических морях, — пояснила Анжелика. — Терпеть не могу роговые оправы.

— Да, — позавидовала вслух мадам де Монтеспан, — кажется, я бы многое отдала за эти роскошные вещички! Впрочем, или одно, или другое. Я вот заложила свои украшения, чтобы оплатить карточные долги. Но если бы я их не заплатила, то не смогла бы появиться в Версале.

— А разве вы не являетесь фрейлиной Ее Величества? Должно быть, это дает дополнительные доходы?

— Сущие пустяки. Одно мое платье стоит раза в два дороже. У меня ушло две тысячи ливров на костюм для балета «Орфей», поставленного в Сен-Жермен. Я была богиней весны. Король, разумеется, был Орфеем. Он открывал танцы в паре со мной.

— Я слышала о том внимании, которое оказывал вам король.

Холодность со стороны мадам де Монтеспан начала потихоньку улетучиваться. Она завидовала красоте Анжелики, хотя и сама была красива. По происхождению они обе были из хороших семей в Пуату. Но тем не менее Атенаис де Монтеспан ставила Анжелику ниже себя.

Анжелика же поддавалась очарованию разговора с Атенаис: та была наделена природным красноречием, и длительная шлифовка жизнью при дворе создала тот неповторимый сплав, благодаря которому, о чем бы мадам де Монтеспан ни говорила, будь это даже циничные темы, ее рассказы вызывали восхищение окружающих. Она в полной мере обладала талантом, присущим всему ее семейству, что называли «стилем Мортемаров».

Семья Мортемар де Рошешуа была знаменитой — Анжелика де Сансе, знавшая истории всех семей Пуату, всегда восхищалась традициями, которыми славился этот дом.

Много лет минуло с той поры, когда Эдуард Английский был женат на одной из дочерей Мортемар. А у здравствующего герцога де Вивонна король и королева-мать были крестными.

Гордый девиз ее семьи как бы скрывался в глубинах голубых глаз

мадам де Монтеспан: «Прежде чем из моря сделалась суша, появился род Рошешуа».

Но знатность происхождения не избавила ее от унижительной бедности. И Анжелика лучше, чем кто бы то ни было, знала обо всех ее проблемах. После знакомства с этим семейством ей не раз и не два приходилось улаживать их дела с кредиторами и выручать Атенаис небольшими суммами денег, которые, как она прекрасно понимала, никогда не вернутся к ней обратно. И хотя никто из семьи Монтеспан даже не поблагодарил ее, ей нравилось оказывать им услуги.

Она неоднократно задавала себе этот вопрос: зачем ей нужна столь обременительная дружба? Нет слов, Атенаис де Монтеспан была приятной женщиной, но, с другой стороны» всему есть предел, и здравый смысл подсказывал Анжелике ничего больше не делать для этого семейства. Но ей всегда были приятны люди, которые стремились к успеху, а Атенаис была как раз из этой породы. Ее честолюбие было безгранично, как море, о котором упоминалось в их семейном девизе. И лучше уж было плыть с ней одним курсом, чем становиться поперек дороги.

И Атенаис тоже не возражала против этой щедрой дружбы, беря во внимание то, что, несмотря на всю свою красоту, Анжелика не могла ее затмить.

Напоминание Анжелики о благосклонности короля разгладило лицо мадам де Монтеспан, которая весь вечер пребывала в дурном настроении.

— Королева беременна. Мадемуазель де Ла Вальер тоже. И сейчас самое время начать атаку на короля! — произнесла Атенаис с озорной улыбкой. — Но боже мой, Анжелика, на что вы намекаете! Я бы провалилась сквозь землю со стыда, предложи мне король стать его возлюбленной. И как потом появляться перед королевой?! Она такая милая женщина. Нет, я бы просто не посмела!

Анжелика без удивления слушала ее. Такова уж была Атенаис с ее удивительной способностью одинаково искренне лгать или говорить правду. То же самое можно было сказать об ее благочестии. Будучи достаточно фривольной во всем, мадам де Монтеспан никогда не пропускала мессы или других торжественных богослужений. И королева не раз ставила ее набожность в пример другим придворным дамам.

— Помните, — улыбаясь, спросила Анжелика, — про наш визит с мадам Скаррон к колдунье Ла Вуазин? Вы еще хотели узнать у нее, полюбит ли вас король?

— Глупости! Должна вам сказать, что не попади я в свиту Ее Величества, то нашла бы другой способ укрепиться при дворе. Думаю, что

старуха солгала нам.

— Она напороочила, что мы все трое станем любовницами короля.

— И даже Франсуаза?

— О, чуть не забыла, Франсуазу ждет самое блистательное будущее — она должна стать женой короля!

Они обе рассмеялись, представив Франсуазу Скаррон королевой Франции.

— Ох, как мне не везет! — вздохнула Атенаис. — Вы не поверите, но я должна каретнику тысячу восемьсот ливров за седло и уздечку. Полагаю, вы заметили, из какой они великолепной кожи. Он сделал их к сегодняшней охоте.

— Тысяча восемьсот ливров...

— Не так уж и много. Мне плевать на все стенания мужа! Пускай его кредиторы подождут, сказала я ему. Но тут мой несносный заказал пару таких алмазов, что я чуть в обморок не упала. Но если он не оплатит их к завтрашнему дню, то они достанутся другим. Вряд ли найдется другой такой муж, который постоянно сует нос в дела жены. И вечно он не знает, где взять деньги. К тому же он отчаянный игрок и совсем не слушает меня!

Анжелика, которая никак не могла отойти от оскорбительного разговора с Филиппом, не находила ее болтовню забавной. А той, видимо, нравилось поддразнивать Анжелику.

— Прогоните мрачные мысли. Ваш Филипп привязан к вам узами более крепкими, чем супружеские.

Ее замечание о Филиппе вернуло Анжелику к мысли о том, что она хотела бы занять при дворе место, достойное маркизы дю Плесси-Бельер.

— Прошу вас не говорить об этом, а то я расстроюсь, и вы сами пожалеете о сказанном. Неужели вы с вашей ловкостью не поможете мне отыскать место при дворе? Нет ли какой-нибудь вакантной должности?

Атенаис воздела руки к небу.

— Бедная Анжелика, вот о чем вы заботитесь! Вакантное место при дворе? Это то же самое, что найти иголку в стоге сена! Тут все начеку, и даже людям с раскрытой для подкупа мощной не удастся добиться желаемого.

— Как же вам удалось стать фрейлиной?

— Король лично назначил меня. Я как-то развеселила его, когда он приходил к мадемуазель де Ла Вальер. Тогда он решил, что я смогу развлекать и королеву. Он ведь очень заботится о ней. Так что лучшего покровителя для вас, чем сам король, трудно найти. Кто, кроме него, сможет заступиться за вас? А лучше сами позаботьтесь о себе и доведите

это до сведения короля. И тогда, в случае необходимости, ваше дело рассмотрит Совет. Ну, а если вы сможете убедить парламент, тогда считайте, дело в шляпе.

— Все это нелегко и непросто. А что вы подразумеваете под словами «сами позаботьтесь о себе»?

— Трудно сказать. Послушайтесь своего воображения. Вот вам свеженький пример: господин де Лак, мажордом маркиза де Ла Вальер, образовал союз с дворецким Колленом. Они испросили разрешения собирать по два су с акра на всех свободных землях между Медоком и замком Шаньи. Превосходная мысль, ибо после того, как король решил построить здесь свой дворец, все захотят иметь здесь землю. Прошение подала мадемуазель де Ла Вальер, и король тут же подписал его. Но ей далеко до ее брата, который просто гениальный попрошайка. Вам бы следовало с ним посоветоваться. Я же могу представить вас королеве. Может быть, вы сумеете ей понравиться.

— Как это любезно с вашей стороны! — воскликнула Анжелика. — Любезность за любезность, обещаю вам порыться в своих «шкатулках с драгоценностями» и рассчитаться с вашим каретником.

Де Монтеспан не смогла скрыть своей радости.

— Договорились. Вы просто прелесть! Но если вы добудете мне еще и попугая, то моя благодарность вам будет безграничной. Я так мечтаю о попугае!

Глава 4

Мадам де Монтеспан потянулась. Разговор не возобновлялся, так как обе они устали, а в тесной комнате негде было даже вытянуть ноги как следует, не то чтобы хорошо отдохнуть.

За пологом кровати проснулись и зашептались:

— Мне кажется, пора спускаться вниз, — сказала Атенаис. — Я хочу оказаться у королевы одной из первых и пойти вместе с ней к мессе. Вы пойдете со мной?

— Мне кажется, это не совсем подходящий случай, ведь я не представлена Ее Величеству.

— Тогда подождите, пока мы вернемся. Переоденьтесь. Ваш наряд не совсем утренний, дорогая, — Атенаис критически осмотрела подругу.

Анжелика подумала, что такая непростая сама по себе вещь, как переодевание без помощи служанки, для нее становится почти невыполнимой — ведь все ее вещи и платья успели принести в комнату мужа. И как их теперь оттуда взять?

— Наденьте что-нибудь попроще в это утро, — продолжала мадам де Монтеспан. — Король — противник неуместной роскоши. После мессы король займется делами, его ждут министры. А вечером будет балет. Прекрасный повод показать свои драгоценности.

Снаружи было холодно, и туман мельчайшими капельками оседал на всем. Мадам де Монтеспан шла по лестнице, поеживаясь, но ничем не прикрывая свои обнаженные плечи.

— Вам не холодно? — спросила Анжелика.

Атенаис пожала плечами. Она давно привыкла не замечать дворцовых сквозняков и, наоборот, духоту от невероятного количества горящих свечей; она не уставала от многочасового стояния на ногах, стоически переносила бессонные ночи, и тяжесть парчовых одеяний не надоедала ей — словом, она была закалена всем тем, что составляет превратности придворной жизни.

Но Анжелика, даже будучи Маркизой Ангелов, не привыкла к холоду. Она любила, чтобы одежда была теплой, удобной и легкой. К выбору плащей она подходила так же тщательно, как и к выбору платьев. И сейчас на ней был плащ из бархата и атласа. Венецианское кружево прикрывало лицо, когда она накидывала капюшон, не желая быть узнанной.

Мадам де Монтеспан остановилась перед входом в пиршественный

зал, который охраняли неподвижные, как статуи, охранники-швейцарцы. Яркий свет уже заливал все вокруг, как днем, но жизнь во дворце еще словно не пробудилась.

— Я оставляю вас, — шепнула Атенаис, благоговей перед тишиной этих обычно шумных комнат. — Там гардеробная, где вы сможете подождать. Скоро появятся придворные, прислуживающие при утреннем туалете короля. Его Величество поднимается рано...

Мадам де Монтеспан удалилась, и Анжелика открыла указанную дверь. — Ох, простите! — тут же воскликнула она и поспешно притворила дверь, наполовину скрытую гобеленом.

«Странно, — подумала Анжелика. — Никогда бы не заметила, что у мадам Субиз такая красивая грудь, она все время прячет ее».

Партнером мадам Субиз по любовным утехам в этом закутке, где не поместилась бы кровать, наверняка не был господин Субиз. При дворе влечение мужа к жене воспринималось как нечто плебейское, недостойное дворянского происхождения и утонченного вкуса.

Анжелике нечем было заняться, и она пошла бродить по пустым огромным залам. В первом же ее внимание привлекли белые колонны, поддерживающие карнизы. Света здесь не хватало, чтобы разглядеть роспись на потолке, был виден лишь мягкий блеск позолоты. Завитки капителей казались застывшими волнами моря. Огромные зеркала отражали светлые проемы окон, выходящих в еще сумрачный дворцовый парк. Вдали, из тумана проступали верхушки искусно подстриженных вязов. Солнце поднималось, и вот уже блеснула гладь воды — фонтан Латоны, фонтан Аполлона, лента обводного канала...

— Вы задумались, маркиза? — вкрадчиво прошептал чей-то голос. — Не поведаете ли вы мне о своих мыслях?

Анжелика вздрогнула. Она не слышала ничьих шагов, а в зале, кроме нее, не было никого.

— Вы не узнаете голос Аполлона, бога красоты? Анжелика смотрела на мраморную статую, не в силах произнести ни слова.

— Мой голос не похож на голос бога? Но мне холодно, мадам. Укройте меня своим плащом. Откуда же взяться теплу в рассветный час, если ты — мрамор, камень?

Анжелика смотрела на статую, но не могла понять, откуда исходит голос. Статуя была абсолютно неподвижной. Анжелика подошла. Тут же то, что Анжелика издали приняла за груды разноцветного тряпья, вскочило, и перед Анжеликой оказалось существо ростом с десятилетнего ребенка, с крошечными ручками и ножками.

— Баркароль! Ох, как ты напугал меня, Баркароль!

— Мое почтение, Маркиза Ангелов!

Любимый карлик королевы отвесил ей поклон. На Баркароле был двухцветный — черный с алым — камзол из атласа, отделанный шнуром по обшлагам. У пояса висел крошечный меч.

— Ты по-прежнему хорошо выглядишь, Баркароль.

— Это так, — подтвердил карлик. — Мне бы немножко побольше роста, и я не уступил бы самым галантным любовникам Версаля. Ах, если бы наша добрая королева позволила мне обрезать бубенчики с колпака, я и сейчас был бы вполне счастлив! Видишь ли, в Испании все шуты носят колокольчики, и если королева не слышит звона, она тоскует по дому. А король не выносит бубенчиков, и когда приходит к королеве, не упустит случая отделать нас тростью.

Он проковылял на своих кривых ножках к окну и позвал:

— Иди сюда, Маркиза. Будем любоваться садом, и никому не придет в голову, что мы говорим совсем о другом. Еще не хватало, чтобы твой муж вызвал меня на дуэль, если будут болтать, что видели нас наедине. Как тебе нравится здесь, Маркиза? — Карлик прижался носом к стеклу. — Ты стала настоящей придворной дамой, и я рад, что ты не забыла меня, Баркароль я.

Анжелика отвела взгляд от окна,

— То, что связывает нас, не так-то легко забывается. Солнце встало, и туман растаял. Водяная гладь отражала бездонное голубое небо. Слышались голоса садовников.

— Да, — согласился Баркароль. — Как волнуется королева, если я пропадаю на целый день! Ей невдомек, что ее любимый карлик уходит засвидетельствовать свое почтение королю другого королевства. Там не так-то много кавалеров, подобных мне, с кошельками, разбухшими от золота. Думаю, что Великий Кезр, Деревянный Зад, очень ценит меня.

— Меня тоже, — пробормотала Анжелика, вспомнив, как величественно восседает Деревянный Зад в своей деревянной чаше.

— Не бойся, Маркиза, — сказал Баркароль. — Мы умеем хранить тайны. Тебя не оставят в беде. Особенно здесь, где люди более одиноки, чем где-либо, и открыты для всяческих напастей.

Появился слуга, зевая и стуча каблуками по плитам пола. Он нес кучу дров для камина. Анжелика увидела женщину в накрахмаленном чепце. Дворцовая челядь, снующая туда-сюда, слегка приседала перед ней.

— Это мадам Гамелин, — шепнул карлик. — Нянька короля. Она одна имеет право входить к королю раньше всех. Она отодвигает полог, целует

короля и спрашивает о здоровье. Король любит немного поболтать с ней, пока придворные беспокойно толпятся перед дверью. А потом она исчезает. Никто не видит ее днем. Она — ночная птица. Зато ей достается первая улыбка монарха.

За мадам Гамелин следовали трое в черных одеяниях и белых париках — доктора. Они расспрашивали короля о здоровье, щупали пульс, обменивались фразами на латыни и удалялись.

Затем шли принцы крови. Когда они кланялись, король вставал. Главный камергер подавал ему одежду. Рубашку подносил первый дворянин королевства, правый манжет — первый дворянин опочивальни, левый — первый дворянин гардероба. Затем герцоги приносили жилет короля, затем шли государственные секретари, дипломаты, кардиналы. Спальня заполнялась людьми. Так начиналось утро.

Король здоровался с каждым, задавал вопросы, и его очень радовали остроумные ответы. Все были одеты в свои лучшие наряды и стремились оказаться впереди, когда королевская чета пойдет из часовни по живому коридору, образованному рядами блестящих кавалеров и придворных дам.

Маркиз дю Плесси-Бельер был в числе первых дворян. Когда он скрылся в опочивальне короля, Анжелика бросилась к его комнате, путаясь в бесконечных коридорах и переходах, в которых стоял запах фиалкового корня — любимых духов короля.

Ла Виолетт начищал оружие хозяина. Он предложил госпоже помочь зашнуровать корсет, но Анжелика оборвала его и оделась сама, без посторонней помощи. Теми же коридорами вернулась она обратно и успела увидеть короля и королеву.

Слой пудры на лице королевы не скрывал ее красного носа. Всю ночь она проплакала, так как король не зашел к ней, хотя всегда проводил хоть несколько минут в спальне жены, оставаясь иногда и на ночь. Теперь, вероятно, Луиза де Ла Вальер в наряде Дианы затмила королеву, и король забыл о заведенном порядке. Мария-Терезия держала голову высоко, хотя ее фамильный габсбургский подбородок дрожал от подавляемых рыданий.

Луиза де Ла Вальер низко присела. Когда же она поднялась из реверанса, в ее глазах Анжелика увидела неуверенность и страх: Ла Вальер давно поняла, как непостоянна бывает прихоть монарха, и здесь, в залах дворца, она была не всемогущей богиней охоты, а самым загнанным зверем на этой охоте, и не к ней ревновала Мария-Терезия, а к другим, будущим соперницам.

После выхода из часовни король прошел в сад. Он никогда не отказывал в милости прикосновения к больным золотухой, жаждущим

исцеления. На этот раз просителей было немного, и король быстро вернулся, направляясь в зал Дианы, где обычно принимались прошения.

Молодой дворянин из свиты короля поклонился Анжелике:

— Его Величество напоминает мадам дю Плесси-Бельер, что желает видеть ее на завтрашней охоте с самого начала.

— Передайте мою благодарность Его Величеству, — отвечала Анжелика, — вместе с уверением, что одна только смерть сможет помешать мне.

— Так много вряд ли нужно, мадам. Но если вы не будете на охоте, Его Величество хотел бы знать причину вашего отсутствия.

— Его Величество будет знать, господин де Лувуа. Ведь вас так зовут? Я бы хотела поговорить с вами.

Лувуа был сыном государственного секретаря и королевского канцлера де Телье.

— Не сейчас, мадам. Как только Его Величество закончит прием прошений. — Я подожду вас, господин де Лувуа. А вы тем временем заверьте Его Величество, что я буду завтра на охоте.

— Нет, не будете! — прямо над ухом прошипел голос Филиппа. — Вы моя жена и должны подчиняться мужу. Я не давал вам дозволения появиться при дворе и приказываю немедленно вернуться в Париж!

— Филипп! — сказала Анжелика. — Ведь я должна быть при дворе! Зачем вы мучаете меня?

— Вы тоже мучили меня, мадам.

— Мы уже говорили об этом.

— Я убедился, что вы не понимаете слов, вам понятен только язык хлыста.

— Я все равно буду завтра на охоте!

— Нет!

Лувуа уже отошел и не мог слышать их ссоры, но зато ее слышали все стоящие рядом. Домашние дела семейства дю Плесси уже породили массу слухов, и чтобы не давать повода для новых, Анжелика сказала ледяным тоном:

— Не будем ссориться больше, Филипп. Хорошо, я уеду.

Не глядя больше на мужа, она пошла по коридору. «Когда получу место при дворе, — думала она, — тогда буду зависеть от короля, а не от этого грубияна». Она огляделась. Лувуа еще не возвращался. Как раз о механизме получения места при дворе она и хотела поговорить с ним. Ей еще в Париже говорили о нем, как о ловком придворном. Его поддержка могла оказаться не лишней.

Маркиз де Ла Вальер явно искал ее. Анжелика хотела было незаметно уйти, но вдруг решила остаться. Маркиз прекрасно знал обычаи двора и тоже мог оказаться полезным.

— Мне кажется, король не слишком рассердился на вас из-за вчерашнего опоздания, — сказал он, подойдя.

«А вы именно поэтому отважились разговаривать со мной. — подумала Анжелика. — Вес боятся немилости короля».

Когда она задала вопрос о должности при дворе, он рассмеялся: — Неужели вы не знаете, мадам, что вам придется устранить с дороги не менее десятка таких же, как вы, если наградой будет пусть самая незначительная должность? Дорогая маркиза, вы не знаете и того, что должности при дворе продаются ежемесячно — в королевской опочивальне, например?

— Что вы имеете в виду?

— Должность пускают с аукциона каждые три месяца. Короля все время раздражают новые лица и неопытность новичков. Его Величество не расстается с Бонтамом — это его любимый слуга — и вынужден не только покупать ему это место, но и оплачивать право вторичного его выкупа!

— Король сам участвует в этой неразберихе?

— Он должен одарить счастьем всех, — не раздумывая, заявил маркиз, подразумевая, что близко видеть короля и прислуживать ему — счастье.

Показался Лувуа. Проходя мимо, он шепнул Анжелике, что сможет уделить ей внимание только после второй аудиенции, ему очень жаль. Рядом с ним шел молодой человек, одетый, пожалуй, бедно для королевского дворца, и его пышный парик и кружевное жабо странно смотрелись на нем.

— Посланник с острова Мадагаскар, — представил его Лувуа Анжелике.

Вдруг чья-то тяжелая рука опустилась на ее плечо. Анжелика обернулась: перед ней стоял человек, одетый во все темное. Это был Кольбер, министр финансов.

— Сударыня, — сказал он хриплым голосом, годящимся более для приказаний, чем для просьб. — Уделите мне немного внимания, мы должны поговорить с вами о деле.

Кольбер увлек ее за собой, сделав знак слуге, чтобы тот подал ему какие-то документы.

— Я обращаюсь к вам за советом, сударыня. Сам я не столько придворный, сколько торгош, а вы хоть и благородного происхождения, но

зареккомендовали себя как чрезвычайно деловая женщина.

Он опять напомнил ей, что она всего лишь шоколадница из района Маре. Анжелика нахмурилась. Но Кольбер смотрел на нее без оттенка высокомерия, его парик сидел на нем чуточку косо — похоже, что утром он торопил парикмахера...

— Мое дело не имело такого размаха, как ваше, — сказала Анжелика. — Чем я могу помочь вам?

— Пака еще не знаю, сударыня. Может быть, это выяснится в процессе разговора. К делу, сударыня. Я нашел ваше имя в списке акционеров Ост-Индийской компании. Дела ваши процветают, и я подумал, что вы можете пролить свет на некоторые детали, которые я никак не могу уловить, и поможете разобраться мне в делах этой компании.

— Господин Кольбер, вы не хуже меня знаете, что акции компании сегодня не стоят ни гроша.

— Я говорю не о фактической стоимости акций. Вы приобрели выгоды, когда вес потеряли деньги — согласитесь, сударыня, это стоит дороже.

— Да, — сказала Анжелика, — я очень дорого заплатила за урок. Нельзя из ничего сделать что-то. Это распространяется и на заморские страны. Господа же из Ост-Индийской компании хотели получить деньги задаром, ничего не давая взамен.

— То, о чем вы говорите, похоже на мой девиз: «Без труда ничего не дается», — и лицо Кольбера осветилось подобием улыбки. — Не думаю, чтобы хоть кто-то из Ост-Индийской компании был знаком с этими словами... Вы продолжаете свое шоколадное дело?

Анжелика наклонила голову в знак утверждения: Кольбер наверняка был знаком со списком тайных и явных владений мадам Моран, как она звалась в момент начинания шоколадного дела, лучше, чем кто-либо.

— И вы отдаете свой корабль под начало Гвинану? Этому пирату? Он ведь служил у Фуке и угодил в тюрьму. Не сам ли Фуке посоветовал вам взять Гвинана на службу?

— Я никогда не разговаривала с Фуке, — сказала Анжелика. — Ни об этом, ни о чем-либо другом. Но не могу не видеть, что он умел подбирать компаньонов... или сообщников. Гвинана привела ко мне случайность. Он прекрасный моряк, знает людей и умеет считать деньги. Никто, кроме него, не смог бы спасти вложенные мной средства в акции Ост-Индийской компании. Я просто не могла не взять его к себе на службу. И потом, у меня был пример свыше.

— Что вы хотите этим сказать?

— Его Величество наказывает того, кого считает виновным, но никогда не оттолкнет человека, наделенного способностями и талантом.

Анжелика улыбнулась.

— Почему вы не посылаете Гвинана в Индию? — спросил Кольбер.

— Он у меня один, господин министр, — ответила Анжелика. — И корабль, и капитан.

— Но английские и датские корабли ходят в Индию регулярно, — настаивал Кольбер.

— Они идут целыми флотилиями, сударь. Много кораблей разного водоизмещения, но все объединены одной задачей.

— Почему же во Франции так никто не делает?

— Господин министр, если вы этого не знаете, то я не могу знать тем более. Может быть, никому не пришло в голову, может быть, не могут что-то поделить. Мне одной, например, не собрать целую флотилию. Нужны также перевалочные базы для пополнения продовольствия и пресной воды.

— Мадагаскар, к примеру... — сказал вполголоса Кольбер.

— И ни военные, ни гражданские власти не должны вмешиваться в дела торговли.

— А кто же будет управлять островом?

Анжелика рассмеялась.

— Не могу представить, чтобы дикарями управлял, например, маркиз де Ла Вальер!

— Он очень храбр, сударыня. Он не испугается дикарей.

— Я не сомневаюсь в его храбрости, — сказала Анжелика. — Но что бы он стал делать, высадившись на остров и увидев толпу полуголых людей? Половину бы тут же перебил, другую бы взял в рабство?

— Рабы — это очень выгодно, мадам.

— Я и не отрицаю этого. Но даже с дикарями выгоднее торговать, чем убивать их, поэтому управлять островом должен бы купец, а не благородный храбрец.

Кольбер потер подбородок, и Анжелика увидела, что он плохо выбрит. Кольберу некогда было следить за своей внешностью.

— За десять минут беседы с вами, сударыня, я узнал больше, чем за те бессонные ночи, которые провел над отчетами компании, пытаюсь понять хоть что-то. Я благодарен вам, и вы оказали бы мне большую честь, подождав меня здесь на балконе еще с полчаса.

— Я к вашим услугам, сударь, — ответила Анжелика. — Но больше полчаса мне не выдержать.

В вестибюле маркиз де Ла Вальер сообщил ей не без злорадства, что Лувуа искал ее и уже ушел. Анжелика вздохнула. Ей необходимо было поговорить с Лувуа, нужно было заручиться поддержкой сильных мира сего при дворе. Кто знает, что опять придумает Филипп? Разве так уж трудно упрятать жену в монастырь подальше от столицы? Она его собственность, он вправе распоряжаться ею...

Она совсем забыла об обещании, данном Кольберу, но к ней подошел один из его служащих и сказал:

— Не будете ли вы любезны следовать за мной, сударыня? Вас ждут.

Комната, куда ее проводили, была вся обита голубым шелком, как шкатулка. Гардины были вышиты золотыми и серебряными лилиями, кресла украшены вышивкой — гирлянды фруктов и виноградные листья. У стола, спиной к ней, стоял Кольбер. За столом сидел... король,

— А вот и моя собеседница, — сказал, оборачиваясь, Кольбер. — Расскажите же и Его Величеству, сударыня, о ситуации в Ост-Индийской компании.

Людовик XIV поднялся и поклонился Анжелике. Анжелика только сейчас поняла, что не сделала даже простого реверанса. Она глубоко присела, в душе проклиная Кольбера.

— Не замечал, что вы шутник, господин Кольбер, — сказал король. — И совсем не ожидал, что ваш знаток морского и торгового дела будет женщиной, самой прелестной дамой при моем дворе.

— Сир, мадам дю Плесси-Бельер является основным держателем акций компании. И она очень многое может рассказать о невозможности торговли с Индией.

Король сел. Он сам много занимался делами, доверял своему министру и видел, что сможет кое-что узнать из этого необычного разговора, хотя странно, когда женщина разбирается пусть в сельском хозяйстве — поместья, арендаторы и управляющие есть у всех; но чтобы знатная дама разбиралась в морской торговле...

— Ваш долг — служить интересам королевства, — сказал он наконец. — Не пытайтесь уклониться от истины!

Он не предложил ей сесть, показывая, что никак не выделяет ее из всех тех, кому не положено сидеть в присутствии короля.

— Вы отказались от торговли с Индией, хотя выгоды этого путешествия казались очевидными. Многие другие сделали то же самое. Каковы же причины, сударыня?

Анжелика повторила свой рассказ.

— А не преувеличиваете ли вы опасность? Мне приходилось слышать

рассказы об одиночных плаваниях французских кораблей, вооруженных куда слабее, чем ваш. Их капитаны жаловались лишь на штормы. Тогда почему же ваш корабль не плывет в Индию?

— Потому что это тяжелый, нагруженный по самый планшир торговый корабль, сир. А вы говорите о быстроходных военных судах. Они не станут добычей алжирских галер и фелук, а мой корабль для них — добыча желанная. Дважды мой корабль подстерегали у берегов Африки. Дважды это были кровавые схватки. И я отказалась от затеи с Индией.

Король думал.

— А если кораблям дать сопровождение, конвой? — наконец сказал он.

— Так поступают в Англии и в Дании, сир.

— Мне не нравятся ни датчане, ни англичане, но и у врага можно поучиться хорошему... Кольбер, отныне нужно, чтобы наши торговые корабли сопровождал военный флот... Вы улыбаетесь, сударыня?

— Сир, французы привыкли плавать в одиночку. Я много думала об этом и не раз предлагала объединиться, но никто со мной не согласился: это требует дополнительных расходов...

— Всем придется выполнить приказ короля, — сказал Кольбер. — Что же касается вас, мадам, то еще два года назад, когда на остров Мадагаскар была послана экспедиция Монтевию, вы могли отправить свой корабль в надежном сопровождении в Индию.

— Мне не захотелось оказаться втянутой в предприятие, заведомо обреченное.

— Что вы хотите этим сказать? — король даже слегка покраснел. — Порт на Мадагаскаре необходим. Я лично отдал приказ!

— Сир, порт на Мадагаскаре необходим, но ваши люди не представляли трудностей, с которыми они там столкнутся. Пресная вода оказалась далеко от побережья, а местные племена были крайне враждебно настроены. Господин Монтевию с самого начала повел себя не так, как надо бы, и теперь вся экспедиция пребывает в плачевном положении.

Король смотрел в сторону и хранил ледяное молчание. Анжелика с трудом справилась с дрожью в голосе, но довела свою речь до конца.

— Откуда вы черпаете сведения», сударыня? Помощник Монтевию только сегодня прибыл в Версаль, во Франции он всего четыре дня. Ему запрещено разговаривать с кем-либо до встречи со мной. Я отложил все свои дела, чтобы выслушать его. Он покинул эту комнату перед вашим приходом...

— Сир, за эти два года корабли многих стран не раз заходили на

Мадагаскар и забирали больных и раненных в схватках с туземцами моряков. Тут нет никакого секрета.

— Монтевигию заставил меня ждать два года, пока я смог узнать о судьбе этого предприятия! — воскликнул король.

— Я бы не стала пребывать в неведении два года, когда дело касается моего корабля и моих денег! — позволила себе замечание Анжелика.

Глаза короля сузились:

— Вы хотите сказать, что ваша почта работает лучше почтовой службы короля Франции?

— Сир, ваша почта признает лишь связь напрямую. Чтобы корабль достиг Мадагаскара и вернулся обратно — два года не такой уж долгий срок. Но я предпочитаю заключать соглашения с датчанами, и когда наши корабли встречаются, мы обмениваемся информацией.

— Опять датчане! — воскликнул король. — А нет ли здесь измены государственным интересам?

— Это слишком суровое определение, сир. Разве мы находимся в состоянии войны?

— Конечно нет! Но во всем этом есть что-то, что меня раздражает. Какие-то рыболовы держат первенство на морях, а не Франция, слышите, не Франция! Во времена моего деда, Генриха IV, те же датчане предпочитали плавать по Средиземному морю под защитой французского флага!

Король откинулся в кресле, и локоны его каштанового, тщательно завитого парика красиво легли на голубую обивку с вышитой лилией.

— Повсюду царит беспорядок, — продолжил он. — Во все надо вмешиваться королю. Но я против этого не протестую... Этот разговор мы продолжим, Кольбер. Пора заняться делом в полную силу.

— Я полностью к вашим услугам, сир.

Король встал. Министр поклонился и попятился к дверям, кланяясь через каждые три шага. Анжелика, которая почувствовала себя одинокой, уставшей и, главное, голодной, пошла за ним следом.

— Оставайтесь, сударыня, — велел король. Он внимательно смотрел на нее. Она ждала.

— Вы собираетесь быть завтра на охоте?

— Да, сир.

— Вы должны быть в хорошем настроении. Я скажу маркизу об этом.

— Тогда я буду непременно, сир.

В это время появился придворный из свиты короля, герцог Шаро.

— Вашему Величеству накрыть отдельно или вы почтите своим

присутствием всех?

— Не будем сеять разочарование, раз все хотят лицезреть короля.

Анжелика глубоко присела, но король вновь не дал ей уйти.

— У вас есть сыновья. Их возраст подходит, чтобы они могли служить своему королю?

— Сир, они еще очень молоды — всего шесть и восемь лет.

— Это возраст господина дофина, которому давно пора выйти, из-под опеки нянек. Мне бы хотелось, чтобы у него были друзья для игр.

Анжелика откланялась в третий раз, и ее проводили завистливыми взглядами собравшиеся придворные...

Глава 5

Целая армия слуг под строгим взором церемониймейстера накрывала на стол по всем правилам дворцового этикета. Рассаживались только те, кому было дозволено присутствовать на трапезе Его Величества, а в проходах и галереях толпились те, кто мог лицезреть своего короля.

Король появился, наклонил голову в ответ на приветствия придворных, затем занял свое место за столом. Маленький Мсье, его брат, подал ему салфетку. Король ел, слушал, что говорилось в зале, но сам молчал. Однако Анжелика заметила, что он слегка кивнул одной даме, и тут же слуга подставил ей скамеечку для ног. На Анжелику же король не взглянул, и она скамеечки не получила. Мадам Шуази шептала ей:

— Король расспрашивал вас о сыновьях. О, какое это счастье для вас, сударыня! Вашим сыновьям открывается залитая солнцем дорога. Мой сын попал во дворец совсем крошкой, а теперь в свои двадцать лет он в расцвете карьеры. Не упустите такой случай!

Но Анжелика совсем не думала ни о Флоримоне, ни о Канторе. У нее затекли ноги, она была голодна. Она тихонько вышла из зала и направилась к дамам, сидящим вокруг карточного стола. Лакеи с блюдами проходили мимо них, и дамы, не отрываясь от карт, брали с блюд кусочки.

Великая Мадемуазель, мадемуазель де Монпансье расцеловала Анжелику.

— Я всегда восхищалась вами, дорогая. Вас так долго не было с нами, но я не решалась расспросить короля — где вы и что с вами. Иногда мы плохо понимаем друг друга, хоть он и мой кузен. Но теперь вы здесь, и давайте забудем, что наши встречи всегда плохо начинались и еще хуже кончались. Вы ищете кого-то?

— Нет, Ваше Высочество. Просто я устала и хотела бы присесть отдохнуть.

Принцесса оглянулась.

— Здесь вам не придется сидеть, дорогая: с нами Мадам — Генриетта Английская.

— Я не могла бы сидеть и в вашем присутствии, Ваше Высочество.

— Вот тут вы ошибаетесь! Вы благородного происхождения, а я всего лишь одна из правнучек Генриха IV. Так что вы можете сидеть в моем присутствии, и я охотно разрешила бы вам это. Но Мадам... Впрочем, вы можете включиться в нашу игру. Как раз вам требуется партнерша. Мадам

Ариньи только что проиграла.

— Играть стоя?

— Тогда вы сможете сесть, — сказала Великая Мадемуазель, улыбаясь.

Она подвела ее к Мадам, которая рассеянно взглянула на Анжелику, присевшую в реверансе. Мадам была поглощена игрой.

Но Анжелике так и не пришлось отдохнуть сидя. Появилась мадам де Монтеспан.

— Скорее, сейчас я смогу представить вас королеве.

Анжелика пробормотала слова извинения и поспешила за подругой.

— Атенаис, — сказала она на ходу, — мне нужна ваша помощь, я никак не могу понять одной детали церемониала. Когда и какого звания дамы могут сидеть в присутствии особ крови?

— Да почти что никогда. Это целая куча правил, а исключений из них и того больше. Право сидеть — мечта каждой дамы. Банкетка или скамейка для ног — символ высшей милости или родства с королем или королевой. Правда, если вы играете в карты, то можете сидеть в присутствии самого короля. И если вышиваете... Тонкостей много...

Королеву одевали, пудрили и причесывали. Перед ней на столике лежали драгоценности, которые она по очереди примеряла.

Анжелика сделала реверанс, поцеловала королеву руку. Королева желала быть одетой по последней версальской моде, которая шла ей менее, чем тяжелые испанские юбки и локоны, которые Анжелика навсегда запомнила, увидев королеву еще инфантой в Сен-Жан де Лув. Королева с тех пор располнела, и никакие притирания, никакая пудра не могли скрыть, что нос у нее покрасневший, а веки — припухшие от ночных слез.

День был превосходным, и почти весь Анжелика провела в саду. Вечером она переделалась в комнате камеристок королевы и спустилась в большой зал, где давали представление.

Король уже сел. Места в зале были расписаны сообразно этикету, и Анжелике пришлось опять стоять в глубине зала. Ей было плохо видно, а аплодисменты из первых рядов заглушали реплики актеров.

— Как вам нравится пьеса? — раздался голос над самым ее ухом. — Мольер очень поучителен, не так ли?

Голос был приятным, почти нежным, но это был всего лишь Филипп. Одетый в розовое, он улыбался, стоя рядом с ней.

— Это безусловно одна из лучших вещей Мольера, — ответила Анжелика, справившись с собой. — Но отсюда плохо видно сцену.

— Как жаль. Но это поправимо.

Он обнял ее за талию и увлек за собой. Люди расступались перед главным ловчим королевской охоты, но это мало радовало Анжелику. Они остановились там, где действительно вес было видно и слышно.

— Прекрасное место, — сказал Филипп. — Мы видим сцену, а король может видеть нас. Прекрасно.

Он не убрал руки, обнимающей Анжелику, и наклонился к ней так, что его локоны касались ее лица.

— Зачем вы обнимаете меня? — шепотом спросила Анжелика.

— Затем, что король высказал такое пожелание. А я не хочу, чтобы он сомневался в моей верности ему — любое его желание для меня приказ!

— Ах, вот в чем дело! — с горечью сказала Анжелика.

— Именно в этом. Смотрите на меня. Чтобы ни у кого не было сомнений: супруги дю Плесси-Бельер помирились.

Его рука казалась ей стальным обручем, так сильно он сжимал ее, но голос звучал без угрозы.

— Мне больно. Как вы жестоки!

— Как я хотел бы быть жестоким с вами, мадам. Но здесь не время и не место. Подождите, мадам. Слушайте пьесу.

Анжелике было совсем не до пьесы. Ее грудь вздымалась, из-за объятия Филиппа ей было трудно дышать. «Филипп, мы ведем себя как дети, — чуть не сказала она ему. — Ведь нас многое связывает, и я не верю, что мы не можем жить вместе. Я люблю вас, Филипп, так же, как тогда, в Плесси, еще девочкой». Она искоса взглянула на него. Рядом с ней стоял сам Марс, бог войны, надменный и холодный как изваяние. Свои достоинства он носил как одежду, почти с оттенком скуки, и трудно было увидеть грань, за которой достоинства обращались в пороки. Способности чувствовать что-то, как все люди, он, казалось, был лишен. Во всяком случае, красота Анжелики его не задевала, не вызывала в нем добрых чувств.

Великий драматург, слова которого звучали со сцены, много писал о мужчинах и женщинах, но никогда не описывал человека, хоть сколько-нибудь похожего на Филиппа. И Анжелика даже не могла представить, что за человек стоит рядом с ней. Ей казалось, что он должен быть другим, не таким, каким его видят все. Анжелика вздохнула. Неужели это только казалось?

— Мольер очень правдив, — заметил Филипп, когда пьеса закончилась. — Он описывает простолюдинов, но каждый без труда узнает себя в его персонажах.

«И он не глуп», — подумала Анжелика. Он взял ее руку в свою.

— Вы вздрагиваете так, будто я замораживаю вас, — сказал Филипп. — Нет нужды больше обниматься. Давайте поговорим о наших делах. Сначала выиграла вы, заставив меня жениться на вас. Потом выиграл я, слегка наказав вас, чтобы отбить вкус к шантажу. Потом вы выиграла снова, появившись в Версале. Мне пришлось похитить вас, но вы сбежали. Что же дальше?

— Это решит судьба.

— Она всего лишь оружие, которым владеем мы оба. Выигрывайте, мадам, но окончательная победа все равно будет за мной. Я слишком хорошо вооружен. Вы все равно окажетесь в монастыре, я позабочусь об этом.

— Вы скорее потеряете голову от любви ко мне, — сказала Анжелика. Филипп потерял дар речи.

— Вы сами предложили спор, — продолжала Анжелика. — Поспорим, если хотите. Если выиграете вы, то получите все мои деньги, все предприятия и корабли. Вряд ли я смогу распорядиться ими из монастыря, доведенная к тому же до помешательства вашими издевательствами. Но если выиграю я, вы отдадите мне вашу семейную реликвию — золотую цепь, которую в вашем роду старший сын надевает на шею своей жене. Я знаю историю, связанную с этой реликвией. Говорят, она придает женщинам, носящим имя Плессн-Бельер, мужество и добродетель.

— Которая совершенно ни к чему вам, — бросил Филипп и отошел прочь.

В отеле Ботрейи было очень тихо. Проснувшись, Анжелика тут же села за письмо к отцу, приглашая его вместе с Флоримоном и Кантором в Париж. Позвонив слуге, чтобы тот вызвал почтальона, она обратила внимание, как ясен и отчетлив звук колокольчика. Слуга появился и сообщил, что почтальон исчез еще несколько дней назад, а с ним вместе, как уже сообщалось госпоже маркизе, и экипаж, и лошади, и остальные слуги.

Анжелика едва сдержалась. Было крайне неприятно узнать, что ее слуги уже взяты на службу маркизом дю Плесси-Бельер, причем с большим, чем у нее, жалованьем, и она не сможет даже наказать их за бегство, и что в конюшни маркиза переместились ее лошади и экипажи. На ее слуг он расщедрился! Не поспешил!

Слуге Рожеру было приказано нанять новых слуг, а затем на ярмарке в Сен-Дени найти лошадей для упряжки и для верховой езды.

Анжелике было жаль этих денег. Филипп попросту украл у нее лошадей, по-другому не скажешь. Так что же, обратиться в суд?

— Как быть с письмом в Пуату? — спросил Рожер. — Ближайшая почта только в среду.

— Письмо может подождать. Но в среду отправьте обязательно.

Немного успокоившись, Анжелика в портшезе отправилась на набережную Меджесери, где помещалась принадлежавшая ей лавка с экзотическими птицами. Ей нужен был подарок для Атенаис, и она выбрала для нее пестрого яркого попугая. К попугаю она присовокупила негритенка, одетого не менее ярко. Его веселая физиономия блестела, как начищенные самой лучшей ваксой кожаные ботинки.

Мадам де Монтеспан стояла такой щедрости. Она не раз уже выручала Анжелику при дворе, и Анжелика нуждалась в ней.

На следующий день Анжелика отправилась в Сен-Жермен, который считался излюбленной резиденцией Людовика XIV вот уже несколько лет.

Глава 6

Двор направился в Фонтенбло. Снег выпал очень рано. Серые тучи угрюмо нависли над растянувшейся вереницей повозок и всадников. Поля белели довольно весело, но стоило поднять взор к небу, как настроение портилось, и хотелось скорее в дом, к теплому очагу, чтобы огонь трещал и разбрасывал искры. Вечерело. Пахло дымом — зажгли факелы. Вскоре процессия подошла к воротам.

Анжелика искала Филиппа. Она не могла решить, почему: то ли хотела его увидеть, то ли, наоборот, ожидая от него одних неприятностей, хотела, завидев его издали, заблаговременно затеряться в толпе. От него ей не доставалось ничего, кроме мрачных взглядов. Его не стесняло присутствие придворных. Пусть ведет себя как хочет, если на это сквозь пальцы смотрит король, Анжелике это все равно, но сердце ее сжималось всякий раз, когда он отвечал ей сквозь зубы и смотрел мимо нее. Она никак не могла отделаться от своей детской мечты: великолепный кузен Филипп! Она продолжала надеяться...

Филипп был занят приготовлениями к охоте. Он был Мастером Волчьей охоты, а волков в окрестностях хватало. Придворные пересказывали друг другу истории о ночных нападениях волков — загрызенные овцы исчислялись десятками, говорили даже что-то о маленьком мальчике, которого утащили волки. Видели вожака стаи — лобастого, крупного зверя. Он не боялся заходить в деревни и всегда уходил от погони. Крестьяне боялись выйти со двора. Притихшие дети не отходили от матерей. Предстоящая королевская охота казалась благим деянием, подлинным освобождением для жителей деревень. Десятки крестьян, вооруженных кто чем, вы шли на охоту. Никто не захотел быть в стороне.

От звука охотничьего рога проснулось эхо, живущее в лесах Фонтенбло. Анжелика опустила поводья и прислушалась. Она всегда любила лес. Ветер, полный холодных запахов сырой листвы, заставил ее забыть запахи Парижа. Лес! Она босиком исходила все леса вокруг замка де Сансе когда-то, горстями собирая бруснику и забираясь на самые верхушки яблонь, чтобы сорвать ярко-красные яблочки, прихваченные морозом.

Спрыгнув с лошади, она наскоро привязала ее к кусту орешника, и выбрала среди побрякушек, болтающихся у нее на поясе, маленький

фруктовый нож. Она уже чувствовала вкус яблок во рту и не обратила внимания, что звуки рога становятся слабее, а стук копыт — глуше. Она торопилась и не увидела, как насторожилась, ее лошадь, как мотала она головой, стараясь оборвать повод, пока вдруг одним движением лошадь не сорвалась с места и не умчалась. Анжелика растерялась.

— Церера! — позвала она.

Волнение в кустах орешника улеглось, и вдруг из них бесшумно выступил большой зверь: волк. Его глаза горели, как в темноте, и вокруг мощной шеи поднялся огромный пушистый воротник. Он сморщил нос и обнажил крепкие клыки.

Крик Анжелики замер, не сорвавшись с губ. В голове было ясно и пусто, даже затверженные с детства слова молитвы ей вспомнить не удалось. Сзади громоздилась куча камней: окрестности Фонтенбло были изрезаны ущельями. Анжелике удалось, не отрывая взгляда от волка и не поворачиваясь к нему спиной, вскарабкаться довольно высоко. Но дальше была отвесная стена, гладкий скользкий камень. Уцепиться было не за что, а волку надоело поедать свою жертву глазами, и он прыгнул, зацепив краешек подола ее вышитого платья. Он вжался в землю, напрягся, но вдруг махнул хвостом, как простая собака, и улегся: не стоило тратить силы, когда еда и так вот-вот должна была сорваться сама собой. Желтые умные глаза неотрывно смотрели на Анжелику.

Анжелика вскрикнула. Ей никогда еще не было так страшно. Ее сердце стучало у самого горла, и от его ударов начинала кружиться голова.

Неожиданно рядом с ней возник стук копыт, и снежная пыль веером легла вокруг резко остановившего лошадь всадника.

Как зачарованная, Анжелика смотрела на него, не осознавая еще, что это — ее спасение, и что это не кто иной, как ее муж, Филипп.

Волк обернулся. Ему не понравился новый противник. Он был куда опаснее первого, он не ждал пассивно решения своей судьбы, он наступал. Филипп приближался. В его руке блеснул кинжал. Волк прыгнул, и Анжелика во второй раз увидела его белые страшные клыки.

Неуловимым движением Филипп выбросил вперед свободную руку и сжал зверю горло, одновременно всаживая кинжал в серебристое брюхо волка. Брызги крови растопили снег, шерсть волка намокла. Филипп с усилием отбросил мертвого зверя. Со всех сторон появлялись охотники — и среди них король. Слуги с трудом сдерживали собак. Король что-то сказал Филиппу, тот поклонился. Анжелика спрыгнула на снег, отряхнула платье, оборвала сломанное перо на шляпе. Слуга подвел к ней лошадь. Этот слуга постарел на королевской охоте. Он прискакал следом за

Филиппом и видел все почти с самого начала.

— Мы увидели вашу лошадь с оборванным поводом, слышали ваш крик... Мы знали, что волк в этих кустах... Первый раз в жизни я увидел, чтобы Мастер Волчьей Охоты смертельно побледнел...

Анжелика увиделась с Филиппом лишь на балу после охоты. В глазах у нее все еще стояла картина: Филипп в окровавленном камзоле и его взгляд, которым он смотрел на нее, когда она разговаривала со слугой. Ясное дело, он жалел, что под рукой у него не оказалось хлыста: разговаривать словами с женой он не смог бы. И тем не менее ей пришлось подойти к нему и сказать слова благодарности.

— Филипп, я очень признательна вам... Вы рисковали жизнью...

Он отвернулся, подзывая лакея, разносящего вино. Поставив на поднос бокал, он резко обхватил Анжелику, словно хотел переломить ее пополам. Все поплыло у нее в глазах.

— Если вы не знаете, как ведут себя дамы на охоте, — донесся до нее голос Филиппа, — сидели бы дома! Вечно вы ставите меня в неловкое положение. От вас за версту отдает лавочницей. Рано или поздно я все равно избавлюсь от вас.

— Почему же вы не разрешили волку избавить вас от меня?

— Это была охота на волка, и волк должен был быть убит. Совсем не вы заботили меня. Вы очень самонадеянны, и вам кажется, что любой с радостью отдаст жизнь ради одного вашего взгляда. Но волку был безразличен ваш взгляд. Может быть, когда-нибудь вы поймете, что я Мастер Волчьей Охоты потому, что и сам волк.

— Я не верю вам, Филипп.

— Я вам докажу.

Он улыбался застывшей улыбкой и продолжал обнимать ее. Никто бы не подумал, что это ссора. Он взял ее руку своей и поднес к губам. Движение было нежным, но у Анжелики слезы выступили на глазах. Она боялась.

— Вы запомните это на всю жизнь, — сказал Филипп и склонился к ее руке, но не поцеловал ее, а укусил — яростно и сильно. Анжелика удержалась от крика. Отпрянув, она толкнула даму, поднимающуюся из-за стола. Это оказалась одна из принцесс, и она вскрикнула.

— Простите, Ваше Высочество, — еле выговорила Анжелика.

— Вы очень неуклюжи, мадам!

— Вам следует следить за собой, — весело сказал Филипп. — Не стоило пить так много вина!

Он сделал глубокий поклон и удалился.

Анжелика, сдерживая слезы, вышла в галерею и попробовала перевязать платком кровоточащую рану. От боли она разом ослабела, и у нее продолжала кружиться голова. Здесь было прохладнее и можно было присесть. Рука вздулась, а следы зубов почернели. Теперь вес будут судачить о том, как мадам дю Плесси-Бельер напилась и чуть не свалилась на принцессу крови.

— Я хочу отругать вас, — услышала она и подняла глаза: перед ней стоял герцог до Лозен. — Вы одна, опять одна! При дворе нельзя быть одной. Это воспринимается как вызов, особенно если вы сидите одна здесь, в месте, которое называется Приютом Венеры.

Он присел рядом и повернул ее лицо к себе.

— Бог мой, вы плачете? Из-за моих слов? Анжелика помотала головой, и Лозен улыбнулся.

— Узнаю этот плач, — сказал он. — Так женщины могут плакать только из-за мужчины. Дорогая, вы совершаете настоящее преступление. Это вы должны заставлять плакать мужчин, а не утирать слезы в одиночестве.

— Я просто чувствую себя разбитой, Пегилен. На самом деле все не так уж плохо.

— У вас что-то болит?

Она протянула, ему свою руку.

— Что за варвар сделал это? — возмутился Лозен. — Я вызову его на дуэль!

Анжелика грустно улыбнулась.

— Этот варвар имеет на меня все права, Пегилен. Наверное, имеет право и на это, к сожалению.

— Чего же еще ждать от мужа... — сказал Пегилен. — Да еще от вашего красавца маркиза... Почему вы выбрали именно его? Почему никто не удержал вас от рокового шага? И зачем вы постоянно ищете встреч с ним?

Анжелика залилась слезами.

— Хватит, хватит, — ласково заговорил Лозен. — Плакать из-за мужчины — это еще можно понять, но из-за мужа...

Он протянул Анжелике батистовый платок, но видя, что Анжелика его не видит, сам осторожно промокнул ей щеки и вытер глаза. Она вздохнула.

— Так лучше? — спросил он.

Она кивнула. Он пристально смотрел на нее. Место, где они сидели, было защищено от любопытных взоров и находилось несколько в стороне от обычного пути лакеев и слуг. Анжелика огляделась. Она сидела на

мягкой софе. Вход закрывался пологом. Лучи заходящего солнца окрасили дальний угол в красный цвет. Несколько минут — и солнце ушло, а в складках полога зашевелились тени ранних сумерек. Были видны мраморные статуи на террасе и замерзшее зеркало воды в фонтане.

— Вот это и называют Приютом Венеры? — спросила Анжелика, чтобы проверить, не дрожит ли ее голос после рыданий.

— Да, это и есть Приют Венеры. Всем известно, что нетерпеливые влюбленные именно здесь приносят жертвы этому божеству... Здесь мы укрыты, насколько это возможно во дворце, от посторонних нескромных взглядов. А вы, я вижу, забыли, что существует богиня любви.

— Скорее она отреклась от меня.

— Вы говорите серьезно, Анжелика?

Он задумался.

— На что же рассчитывает ваш муж?

— Я не знаю.

У Анжелики снова к горлу подступили слезы.

— О чем он думает? И что по этому поводу думают ваши любовники?

Анжелика промолчала,

— У вас нет любовников? Ни одного? У Пегилена округлились глаза.

— Это вовсе не похвально. Вас следовало бы отшлепать, Анжелика.

— Почему? — запротестовала Анжелика.

— Потому, что никто не виноват в создавшемся положении, кроме вас. С вашим телом, с вашими глазами! Вы разве злое бездушное существо? Вы не хотите, чтобы вами наслаждались? Сами вы наслаждаетесь только денежными расчетами, деловыми разговорами с политиками и финансистами? Только этим?

Анжелика смутилась.

— Судьба больше ничего не согласна дать мне.

— Вы ловушка дьявола... Эти манящие губы, эта грудь, зовущая, чтобы ее целовали! Вы способны увлечь в ад, не давая никому прикоснуться к вам!

Она почувствовала, что с нее довольно. Она устала, замерзла, ей было больно. Разговор не принес ожидаемого облегчения.

— Вы получили новое назначение? — спросила она, чтобы сменить тему.

— Нет еще, — рассеянно ответил он.

— Почему же?

— Сказать по правде, меня оно не волнует. Меня волнует, как такая прелестная женщина может жить, думая только головой. Для чего же тогда

вот это?

И он положил руку ей на грудь.

— Пегилен! — воскликнула она.

— Как же бьется у вас сердце! Спокойно, — велел он и уложил ее на софу, не давая подняться. — Наверное, вы действительно больны. Посмотрим сейчас, излечима ли ваша болезнь... Назовите-ка имена тех, кто бледнеет и вздыхает в вашем присутствии, а по ночам терзается муками неразделенной любви? — Вы думаете, они есть?

— Не надо притворяться удивленной, радость моя. А маркиз де Ла Вальер не отходит от вас? А Вивонн, брат Атенаис, вспыхивает, как школьник, когда вы проходите мимо? А комплименты Бриенна? А Сент-Эньян, а Лувуа?

Она засмеялась.

— И смеяться не надо. Если вы действительно не замечаете этих людей, вы еще более коварны, чем я думал. Неужели вас не опаляет то пламя, которое вы сами и разжигаете, черт возьми? Уж не саламандра ли вы?

— А себя вы не упомянули, господин Лозен, среди предполагаемых моих жертв.

— Я не посмел, — быстро сказал он. — Нет-нет, никогда. Я вас боюсь.

— Меня?

— Вашего прошлого, вашего будущего — всего, без чего вы не существуете...

Анжелика уткнулась лицом в его камзол,

— Пегилен...

— Ваши злоецие тайны не по мне. Нет, моя дорогая, не причисляйте меня к списку ваших любовников, хоть и в будущем.

— Но что же вы делаете со мной, Пегилен?

— Я вас утешаю. С вами плохо обращаются. Может быть, хотя закалить вас в несчастьях, как закаливают железо в огне, а может быть, и нет. Но чтобы никакая дружеская рука не посмела прикоснуться к вам, это уж точно... Ах, какой же это соблазн...

Он касался ее кожи под жемчужным ожерельем.

Она попыталась отстраниться, но он держал ее крепко.

— Посмотрим, кто из нас больше будет нуждаться в утешении...

И он начал целовать ее в уголки глаз, виски, а потом его губы нашли ее рот, и она не смогла противиться этому Дон-Жуану королевского двора. Разве он не был прав? За что Филипп обрек ее на жизнь в одиночестве, среди роскоши и драгоценностей, не согретых ничьим дружеским

взглядом? Что значит Филипп для нее — только угрозу... Только боль. Нет, теперь она будет как все — ее окружит водоворот страстей и интриг. Пусть это яд, но на вкус он сладок, и лучше отведать его и умереть, чем жить дальше так, как жила она до сих пор.

Она с облегчением перестала сопротивляться. Она больше не сжимала губ и начала отвечать на поцелуи Лозена.

На мгновение в полной темноте возник свет: лакеи разносили светильники и расставляли их в галерее.

— Эй, парень, — окликнул лакея Пегилен, — нам совсем не нужен свет.

— Сударь, я лишусь из-за вас места...

— Держи, — Пегилен швырнул ему монету. — И пригаси пламя хотя бы наполовину.

Он снова повернулся к Анжелике.

— Вы сведете меня с ума. Вы восхитительны. Я обожаю вас...

Анжелика стонала и легонько покусывала его в плечо. Предвкушение наслаждения сжигало ее, она не замечала ничего вокруг.

— Полегче, сударыня, — смеялся легким смехом Пегилен. — Вы и так получите все, что захотите.

Ее удивил его голос, она уже забыла, кто рядом с ней, кто ласкает ее — что у него есть имя и что это конкретный, знакомый мужчина. Единственное, что она явно ощущала — благодарность, что это Пегилен де Лозен: она вдруг ясно поняла, что могла отдаться любому, что от любого прикосновения ее бросило бы в дрожь, и тогда... Она еще крепче сжала Лозена в объятиях.

Пегилен схватил губами ее локоны.

— Как вы прекрасны! — сказал он приглушенно. — Ваш муж или редкий дурак, или страшная скотина. Пренебрегать таким чудом... Сударыня, ему за все воздастся на небесах. Но я сгораю от желания вновь и вновь обладать вами. Мне не хватило этого маленького искупления ваших грехов перед богиней любви... Придете ли вы ко мне сегодня ночью, когда король покинет нас?

— Пегилен, вы невыносимы, вы несносны, вы совсем не изменились! А как же мадам де Рокелер?

— Вы придете или нет?

Анжелика спрятала лицо у него на груди. Она сама не знала, какой дать ответ, но сейчас ей было легко и спокойно. Даже боль в руке как будто притупилась.

Вдруг рядом с ними оно ощутила чье-то неподвижное присутствие:

словно холодом повеяло от фигуры, застывшей возле полога, наполовину прикрывавшего вход в Приют Венеры. Гадать, кто это, не пришлось. Это был Филипп в светлом костюме, словно закованный в лед, надменный, безразличный, как всегда.

Пегилен не смутился. Он быстро привел себя в порядок и отвесил поклон обманутому мужу.

— Я к вашим услугам, маркиз.

— Это моя жена к услугам любого, герцог, — ответил Филипп. — Не беспокойтесь.

Он поклонился Лозену и пошел по освещенной галерее. Лозен выхватил шпагу.

— Сударь! — звенящим голосом воскликнул он и бросился догонять Филиппа. — Вы оскорбляете меня!

Он ворвался в зал Дианы, куда только что вошел король в сопровождении многих членов королевской фамилии.

— Я спал с вашей женой, сударь! — воскликнул он. — Я наставил вам рога! Вступитесь же за свою честь, если она дорога вам!

— Моя честь принадлежит моему королю, — холодно ответил Филипп, — и не имеет ничего общего с честью шлюхи. Да и бывает ли у шлюх честь?

Глава 7

Серый рассвет наступил, и Анжелика села в постели. Болела голова, во рту стоял странный вкус. Она чувствовала, что волосы ее спутаны, а глаза припухли. Протянув руку за зеркалом, она ощутила боль. Филипп... Она вскочила. Дрались ли они вчера? Что ожидает оставшегося в живых — немилость, крепость? Что сказал король? Живой коридор из придворных стоял у нее перед глазами — она шла сквозь него прямая, гордая — на это еехватило... Крик «Защищайтесь, сударь!» звенел у нее в ушах. Разъяренного гасконца оттащили от Филиппа, а он что-то кричал ему, в ярости перейдя на родное наречие... Кажется, она сделала глубокий реверанс королю. Какой позор! Какой скандал! Она не помнила, как оказалась в дворцовом парке, и осознала, что сидит на скамейке, а к ней торопливо идет мадам де Шуази. Волнуясь и невнятно выговаривая слова, эта благородная дама поведала Анжелике, что произошло после того, как она покинула зал Дианы. Ее пребывание при дворе нежелательно; принц Конде взял под опеку обманутого мужа; де Лозена король отчитал. Анжелика слушала мадам де Шуази и не вполне понимала ее: этот проступок — супружеская измена, осуждаемый богом и людьми, но... Разве одна она изменила мужу, с тех пор, как существует институт брака? Разве не открыто изменяют друг другу многие мужья и жены? Она невидящими глазами смотрела в темноту за оконцем кареты: ей было не страшно ехать по ночному лесу в Париж. Ее не страшили ни разбойники, ни волки...

Она позвонила. Вбежала Жавотта.

— Пусть Флипо немедленно отправляется к маркизу, — приказала Анжелика, — и узнает новости.

Жавотта исчезла и вскоре появилась вновь вместе с Розиной. Вдвоем они одели госпожу, причесали. В зеркале возникало отражение красивой дамы — и не скажешь, что за плечами у нее могли стоять ссылка, немилость, смерть...

Под окном застучали копыта и послышался шорох колес экипажа. Шесть часов утра... Кто же это? Анжелика похолодела. В глубине дома возникли шаги. Анжелика на ватных негнущихся ногах сделала шаг навстречу судьбе, другой, третий...

По лестнице поднимался Филипп. За ним следом шел Ла Виолетт с двумя шпагами в руках.

— Я убил господина Лозена, — низким голосом сказал Филипп.

Анжелика опустилась на ступеньку. Сердце, стуча, чуть не вырывалось из груди. Господи, он жив!

Камзол Филиппа был весь в крови. Левая рука бессильно висела.

— Вы ранены? — слабым голосом спросила Анжелика. — Вам больно? Филипп, разрешите, я перевяжу вас.

И вскочив, она повела Филиппа в свою комнату. Филипп не сопротивлялся, так как потерял много крови и сил. Жавотта принесла горячую воду и мазь, Анжелика усадила мужа в кресло.

— Выпейте, — сказала она и поднесла к его губам бокал с вином.

Рана оказалась неглубокой, и слабость Филиппа объяснялась только кровопотерей. Он терпеливо снес перевязку и ни разу не застонал, лишь когда пальцы Анжелики касались его кожи, он словно пытался отстраниться.

— Как же теперь соблюсти этикет? — пробормотал он.

— Этикет?

— Этикет ареста дуэлянтов. Капитан королевской охраны имеет такое право... Но герцог де Лозен и есть этот капитан. Кто же его арестует?

— А зачем арестовывать мертвеца?

— Бросьте, у него нет и царапины.

Анжелика уронила лоскут окровавленной ткани.

— Мне хотелось посмотреть на вас, — с усмешкой сказал маркиз. — Как бездыханная, бесчувственная вы будете валиться с ног, услышав о смерти возлюбленного.

— Как видите, я не устояла на потах, увидев раненым вас, — попыталась отшутиться Анжелика.

— Я сделал все, что мог, чтобы прекратить этот бред, — сказал Филипп. — Мы дружны с Пегиленом более двадцати лет. Наша дружба стоит моей пустяковой раны.

— Филипп, — заговорила Анжелика покаянно. — Получается, что вы спасли мне жизнь. Я могла так любить вас, Филипп. О, почему все так?

Маркиз остановил ее надменным жестом.

— Сюда идут.

Послышался звон шпор и царапанье их по камню — по мраморной лестнице поднимался военный.

— Это за мной, — сказал Филипп. — Вы полковник мушкетерского полка и имеете право... А что с Пегиленом?

— Он в Бастилии, господин маркиз.

— Что ж, и я к вашим услугам... Сударыня, — обратился он к

Анжелике, — накиньте плащ мне на плечи. Вот так, благодарю вас.

Он был по-прежнему бледен, но твердым шагом направился к двери.

У Анжелики прыгали губы. Одного мужа уже отняла у нее Бастилия...

— Только не Бастилия, умоляю вас! — закричала она, бросаясь к полковнику.

— А куда же меня, в Шатле, к черни, к сброду? — криво усмехнулся Филипп.

Полковник предложил Филиппу руку и обернулся:

— С ним будет слуга, мадам. О вашем муже позаботятся. Я не могу нарушить приказ короля.

Обессиленная Анжелика повалилась в кресло. Двери за Филиппом закрылись. Обе служанки хлопотали вокруг нее. Анжелика с трудом открыла глаза.

— Я еду к Нинон, — сказала она. Ей просто необходим был дружеский совет и участие. К тому же можно было не бояться за репутацию куртизанки.

Она не помнила, как домчали ее лошади до дома Нинон де Ланкло. Речь Нинон журчала успокаивающе, без укоризны: она говорила, что многие мужья попадали в Бастилию после дуэлей, и все выходили оттуда... Пегилен де Лозен, кстати, угодил туда в третий раз! Это что-то вроде угла для непослушных детей, куда их сажают на время... Дети выросли и угол вырос! А король по-прежнему будет любить и задиру Лозена, и главного ловчего. Не может же он не наказать забияк...

— Не ваш скандал первый, не ваш последний. Терпение, моя дорогая. Уже через пару дней у сплетниц на устах будет другое имя!

Несколько успокоившись, Анжелика покинула куртизанку.

Позже ей рассказали, что сам король улыбнулся словам, которыми утешала ее прекрасная Нинон: «Весь мир болен одной и той же болезнью. Не нужно обращать внимания на единичный случай». А когда улыбался король, дело могло обернуться не таким уж страшным.

Но вмешался маркиз де Солиньяк, известный защитник бога и права. Он легко мог подвести под дело о дуэли ересь, и обоим участникам не поздоровилось бы, тут уже пахло аутодафе. Ведь и Ришелье не раз снимал головы дворянам для острастки, вспомнить хотя бы белокурого Сен-Мара!

Солиньяк принял Анжелику, но держался так чопорно, что она, переспрашивая по несколько раз одно и то же, прекратила бесплодный разговор. Со стороны Солиньяка она не встретила ни понимания, ни сочувствия, не поняла даже, какие конкретные шаги он собирается предпринять. Ей не осталось ничего, как броситься к ногам короля.

Под проливным дождем Анжелика отправилась в Версаль. В зале для посетителей она смешалась с толпой, низко надвинув на глаза капюшон, чтобы не быть узнанной. Когда вышел король, она передала ему прошение, в котором умоляла Его Величество о личном разговоре. Король оставил у себя это прошение, а не передал тут же секретарю.

Вскоре к Анжелике подошел секретарь и попросил следовать за ним. Анжелика не ожидала, что желанный разговор состоится так скоро. Увидев короля, она опустилась на колени. Сердце ее стучало, и она плохо слышала слова короля:

— Встаньте, сударыня.

В комнате было серо от непогоды. За окном по каменным плитам террасы барабанил дождь.

— Почему вы таким странным способом добиваетесь аудиенции? — спросил Людовик XIV. — Вы жена маршала Франции и можете действовать открыто.

— Сир, маршал Франции в тюрьме, — просто сказала Анжелика. Она вдруг успокоилась.

— Так вас беспокоит сто судьба? — спросил король.

— Чья же еще, сир?

— А господин де Лозен?

— Меня беспокоит только судьба мужа, сир, — сказала Анжелика, опустив голову.

— Вы краснеете, — заметил король. — Значит ли это, что вы раскаиваетесь? Вы раскаиваетесь в том, что честь вашего мужа не занимала главное место в ваших мыслях?

— Да, сир, — прошептала Анжелика.

Король встал.

— Ужасная погода, — сказал он. — Чтобы в полдень были нужны свечи...

— Просто зима, сир, — ответила Анжелика.

— Мне плохо видно вас, сударыня. Подойдите ближе. Подойдите к окну.

Спокойный голос властелина звучал не как приказ.

— Не могу поверить, чтобы господин маркиз оставался равнодушным к вашим чарам, — сказал он. — Почему вы так ведете себя? Почему вы мучаете его? Почему не живете в его доме?

— Маркиз не звал меня туда, сир.

— Вот как!

Король неслышно подошел к окну.

— Расскажите же мне, что случилось тем вечером? Я начинаю подозревать, что очевидные вещи имеют оборотную сторону.

Анжелика вздохнула.

— Сир, мое поведение непростительно, но мой муж сделал мне больно, да еще при всех, — Анжелика взглянула на свою руку. — Мне было обидно, хотелось побыть одной. Но меня увидел герцог де Лозен. Сначала он просто утешал меня, а затем...

— Это мне понятно, — сказал король, улыбаясь.

— Трудно было противиться ему, сир. Он так великодушен и добр.

Анжелика замолчала. Порыв ветра ударил в стекло, и по нему часто-часто застучали капли.

— Теперь я вижу, что во всем виноват маркиз дю Плесси, — задумчиво сказал король. — Мне не нравится, что в числе моих придворных есть человек, из-за которого иностранные подданные могут подумать, что французы недалеко ушли от варваров. Подданные короля Франции всегда были учтивы с дамами. Маркизу стоит поразмыслить об этом, а стены Бастилии ему помогут.

— Сир, умоляю вас, выпустите его оттуда!

— Ваш порыв искренен, мадам. Значит ли это, что вы любите его?

— Не знаю, сир, — с усилием сказала Анжелика.

— Мне казалось, что никто не знает его настолько, чтобы полюбить. Многие связывают с его именем самые неприятные качества человеческой натуры.

— Может быть и так, сир. Мы знаем друг друга с детства, и он остался для меня тем же обожаемым старшим кузенком. Он показался мне таким красивым, сир. Он не походил ни на кого, с кем мне приходилось встречаться в моей детской жизни. Он должен был поцеловать меня, когда нас с сестрами ему представили, а он не поцеловал, — пожаловалась Анжелика. — Отвернулся...

Словно солнечный луч осветил мрачноватые в непогоду покои короля: Анжелика вспомнила Филиппа в голубом камзоле с кружевным дорогим воротником, с тщательно завитыми локонами. Она вздохнула.

Король смотрел на нее с удивлением. Никто так не разговаривал с ним. Она говорила то, что хотела, а не то, что хотелось слышать ему. Она не похожа на других дам. И она красива, удивительно красива.

— Однажды я был в оранжерее, — медленно сказал король. — Еще ребенком. И увидел цветок редкой красоты. Он был темным, темно-красным, почти малиновым, в то время как в моде были светлые тона. Садовник не понимал меня, таращил глаза и уверял, что это дичок,

который вырос вопреки его стараниям. Не помню уже, что стало с тем цветком. Я не сорвал его и не унес. Каждый раз, когда я вижу вас, я вспоминаю тот цветок.

С этими словами он взял ее руки в свои и, притянув ее к себе, поцеловал. Анжелика не успела отстраниться, а через мгновение ей уже не хотелось обрывать поцелуй. Губы короля были теплыми, она вздрагивала от его прикосновений, и голова запрокинулась, а руки обвили плечи короля...

Внезапно она опомнилась. И он отступил.

— Я хотел лишь проверить, не способны ли вы убить влечение вашего мужа к себе, — улыбаясь, объяснил он.

— Вы уделили этому слишком много внимания, сир.

— Правда?

— Правда, сир.

Король поправил локон, выбившийся из ее прически, постоял немного рядом и отошел к своему креслу.

— Я не считаю свое внимание чем-то драгоценным в данном случае, мадам. Я составил свое мнение об этой истории: маркиз дю Плесси слепец, не в состоянии оценить сокровище, которое подарило ему небо в качестве жены. Его следует наказать за это. Я дал ему почувствовать, что он не прав. Не плачьте больше. Он отправится командовать полком в действующую армию. Пусть воюет во благо государства — это лучше, чем воевать с собственной женой. Бастилия не поглотит вашего старшего кузена.

Анжелике можно было не бояться больше зловещего Солиньяка, который как раз приехал просить аудиенции короля и вышел из кареты под проливной дождь.

Глава 8

Вернувшись домой, Анжелика увидела карету во дворе отеля, из нее выгружали багаж. А неподалеку, у крыльца, стояли ее сыновья, протягивая к ней руки.

— Флоримон! Кантор! — с радостным криком мадам дю Плесси-Бельер бросилась к детям, обняла их. Она уже забыла о письме в Пуату, написанном в спешке, и не пыталась осознать, был ли приезд мальчиков своевременным.

Кантор подрос и догнал старшего брата, который совсем не был низкого роста, это Анжелика мысленно отметила сразу же.

Барба, которая привезла детей, сообщила, что в деревне мальчики скучали, у них не было друзей, кроме деревенских мальчишек, которыми они командовали и которые поддавались им во всем, и больше не с кем было играть.

— Все изменилось, теперь они будут при дворе, — тихо ответила Анжелика. — Им придется обучаться хорошим манерам, ведь играть они будут с самим дофином!

Хлопот предстояло много: отучить сыновей от диалекта родного Пуату, научить их кланяться, танцевать, вести себя сообразно положению наследников одной из древнейших фамилий Франции.

Решить проблемы образования двух будущих придворных помогла мадам де Шуази. Уже на следующий день она привезла в отель Ботрейи молодого монаха с пронизательными глазами, который должен был стать наставником сыновей мадам дю Плесси. Юноша был младшим отпрыском семейства Ледигье — старинной, но обедневшей семьи. Закончив образование, он служил у архиепископа.

Однако требовались еще учителя танцев, рисования и верховой езды. Мадам де Шуази порекомендовала Анжелике трех молодых людей и на эти должности. Кроме того, опекая мадам дю Плесси-Бельер, она советовала ей обзавестись свитой, соответствующей ее положению. В качестве компаньенок Анжелике были предложены сестры Жиландон — девицы аккуратные, исполнительные, послушные. Их нельзя было назвать ни хорошенькими, ни смешливыми, о них можно было сказать только одно — девушки порядочные и всегда помнят свое место. Они были настолько скучны и незаметны, что Анжелика никак не могла запомнить их имена. Бывало так, что она вызывала колокольчиком служанку, являлась одна из

сестер, приседала и называла свое имя, что вовсе не казалось Анжелике забавным. Но раз уж ей полагалась свита... Анжелика последовала совету мадам де Шуази.

Мадам де Шуази была значительно старше Анжелики, но глаза и улыбка ее сохранили блеск и очарование молодости. Она считала необходимым вести достойный образ жизни и рекомендовала мадам дю Плесси-Бельер регулярно ходить в церковь, молиться утром и вечером; причем набожность хозяйки должны были непременно видеть слуги.

О мадам де Шуази ходила масса слухов, и если им верить, то дружить с ней было, пожалуй, страшновато. Так, сплетницы утверждали, что девушки, поступавшие к ней на службу, умирали от тяжелой работы или от жестоких наказаний. А ее привратник не отпирал ворота никому без личного приказа мадам. Анжелика, во-первых, была не из пугливых, а во-вторых, не очень верила этим рассказам, особенно такому случаю, когда мадам де Шуази просидела целый день в болоте, наложив на себя эпитимью, раскаиваясь в непочтительном отношении к мужу, на которого якобы подняла хлыст. Доверие Анжелики к подруге вовсе не ослабло от услышанных небылиц, и она наняла всех слуг, которых порекомендовала ей мадам де Шуази.

Домашние заботы настолько поглотили мадам дю Плесси-Бельер, что об освобождении мужа она узнала из разговоров. Филипп успел побывать на королевской охоте, и, судя по всему, был прощен королем. Он не показывался, и она примирилась с этим, считая, что так даже лучше.

Мадам де Монтеспан советовала ей вернуться ко двору, как будто ничего не произошло.

— Король на вас не сердится, он и маркиза дю Плесси простил. Все знают, как король любит вас обоих,

Мадам де Шуази тоже считала, что Анжелике не следует медлить, поскольку король высказал желание, чтобы сыновья мадам дю Плесси-Бельер были ему представлены. Всем известно, как изменчивы королевские капризы, и надо поскорее использовать возможность представить мальчиков при дворе. Это подтвердила и гувернантка дофина.

В назначенный день Флоримон и Кантор появились в Версале, одетые подобающим образом: к белым чулкам прикреплены золотые колокольчики, маленькие шпаги покоились в серебряных ножнах, волосы завиты в локоны, а бархатные плащи оторочены золотой тесьмой.

Флоримон умел раскланиваться очень грациозно, а Кантор был еще по-детски неуклюж, и ему приходилось постоянно следить за собой. Внимание аббата де Ледигье также было приковано к младшему сыну

мадам дю Плесси-Бельер.

Дофин был единственным ребенком в королевской семье, поскольку две его сестры умерли еще совсем маленькими.

Небольшого роста, толстый, с полуоткрытым ртом, дофин не производил впечатление царственного ребенка. Пожалуй, он был еще более неуклюж, чем Кантор. Всю жизнь в дальнейшем он как будто нес крест, выполняя трудную задачу быть сыном короля.

Вскоре появилась королева в сопровождении свиты. Кантору предложили спеть для нее. Мальчик встал на колени и, аккомпанируя на лютне, запел французскую народную песню о молодом короле, которому понравилась невеста его вассала, и он воспользовался своим королевским правом. Аббату де Ледигье показалось бестактным исполнение такой песни при особах крови, он склонился к мальчику и шепнул ему, что надо спеть другую песню. Присутствующим же аббат громко сказал, что лютня совсем расстроена.

Вряд ли кто-нибудь понял, что речь в песне шла о событиях предшествующего века — любовных играх Генриха IV. Тем более этого не могла понять королева, испанка по происхождению, которая, конечно же, не знала традиций народных песен в государстве своего мужа. Тем не менее Анжелика была признательна аббату за своевременное вмешательство. Кроме того, она убедилась, что у ее сыновей — достойные учителя. Инцидент был исчерпан, и Кантор запел снова.

Комплименты в его адрес особенно бурно высказывал месье де Вивонн, который, как все придворные, немного музицировал, сочинял стихи, пел и потому считал себя знатоком.

Королева приказала разыскать и привести придворного музыканта Люлли, что немедленно было исполнено. Люлли, отвлеченный от занятий с хором мальчиков, был в дурном настроении, но, услышав пение Кантора, буквально расцвел.

— Какая редкость такой голос! — авторитетно заявил он, не веря, что перед ним семилетний ребенок. — Нежный, как у ангела, и необыкновенной силы. Спойте еще, сударь!

Все оглянулись на короля. Король кивнул, и Кантор запел. Неожиданно придворный музыкант снова помрачнел.

— Этот голос продержится до одиннадцати-двенадцати лет, а потом пропадет, если мальчика не кастрировать. А такие голоса ценятся очень высоко, буквально на вес золота!

Но Анжелика запротестовала:

— Кастрировать ребенка? Но это ужасно! Нет, мой сын избавлен от

необходимости зарабатывать на хлеб пением, он будет верным слугой короля и оставит многочисленное потомство.

Было решено, что, когда подрастет дофин, Флоримон и Кантор будут в его свите. Они вместе будут играть в мяч, фехтовать, скакать на лошадях и участвовать в других развлечениях дофина.

Глава 9

В Париже звенел веселый смех, пели скрипки. Многие, дворяне отсутствовали в городе, так как дыхание войны ощущалось, несмотря на заключенный мир.

Анжелика чувствовала себя неважно — давала о себе знать беременность. Любимые платья стали тесны, и на празднествах она не появлялась. Однако в Сен-Жермен мадам дю Плесси-Бельер иногда приезжала, так как ни внешний вид, ни наряд там не возбуждали особого любопытства — дворец был буквально переполнен самой разной публикой: здесь толкались переписчики и дипломаты, совершали сделки члены городского совета и высокопоставленные дамы.

Анжелика случайно встретила во дворце старого алхимика Саварри, который как-то обращался к ней с просьбой. К нему неожиданно подбежала невысокая молодая женщина и, схватив его за рукав, начала быстро-быстро что-то говорить. Анжелика узнала в ней мадемуазель де Бриенн и прислушалась к разговору.

— Я знаю, вы можете предсказывать судьбу, — шептала молодая женщина, — помогите мне, мы сможем договориться!

— Сударыня, вы ошиблись, я всего лишь скромный ученый, остальное — слухи.

— Нет, вы можете многое, — блеск ее глаз напоминал сверкание алмазов, — Вы обладаете чудесными восточными снадобьями. Устройте мне привилегию сидеть за королевским обедом, я не постою за ценой.

— Сударыня, не все дела можно сделать за деньги.

— Тогда возьмите мою душу и тело.

— Бедняжка, вы совсем потеряли голову!

— У меня нет выхода, мсье. Вам это не составит особых хлопот, а мне эту привилегию другим путем не получить. И ради этого я готова на все!

— Я подумаю, сударыня.

Кошелек, который мадемуазель де Бриенн пыталась ему навязать, остался у нее в руках.

Немного погодя Анжелика оказалась вместе с мадемуазель де Бриенн за карточным столом. Мадемуазель была внешне очаровательной, но держалась очень высокомерно. При дворе она находилась чуть ли не с детства. Карты, вино, любовные похождения составляли смысл ее жизни. Проиграв Анжелике десять тысяч ливров, мадемуазель сразу же заявила,

что наличных денег для выплаты такой суммы у нее нет, а ее брат и так без конца упрекает ее в том, что она его разоряет.

— Этот алхимик принес счастье вам, а не мне, — говорила она. — Недаром он и денег не взял. Никто не хочет мне помочь!

Расстроившись и всхлипывая по-детски, мадемуазель де Бриенн все-таки поняла, что Анжелика желает получить свои деньги. Тогда она вдруг предложила.

— Может быть, вы захотите купить мое консульство в Кандии? Оно стоит сорок тысяч ливров, а мне все равно придется его продавать.

— Консульство? — Анжелика насторожилась.

— Да. Кандия — это на Крите.

— Но разве женщина может быть консулом?

— Я уже три года консул. Можно не находиться там, зато иметь определенные привилегии при дворе. Кроме того, это дает какой-то заработок. Вы практичнее меня. Мне не везет с управляющими. Уже двоих я туда посылала, но они набивают себе карманы, а я плачу им жалованье. Для меня это сущий убыток. Соглашайтесь, и вы не пожалеете! Для вас это выгодная сделка за относительно небольшие деньги, а я, — она вздохнула, — расплачусь с долгами и еще немножко останется...

— Мне необходимо подумать, — сдержанно ответила Анжелика.

От опьяняющей перспективы у нее закружилась голова. Консул Франции! Подумать только! Но чтобы принять решение, нужно получить дельный совет, и она решила обратиться к Кольберу.

Кольбер был холоден по натуре — недаром мадам де Совиньи назвала его «господин Северный полюс». Роскоши он не признавал, был умерен во всем, бережлив.

Кабинет его, как и весь интерьер дома, вполне соответствовал натуре хозяина.

Анжелику Кольбер встретил поначалу несколько хмуро, но по мере того, как она рассказывала ему о своих новых хлопотах, он смягчился. Все-таки она была прелестная женщина, а разговор вела вовсе не пустой. Сочетание ума и красоты в женщинах он почти не встречал. К тому же чаще всего к нему обращались с пустыми, и даже глупыми просьбами, а иногда с такими, которые не касались интересов государства, поэтому посетителям Кольбер привык в большинстве случаев отказывать.

Анжелике он с удовольствием объяснял преимущества и недостатки, связанные с консульским постом на Крите. Этот остров был на Средиземноморье центром работорговли. Не один раз турки пытались его завоевать, но Крит оставался колонией Венеции. Вкладывать деньги в это

дело достаточно выгодно, ведь у Франции превосходные отношения и с Венецией, и с Турцией. Впрочем, иногда и во время военных действий торговля идет неплохо.

— Почему же у мадемуазель де Бриенн нет доходов и она продает должность консула в Кандии? — Анжелике необходимо было выяснить все детали предстоящей сделки, — Правда, она считает управляющих виновными во всем.

— При ее характере это естественно, мадам.

— Если у меня будет кандидат на этот пост, вы поддержите его?

Нахмурясь, Кольбер немного помолчал.

— Да. Что касается консульства, я поддержу вас, уж лучше пусть оно попадет в ваши руки, чем к этим глупым, хоть и благородным, дворянам. Но у меня есть к вам и другие предложения, а это дело вполне согласуется с ними. Мне кажется, что мы можем использовать ваши деловые качества на пользу Франции. Согласитесь, что пост в свите короля — бесполезное место. Оставим это доверчивым куколкам, у которых головы пусты, а за душой только громкие фамилии. Вы можете заняться чем-то более серьезным, а ваше будущее должно иметь более блестящие перспективы.

— Но моих денег не хватит, чтобы спасти всю страну! — Анжелика поняла министра чересчур прямолинейно.

— Разве я говорю о деньгах? Страну спасет только труд, труд на ее благо. Главное — единство наших верноподданных, а его-то и нет. Что лучше — распорядиться собственным состоянием или финансами целого государства? Если бы я продолжал вкладывать деньги в свою торговлю мануфактурой, я имел бы огромное состояние. Но я предпочел использовать свои данные на пользу государству, ведь чем крепче оно, тем надежнее мое положение. Поэтому я считаю своим долгом изучать искусство управления страной, которым владел кардинал Мазарини. И я рад, что король тоже начинает ему следовать, невзирая на свою молодость. Он достойный ученик кардинала Мазарини. Пожалуй, он даже превзойдет своего учителя.

Во время своего патриотичного монолога Кольбер все более распаялся, лицо его стало даже свирепым. Анжелика спросила, чем вызван его странный гнев, показавшийся ей беспричинным.

— Гнев? Я просто не понимаю, почему веду с вами такие разговоры, вот и злюсь.

Анжелике пришлось заверить Кольбера, что она не предаст его доверия. Кроме того, вопросы, затронутые министром, так глубоко волнуют ее, что, вероятно, именно это и дало ему силы говорить с ней так

откровенно.

Вид у Кольбера был обескураженный. Лесть он ненавидел, не без основания подозревая всех льстецов в корысти. Однако внимательно посмотрев в лицо Анжелике, он как будто удостоверился в ее искренности.

— В конце концов, я не так часто веду деловые разговоры, — уже дружелюбнее проворчал министр. — Просто не с кем!

И еще раз улыбнулся:

— Во всем виновато ваше очарование, оно безотказно действует даже на таких стариков, как я. Считайте, что у вас в запасе мощные наступательные средства.

— Как же мне их использовать с максимальной выгодой?

Минутная задумчивость... И ответ:

— Во-первых, вы не должны покидать двор. Никогда. Вам нужно познакомиться со всеми нужными людьми как можно ближе. Во-вторых, вы будете выполнять разного рода поручения, в основном связанные с торговлей. Например, с такими ее сторонами, которые зависят от моды.

— От моды?

— Да. Я уже говорил, что деньги надо вкладывать в производство в своей стране. Мы ведь думаем о будущем Франции, не так ли? А у нас каждый год три миллиона лир уходят в Италию для покупки венецианского кружева. Значит, надо построить подобные мануфактуры во Франции. Конечно, придется раздобыть секрет производства этих кружев. Впрочем, я подозреваю, что люди, их изготавливающие, действуют у нас в Марселе, получая громадные прибыли.

— Мне кажется, это выглядит похожим на шпионаж. Кольбера такие слова отнюдь не коробили, хотя циничным он не был.

— Шпионаж? Но такова жизнь. Возьмите, к примеру, еще одно дело: акции Ост-Индийской компании, которые будут распространяться при дворе. Неужели вы не воспользуетесь случаем применить свои таланты? Надо только подумать, какой пост официально мог бы вам подойти. Впрочем, ваше консульство на Крите при случае обеспечит вам алиби.

— Но оно не принесет прибыли! — Анжелика привыкла все подсчитывать, все-таки сорок тысяч ливров — далеко не мелочь.

— Мадам, ваше служебное положение обеспечит вам не только доход, но и дополнительные привилегии, которые тоже кое-что стоят. Вы в состоянии купить себе этот пост. Вы будете обязаны сами себе. А за меня заплатил король, потому что он хотел, чтобы именно я занял этот пост. Я все обязан делать на благо Франции.

Во дворце — очередное празднество: ставится балет «Праздник на

Олимпе». Бал открыл король в костюме Юпитера в паре с Генриеттой Английской. Шлем его, украшенный рубинами и алмазами, был увенчан хохолком из перьев невообразимого пламенного цвета. Вообще весь костюм Юпитера отделан драгоценностями и шитьем из золотых нитей. На одни драгоценности ушло целое состояние.

Анжелика была поглощена своими мыслями после разговора с Кольбером. Сейчас ей было особенно отчетливо видно, что жизнь при дворе — не одни такие вот праздники. А вдруг под какой-то из этих масок скрывается чей-нибудь тайный шпион? Ведь некогда здесь же прогуливался кардинал Ришелье, вынашивая планы захватить власть. Его шпионская сеть была огромной, она включала и немало женщин, про которых он говорил, что им свойствен дар интуитивно обманывать. «Интересно, — думалось Анжелике, — усвоил ли эти принципы молодой король?»

Когда она уезжала, паж подал ей записку от Кольбера, в которой сообщалось, что верительные грамоты консула Франции будут вручены ей завтра.

Мадам дю Плесси-Бельер не могла сдержать радостной улыбки.
Вновь она победила!

**ЧАСТЬ ВТОРАЯ.
МАРШАЛ ФРАНЦИИ**

Глава 10

Дома Анжелику не оставляли те же мысли. Перед сном, отпустив служанок, она стала раздеваться. Делала все медленно, полная радости от победы, которую одержала, да и от суматохи, поднявшейся вокруг нее при дворе.

Ее управляющий отослал мадемуазель де Бриенн тридцать тысяч ливров (десять тысяч были зачтены в погашение карточного долга). Из агентства Кольбера Анжелике сообщили, что она получила от короля звание консула Франции. Она должна была подписать массу разных документов и уплатить еще почти десять тысяч ливров различных сборов. Консул Франции!

Ее радость была бы более полной, если бы не страх перед собственным мужем. Казалось, маркиза дю Плесси-Бельер не из пугливых, но образ Филиппа внушал ей не самые оптимистичные мысли. Она сознавала, что он не придет в восторг от блестящего завершения ее дел на государственном поприще — ведь он не раз грозил убрать ее подальше от двора. Вот уже неделя прошла, как он вернулся. Конечно, ему известно о ее успехах. Анжелика узнала, что Филипп был у короля, и принят благосклонно. Как-то он отнесется к жене?

Продолжая столь же медленно раздеваться, маркиза дю Плесси-Бельер подошла к зеркалу и еще раз обратила внимание на венецианские кружева своей ночной сорочки. Они были так прекрасны, так нежно льнули к коже! Да, не зря Кольбер хочет наладить их производство во Франции.

Беременность, уже заметная, совсем не портила Анжелику. Она хорошо себя чувствовала и прекрасно выглядела. Чуть-чуть припухшие губы придавали ее лицу какое-то детское выражение, не нарушая общей гармонии черт. Маркиза дю Плесси-Бельер сама себе показалась прелестной. Богатство, благородная кровь и природная красота дали то сочетание, которое она видела как отражение в зеркале. Анжелика распустила волосы, тряхнула головой, чтобы локоны рассыпались по плечам, и расстегнула застежку ожерелья. Это был жемчуг в несколько рядов, и она убрала его в шкатулку. Ее отражение ни стало менее безупречным без драгоценностей и прически. Пожалуй, распущенные волосы ей шли даже больше. Анжелика вспомнила, как она в грубых башмаках, в полотняном чепчике разгуливала по Понт-Нефу, будучи Маркизой Ангелов, королевой отверженных, и как тогда каждый

встречный оборачивался ей вслед: ее красота была заметной и без дорогостоящих обрамлений!

Вдруг она услышала мужские шаги, звон шпор. Это мог проходить учитель мальчиков, но шаги приближались к ее двери.

Внезапно поняв, кто это, Анжелика вскочила, но закрыть дверь на засов не успела.

Маркиз дю Плесси-Бельер в охотничьем плаще, в грязных тяжелых сапогах с хлыстом в руке стоял в дверном проеме. «Боже, как он красив, несмотря ни на что!» На черной шляпе — белое перо. Сердце Анжелики бешено колотилось. На губах маркиза проступали улыбка, не предвещающая ничего хорошего.

— Добрый вечер, Филипп!

— Неужели вы меня ждали, сударыня? — Да... я надеялась...

— Ах, вы надеялись! Да вы храбры, мадам! А вы не думаете, что у вас есть основания опасаться моего гнева?

— Думаю. И поэтому считаю, что встретиться лучше раньше, чем позже. Иногда полезна и горькая пилюля.

Филипп утратил самообладание.

— Предательница! Лгунья! Я никогда не поверю, что вы ждали меня. Ведь вы все время меня обманываете! Вот уже две постоянные должности при дворе — и все в мое отсутствие!

— Вы хорошо информированы, сударь.

— Естественно!

— А почему вам это не нравится?

Филипп вместо ответа стегнул хлыстом дверь и шагнул к Анжелике. Он снова пришел наказывать ее.

— Вы считаете себя защищенной со всех сторон. Но вы забываете, что вы — моя жена! И если я вами недоволен...

Она вскочила на кровать, забилась в угол и расплакалась.

— Не бейте меня, Филипп! Не бейте! Это повредит ребенку.

— Какому ребенку?

— Вашему ребенку. Я беременна, Филипп.

Глаза маркиза выражали то ли ужас, то ли удивление. Положив хлыст и перчатки на ночной столик, он подошел к жене и резким движением откинул ее ночную рубашку.

— Боже мой! — захохотал он. — У вас и вправду живот, как у коровы.

Он помолчал.

И в эту секунду все переменялось.

— Когда он родится?

— К Рождеству, — всхлипнула Анжелика.

Он сел к ней на кровать и слегка обнял ее.

— Почему вы мне не сообщили об этом раньше? Я бы не стал вас так пугать. Ну, не плачьте больше. Мы заключаем перемирие. Мне не хочется, чтобы мой наследник огорчился. Но не думайте, что я сдался. Сейчас я просто не могу позволить себе дурно обращаться с вами.

Встав с кровати, Филипп подошел к буфету, вынул из него два стакана и бутылку вина.

— Значит, это было в Плесси, — сказал он. — Я рад, что мой наследник зачат под крышей родового поместья. Будем надеяться, что мой урок вам не помешает ему родиться здоровым. Надо отпраздновать это дело, даже если вы не будете пить.

Выпив вино, он разбил стакан и патетически воскликнул:

— Да здравствует Мирамон дю Плесси-Бельер!

— Филипп, — сказала она. — Вы ведь могли счесть, что я уже была беременна, когда выходила замуж.

— Нет, — сказал он, помолчав. — Нет. Хотя я и не получил академического образования, но до девяти считать умею. И потом, вы не пойдете на это. Вы не похожи на других женщин. Поэтому вы и стали моей женой.

Маркиз вышел из комнаты, хлопнув дверью. Анжелика осталась со своими мыслями и какой-то неясной надеждой.

В начале января, солнечным и снежным утром Анжелика почувствовала приближение родов. Слуги сразу же начали кипятить воду; мадам Корде, которую Анжелике рекомендовали как женщину не только с сильным характером, но и с чувством юмора, руководила хлопотами, заваривала травы.

В комнате запахло лугом и лесом, но это не радовало, а раздражало. От безделья Анжелика стала выяснять у домоправительницы, отправлены ли беднякам рождественские подарки. Отправлены. Кому какие? Все довольны? Ей подробно объяснили, сколько корзинок отдано калекам, сколько отправлено в приюты.

— Вас сейчас должны волновать более важные вопросы, — заметила мадам Корде. — А вы вскакиваете, вскрикиваете и отвлекаетесь на ерунду.

Но ни о чем важном Анжелике думать не хотелось. Когда одна из сестер Жиландон посоветовала ей помолиться, Анжелика отослала ее из комнаты. Какая глупая девчонка! Помолиться за нее может и аббат де Ледигье.

Схватки участились, и мадам Корде уложила ее на стол. Анжелике было так больно, что она не могла сдерживать стоны и даже крик.

— Не пытайтесь меня уверить, что это ваш третий ребенок, — сердилась акушерка. — Ведете вы себя так, будто ни разу не рожали!

— Очень уж он большой! — простонала Анжелика. — Просто великан!

Внезапно Анжелика увидела у изголовья Филиппа в камзоле, парике, со шпагой.

— Что вы делаете здесь? Зачем вы пришли, Филипп? Неужели вы настолько жестоки, что не можете не взглянуть на мои страдания?

— Мне совсем не безразлично, как рождается мой сын. Сегодня у меня особый день, — вид у него был снисходительный, а тон — насмешливый. — Спокойнее, моя милая, все будет хорошо. Не бойся, дорогая моя...

Она впервые слышала от него ласковые слова и с горечью подумала, что он произносит, вероятно, их же, когда рожают его любимые кобылы. Он подошел к ней и положил прохладную руку на ее влажный лоб. Стало легче. Или только показалось?

— Скоро все пройдет, — сказал он и взял ее за руку. Ну-ну, не нужно так метаться. Скоро все станет хорошо...

Анжелика стиснула зубы. Вовсе она не хотела помощи от мужа, к тому же это была помощь без понимания. Страдания ей самой казались безобразными, и ей было неприятно, что такой блестящий кавалер видит ее почти обезумевшей от боли.

А Филипп все говорил:

— Спокойно, милая... Уже совсем недолго...

И Анжелика чувствовала его руку то ни лбу, то на плече.

— Мальчик! — воскликнула повитуха, и Анжелика увидела маленькое тельце, завернутое в прогретую и надушенную лавандой простыню, которое Филипп держал в вытянутых руках и кричал:

— Мой сын! Это мой сын!

Анжелику переложили на кровать, и уже сквозь сон она увидела, как Филипп склонился над колыбелью.

Когда она впервые взяла на руки малыша, ей стало ясно, что он для нее означает — он был олицетворением ее предательства. Она заплакала. «Жоффрей, ваша любовь уплывает навсегда, навсегда... Вы перестали быть реальностью, Жоффрей, даже для меня... Я изменила вам, вот доказательство, и я не могу его не любить...»

Ребенок был закутан в батистовые пеленки. У него были голубые

глаза и нежное личико. Он не был ни красным, ни сморщенным, и почти не плакал — настоящий ангелочек.

Вошли мальчики, трогательно притихшие, — посмотреть на нового братика. Они утрачивали зависимость от матери все больше и больше, и на вопрос, понравился ли им мальчик, ответили: «Понравился», — переглянувшись друге другом; не из-за ревности, а из-за того, что не думали об этом раньше. У ее сыновей были взрослые занятия и взрослые интересы. Внезапно она вспомнила их маленькими. Как все изменилось с тех пор!

— Спой мне, Кантор, — попросила Анжелика.

На сердце было тяжело, грудь покалывало подступающее молоко — Анжелика собиралась сама кормить сына, как и старших, хотя даме ее положения это не подобало.

Мужа она больше не интересовала — ее задача родить наследника была выполнена. Надеяться на понимание было тщетно. Верно сказала о нем однажды Нинон: «Он дворянин в высшей степени. Он помешан на вопросах этикета и боится посадить пятно на свои шелковые чулки. Но он не боится смерти. Когда он будет умирать, то будет одинок, как волк, и ни у кого не попросит помощи. Он принадлежит только королю и себе».

Королю...

А король гуляет по заснеженным садам Версаля, и трость в его руке, которую он ввел в моду, не появляясь на прогулках без нее, очень легко принять за указующий жезл в руках молодого бога. Король, как наместник бога, вершит суд на земле, и в его руках жизнь, смерть и устремления его подданных.

А его супруга плачет ночами и днем пудрит покрасневший нос. Она неспособна попросту отравить соперницу, отнявшую у нее короля, как это делали другие королевы Франции до нее.

У Анжелики же нет соперниц. Муж не любит никого, но и ее тоже не жалуется.

Глава 11

В письме мадам де Совиньи к подруге — мадам дю Плесси-Бельер — сообщались последние придворные новости:

«Сегодня король открыл бал в Версале с мадам де Монтеспан. Присутствующая на балу мадемуазель де Ла Вальер не танцевала. Королева оставалась в Сен-Жермен...»

В отеле Ботрейи постоянно принимали посетителей, явившихся поздравить молодую мать. К этому чуть ли не весь Париж вынудили знаки внимания, которые были проявлены королем и королевой к наследнику рода дю Плесси-Бельер.

Подарок королевы — сундук, обшитый голубым шелком с королевскими лилиями — был выставлен Анжеликой на самом виду. В нем были детское приданое, кофточки и башмачки, отрезы на платья, плащ и другие подарки. Король подарил два серебряных блюда с позолотой.

Все это доставил в отель Ботрейи главный дворецкий Их Величеств месье де Жевре с наилучшими пожеланиями от королевской четы. Это не было чем-то из ряда вон выходящим, такие знаки внимания полагались по этикету жене маршала Франции.

Хотя злые языки усердно разносили молву: не зря старается король, вспомните, какими глазами смотрел он на жену маршала! А про маршала можно сказать что угодно, но только не то, что он сходит с ума от любви к собственной жене. Жена — красавица, настоящее сокровище, особенно если в ее ребенке течет кровь Генриха IV!

Анжелике рассказывала эти сплетни горничная: той казалось лестным, что имя ее хозяйки произносят вместе с именем короля. Анжелика слушала щебет Терезы день, другой, а потом велела ей замолчать: ей казалось унижительным положение, в которое ставила ее молва, о любви короля применительно к себе она не думала — ее гораздо больше бы устроила любовь собственного мужа.

Визитеры все шли и шли. Откинувшись на подушки, надушенная, одетая в батист и кружева, Анжелика приветствовала их, хотя не всем была рада. Извинившись, она отсылала посетителей из комнаты, если наступало время кормления, и всех шокировало, что маркиза, жена маршала Франции, обходится без услуг кормилицы.

Навестила Анжелику и мадам Скаррон. Она была приятной собеседницей, и Анжелика с удовольствием болтала с ней. Несмотря на

бедность, у мадам Скаррон не было долгов. Она регулярно подавала королю прошения о помощи, но ни одну из ее просьб Его Величество не удовлетворил. Тем не менее она не сдавалась, продолжала писать прошения и надеялась на успех.

Анжелике захотелось выведать у мадам Скаррон кое-что для себя.

— Вы открыли мне немало дворцовых тайн, но их там, вероятно, еще много. Мне кажется, например, что мой муж плетет интриги против меня.

— Ваш муж вам не опасен. Он знает действительно много, но не вмешивается ни во что. Для вас гораздо хуже то, что вы так красивы.

— Почему? Разве женщине противопоказано быть красивой?

— А еще хуже, что вы слишком нейтральны, безразличны.

— В самом деле, это же мне сказал и король...

— Вот видите, находясь постоянно при дворе, вы поставили себя вне его. Ту же ошибку совершила Луиза де Ла Вальер. Так долго не продержаться. Вам придется примкнуть к какой-либо партии. Сначала только решите для себя — с кем вы? С нужными, деловыми, мыслящими людьми — или с беззаботными стрекозами, пустышками?

— Поясните мне смысл того, о чем вы говорите, — Анжелика напряглась, ей хотелось узнать еще детальнее смысл речей мадам Скаррон.

— Я говорю об истине, о вере, о боге. Главы ищете настоящего бога? Лишь справедливость, ниспосланная им, выносит приговор.

— Тем не менее я вас не совсем понимаю.

— Разве на королевских праздниках не бывает спрятано Зло под маской? И не бывает ли там Князь тьмы?

— Значит, я должна выбрать между богом и дьяволом?

— Именно сейчас вы меня правильно поняли, — сказала мадам Скаррон совершенно спокойно. Затем взяла свой плащ и старый веер, поцеловала Анжелику в лоб и тихо вышла.

Из-за полога кровати показалось покрасневшее, возбужденное лицо Барбы:

— Мадам, страшное несчастье!

— Что там у вас?

— Наш Шарль-Анри пропал!

Анжелика еще не привыкла к полному имени младшего сына — Шарль-Анри де Мирамон дю Плесси-Бельер. Сообразив, о ком идет речь, она страшно взволновалась:

— Как? Разве нянька не знает, где он?

— Исчезла и нянька, и все, кто прислуживал малышу. Анжелика

вскочила, начала очень быстро одеваться. Барба заплакала:

— Мадам, вам нельзя вставать с постели, прошло всего шесть дней. Вы же Знатная дама, не крестьянка какая-нибудь!

— Но ведь ты пришла ко мне, чтобы я что-нибудь предприняла, не так ли?

Анжелику пошатывало, но она побежала в детскую. Детская была пуста. Не было не только малыша и его кроватки — отсутствовало буквально все: одежда, пеленки, погремушки, даже флаконы с мазями и притираниями.

Барба созвала перепуганных слуг. Но дознание Анжелики о том, кто и когда видел няньку с мальчиком, не прояснило ситуацию. После обеда их не видел никто. Привратник отлучался играть в мяч, кучер был занят с упряжью в конюшье. У Анжелики упало сердце. Но тут прибежал Флипо и сообщил, что ребенка, няньку и детское приданое отвезли в дом отца.

— Это Филипп! Будь он проклят!

Приказав слугам вооружиться кто чем может, хоть палками, Анжелика села в экипаж и отправилась в дом мужа впереди всей толпы.

Привратник не хотел отпирать ворота отеля дю Плесси-Бельер, увидев «вооруженную» палками и пиками толпу слуг. Хозяин запретит ему впускать кого бы то ни было. Однако после переговоров маркизе вместе с девицами Жиландон удалось проникнуть в дом. Ребенка она обнаружила довольно быстро, выхватила его из рук няньки, но выйти из дома не смогла. Перед ней на пути встал Ла Виолетт:

— Сын маркиза не покинет дом!

Анжелика перешла на диалект Пуату, где родился Ла Виолетт, и набросилась на него так, что, упав перед нею на колени, слуга стал умолять ее сжалиться — ведь маркиз убьет его, если ребенка увезут.

Один из слуг Филиппа был уже на пути в Сен-Жермен, чтобы сообщить хозяину о случившемся.

Тем временем явился Молин — управляющий маркиза дю Плесси-Бельер. Его вид несколько успокоил Анжелику, и она обрела способность спокойно обсуждать то, что произошло.

Молин поздравил ее с рождением наследника дю Плесси-Бельер.

— Однако у меня хотят отобрать малыша!

— Мадам, это и его сын, и маркиз очень рад его рождению.

— Я понимаю, что вы примете сторону маркиза. А ведь он счастлив еще и потому, что имеет возможность заставить меня страдать. Пожалуйста, будьте справедливы, А своих слуг я отошлю.

Филипп, вернувшись из дворца, застал Анжелику в мирной беседе с

Молином. При виде маркиза управляющий поднялся и, не допуская перепалки между супругами, пояснил Филиппу, что ребенок нуждается в матери. Ведь она кормит его. Если от волнений у нее пропадет молоко, пострадает малыш. Филиппу эти тонкости не были известны, в его понимании женщины лишь рожали детей и не кормили их сами, ведь существуют кормилицы, но раз уж необходимо, чтобы мать находилась рядом с сыном, чтобы тот вырос здоровым и сильным, он готов уступить.

— Я не могу оставить и старших сыновей, — сказала Анжелика.

— Дом достаточно велик, — заметил Молин.

Пришлось согласиться на необходимость переезда Анжелики в дом мужа, так как расстаться с наследником Филипп наотрез отказался. Он признал, что на этот раз она, возможно, и победила.

— Но имейте в виду, мадам, что вы находитесь в моей власти. Это правда, что вы грозились взорвать ворота, если их не отопрут?

— Правда, — дерзко ответила Анжелика.

В дом мужа она перевезла детей и часть прислуги. Комнаты, отведенные ей, она отделала по-своему, чтобы они не были такими мрачными, как весь отель.

Вскоре она получила от короля приглашение в Версаль на бал. Приехав во дворец, маркиза не могла найти места, где можно переодеться. Вместе с мадам де Рур они укрылись в апартаментах королевы и переодевались, помогая друг другу. Придворные, появляясь в комнате, то говорили им комплименты, то предлагали помощь. Мадам де Рур волновалась:

— Не мешайте нам, мы можем опоздать, королю это не понравится.

Пока она искала булавки где-то за пределами комнаты, Анжелика натягивала шелковые чулки. Вдруг чья-то сильная мужская рука схватила ее за талию и опрокинула на софу. Сопrotивляясь, она дважды ударила нападавшего по щеке. Занесенная в третий раз для удара рука повисла в воздухе — Анжелика с ужасом увидела, что перед ней — король!

— Я... я не предполагала, что это вы, — смущенно бормотала она.

— Я тоже, — король добродушно потирал щеку. — У вас такие прелестные ножки, зачем вы смущаете людей, переодеваясь здесь и показывая их во всей красе?

— Но другого места я не нашла.

— Неужели Версаль так мал?

— Вероятно, да.

Приведя в порядок юбку, Анжелика взглянула на короля. Она еще

сердилась, но увидев его смущение, улыбнулась ему.

— Простите меня, маркиза. Вам нравятся странные комплименты. Сейчас я скажу один: если бы я знал, что эти кудри и прелестные ножки — ваши, я бы не посмел вас тронуть.

— Иными словами, вы просто не узнали меня, сир.

— О, вы и комплимент способны вывернуть наизнанку и вынуть из него то, ради чего он говорится! Тогда скажу, что мне жаль, раз я не узнал вас.

Она подала ему руку, король поцеловал ее.

А когда она шла в большой зал по коридору, к ней подошел слуга и предложил проводить в комнату, отведенную для нее.

— Главный дворецкий просит передать, что ваша комната — в крыле членов королевской семьи.

Когда она подходила к указанной комнате, квартирмейстер заканчивал писать мелом на двери: «Отведено мадам дю Плесси-Бельер». И ему, и слуге Анжелика дала несколько золотых с пожеланием выпить за ее здоровье.

Служанки принесли ее гардероб, и она начала хлопотать в отведенных ей апартаментах, по-детски радуясь неожиданной милости короля. Известие о том, что маркизе дю Плесси-Бельер отведены помещения в королевской части дворца, распространилось с быстротой молнии. Войдя в бальный зал, Анжелика увидела, что на нее смотрят буквально все — кто с восхищением, а кто — и с неприкрытой завистью. Надпись «Отведено для...» значила очень многое. Муж уже объяснял однажды, что именно она значит.

Внимание к ней ослабло лишь с появлением в зале королевы со свитой. Кланяясь всем, кого знала, королева тем не менее прошла мимо Анжелики, не удостоив ее поклоном, как мимо незнакомки.

Это было отмечено сразу.

— Ее Величество видит в вас новую соперницу, — заметила маркиза де Рокелер. — После того как мадемуазель де Ла Вальер впала в немилость, королева обрела душевный покой. И тут появились вы, куда прекраснее и обворожительнее, чем изможденная красавица Ла Вальер!

В танцевальном зале, куда прошла Анжелика, танцоры уже стояли в два ряда. Нежно запели скрипки. Оркестр и дирижер были скрыты от взоров вьющимися гирляндами из золотых листьев и цветов. За спиной у нее раздался знакомый голос:

— Ее Величество плачет теперь из-за мадам дю Плесси-Бельер. Ходят слухи, что король приготовил апартаменты для новой фаворитки.

Анжелика, будь осторожна!

Анжелика даже не оглянулась, верный Баркароль продолжал оставаться другом.

— Баркароль, это сплетни, не верь им.

— Нет, тебе угрожает беда. Берегись, Маркиза!

— Ты что-то знаешь?

— Нет, но мадам де Монтеспан и мадам де Рур ходили за снадобьем к Ла Вуазин, желая отравить Ла Вальер. А она сказала, что с помощью колдовских чар снова завоюет расположение короля, и она...

— Тише! — испугалась Анжелика.

— Берегись их! Если упадешь с верхней ступени, то уж на самое дно.

Король поклонился королеве, открыл бал с мадам де Монтеспан. Анжелика тоже вышла в ряды танцующих. За вышитым занавесом хихикал карлик.

Глава 12

Франция снова начала военные действия. К месту боев по непролазной грязи двигались коляски, повозки, кареты, телеги и верховые лошади. Пехота и артиллерия прошли здесь ранее.

Анжелика вместе с мадемуазель де Монпансье ехала в карете. Они стали подругами после освобождения из Бастилии де Лозена. На перекрестке им попала перевернувшаяся карета мадам де Монтеспан, принцесса пригласила ее к себе, так как место было. Атенаис добралась до кареты и расхохоталась:

— Ужасно смешно видеть де Лозена после двухчасовой скачки под дождем. Его парик размок, и он снял его. А его собственные волосы — просто смех!

— Но он же может простудиться! — посочувствовала принцесса.

Анжелика окинула взглядом окрестности. Внизу, в долине, был виден небольшой городок, его уже окружили укрепления французов. Несмотря на проливной дождь, продолжалось рытье второй линии траншеи. После сильного пушечного залпа король, стоящий на холме, отложил в сторону подзорную трубу.

— Сир, — с волнением обратилась к нему Великая Мадемуазель, — ваши дворяне гибнут не только от пуль, но и от банальной простуды. Посмотрите на вашего верного господина Лозена!

— Кузина, вы выбираете для разговоров самый неблагоприятный момент, — ответил король и обратился к де Лозену: — Мне кажется, гарнизон, защищающий крепость, готов сдаться. Прекратите огонь!

Лозен усккал выполнять приказ. Возбужденная принцесса хлопала в ладоши:

— Вы за три дня одержали победу, сир. Как прекрасна война!

В тот же вечер в доме, где расположилась свита королевы, де Лозен нашел мадемуазель де Монпансье и попытался выяснить, зачем она заступилась за него в дороге. Принцесса смутилась и, улыбнувшись, покраснела. Затем она отошла с де Лозеном в сторону и, разговаривая с ним, вся светилась от счастья.

«Как она влюблена, это же безумие!» — подумала Анжелика. Де Лозен, казалось, старался держаться подальше от, доверчивой внучки Генриха IV. Каков гасконец!

За четырьмя карточными столами было довольно многолюдно, но

спокойно, тишину нарушало лишь позвякивание монет. Королева выглядела довольной: к ее городам добавился еще один, вдобавок, к ее радости, отсутствовала мадемуазель Ла Вальер. Перед самой кампанией король подарил бывшей фаворитке герцогство Божу и Сан-Кристоф. Правда, маленькую Мари-Анн он признал своим ребенком, ей дали фамилию де Блуа, но это так походило на отступную плату, что никто не сомневался в истинной причине отсутствия фаворитки.

В отсутствие Ла Вальер король стал больше внимания уделять супруге. Они вместе въезжали в завоеванный город. Но тут на глаза ей попала мадам дю Плесси-Бельер, и сердце королевы вновь защемило от неприятных предчувствий.

Анжелика нравилась королеве, но Солиньяк говорил, что она аморальна и недостаточно набожна. А мадам де Монтеспан утверждала, что маркиза под маской посещает самые ужасные притоны Парижа и больна дурной болезнью, не зря собственный муж пренебрегает ею. Можно ли доверять внешности? Она казалась такой свежей, цветущей, у нее такие красивые дети. Неужели король влюбится в нее?

Анжелика чувствовала, что доставляет королеве много необоснованных волнений, и старалась лишний раз не встречаться у нее на пути.

В этом же городке ей пришлось невольно узнать еще одну подробность из придворной жизни. Дом, где расположились король и свита, был небольшим, часть придворных остановилась в жилищах горожан. Но Анжелике вместе с мадам де Монтеспан отвели комнатку рядом с апартаментами короля. Пробираясь к себе темным коридором, загроможденным чемоданами и корзинами, Анжелика разглядела негритенка, которого она в свое время подарила мадам де Монтеспан. Он встал перед ней у входа в комнату, сверкая живыми глазенками.

— Мадам, сюда нельзя.

— Нааман, мне нужно пройти.

— Нельзя, никак нельзя.

— Почему?

— Там... — мальчик замялся, — там есть кто-то...

— Ну и что? И мне надо сюда.

— Тише, мадам, — негритенок усмехнулся, — там король. Анжелика повернулась и стала выбираться обратно. Да, это сюрприз! Король и мадам де Монтеспан!

На другой день предстояло ехать в Амьен. Перед отъездом Анжелика

направилась к королеве, поскольку входила в ее свиту. У двери Ее Величества щебетала мадемуазель де Монпансье:

— Бедная королева! В таком затруднительном положении она теперь!

Оказалось, что мадемуазель де Ла Вальер, проскакав всю ночь, только что прибыла к месту расположения армии и явилась к королеве засвидетельствовать свое почтение.

Королева была в слезах. Громче всех возмущалась мадам де Монтеспан:

— Какое бесстыдство! Конечно, печаль Ее Величества понятна. Да если бы мне пришлось, не дай бог, конечно, стать возлюбленной короля, разве я посмела бы предстать перед королевой!

Никто не понял еще, было ли появление де Ла Вальер исполнением желания короля, или она прибыла сюда по собственной инициативе.

Все отправились в церковь. Когда Мария-Терезия подошла к местам королевской семья, мадемуазель де Ла Вальер была уже там. Королева делала вид, что не замечает ее. Фаворитка как будто специально показывалась перед ней, но королева не произнесла ни слова и ее адрес. Однако терпению ее пришел конец, и она приказала слугам не кормить герцогиню, а офицерам охраны велела задержать ее экипаж, чтобы успеть присоединиться к королю раньше фаворитки.

Де Ла Вальер, поняв маневр королевы, решила пересечь открытое поле и первой приблизиться к королю.

Королева, в свою очередь, хотела послать охрану и все-таки задержать герцогиню, но дамы из свиты уговорили Ее Величество отменить необдуманный приказ и вообще делать вид, что она выше всего происходящего.

Ясность в создавшееся положение внесло появление короля, который был весел и предупредителен к королеве. Он извинился, что в таком виде не может сесть в карету Ее Величества, так как ехал по бездорожью, и весь его костюм в грязи.

Стало ясно, что король тут не при чем, что де Ла Вальер прибыла сюда без его приглашения, что опять вызвало бурное обсуждение, поскольку она имела репутацию робкой и застенчивой женщины. На самом деле все объяснялось очень просто. Оставшись в Версале одна, мадемуазель де Ла Вальер вдруг осознала, что щедрые подарки короля означают для нее отставку, и бросилась на север, к месту боев. Больше всего ее волновало, что король мог завести новую любовницу.

В маленьком городишке, куда прибыл весь двор, было всего четыре каменных дома.

Анжелика вместе со служанками искала какой-нибудь подходящий для ночлега приют и тут столкнулась с принцессой, тоже искавшей жилья.

— Ах, как это ужасно! Мадам де Монтеспан нашла лишь ворох соломы, а фрейлины королевы расположились где-то на голубятне.

Анжелика отыскала амбар, в нем было сено, она поднялась по лестнице, освещая себе путь фонарем. И тут увидела негритенка Наамана.

— Что ты делаешь здесь, дьяволенок?

— Сторожу постель мадам де Монтеспан.

Мальчик показал на сено, а в это время появилась Атенаис.

— О, Анжелика, как хорошо, что и вы здесь. Мы, пожалуй, даже сыграем в пике перед сном.

Она упала на мягкое сено, расслабленно и с удовольствием потянулась.

— Здесь очень мило, и это напоминает мне детство. Неподалеку от нашей голубятни стоял амбар с сеном, где я встречалась со своим дружком-пастушком. Нам нравилось воркование голубей.

Она расстегнула корсет, скинула верхнюю юбку, сняла чулки. Анжелика сделала то же самое. Они зарылись в сено.

— От пастушка — к королю, вот это карьера, — тихо сказала Атенаис.
— Как вы думаете, что ждет меня? Ведь любовь короля — большое счастье.

— Вы так уверены в его любви? Еще совсем недавно у вас были другие мысли.

— Но он доказал мне, что любит меня, и только меня — вчера ночью мы были вместе. Когда он одарил де Ла Вальер кое-какими пустяками и оставил ее в Версале, все уже стало понятным.

— Вы называете пустяками баронство и герцогство?

— Ну, это могло показаться знаками внимания только самой Ла Вальер — потому она и примчалась сюда. Как это глупо! Такие уловки действуют только на горничных и актрис. Я бы так просто не попала, да со мной он и не посмеет поступить подобным образом. Все-таки я по происхождению — де Мортемар.

— Атенаис, неужели вы и в самом деле — любовница короля, и вас не пугает это?

— Анжелика, если бы вы представили себе, каков он в постели! — продолжала откровенничать мадам де Монтеспан, не слушая ее. — И какое счастье ощущать свою власть над ним — ведь он полон достоинства и величия. А тут — дрожит, бледнеет, шепчет признания...

В этот момент Анжелика не выдержала, глаза ее блеснули, тон был

ироничным:

— Послушайте, весь Париж гадает и ломает голову — кто же новая фаворитка Его Величества? Уже связали в сплетнях мое имя с этими делами. А я узнаю, что вы — его возлюбленная, без всяких усилий, не спросив вас ни о чем.

Мадам де Монтеспан, казалось, опомнилась.

— Анжелика, дорогая, вы можете оказать нам большую услугу. Не говорите никому ни о чем — об этом просим вас мы оба — и я, и король. Конечно, сплетням про вас Его Величество способствовал сам, да и королева с вами холодна. Это сбивает всех с толку и отвлекает внимание от нас. Вы просто должны молчать, дорогая. Вы и сами все поняли. Вот уж не думала...

Анжелика молчала, покусывая соломинку. Она оказалась втянутой в очень сложную интригу; другая бы на ее месте извлекла из создавшегося положения немало выгод. Сам король обязан ей! Первая дама королевства — в недалеком будущем — обязана ей! Только за то, что она будет молчать, и своим молчанием поспособствует роману мадам де Монтеспан и короля.

Анжелика отбросила соломинку. Она вдруг почувствовала себя оскорбленной. Ею хотят играть как куклой, дергая за ниточки и добиваясь желаемого результата. Не выйдет! Пусть любят друг друга, если любят, но ее пусть оставят в покое. Она не позволит трепать свое имя... имя Филиппа.

Мадам де Монтеспан уже спала. Она наслаждалась теплом, покоем, мягким сеном. Раздражение же Анжелики росло. Влюбленная пара посчитала ее лишенной воли и разума, отведя ей роль прикрытия. О, не просчитались ли они? Не переоценил ли король свою власть над одной из подданных?

На рассвете Анжелика пробиралась к дому, где рассчитывала найти мадемуазель де Монпансье. На скамье у дома она увидела дрожащую от холода мадемуазель де Ла Вальер вместе со служанками и племянницей.

Подняв на Анжелику глаза, она вздрогнула, как бы очнувшись:

— Где король? Я должна повидать его перед отъездом. Где он?

— Мне это неизвестно, сударыня, — Анжелика взяла ее руки в свои — тонкие, холодные как ледышки. — Я не видела короля уже давно, клянусь вам, я не знаю, где он. А вам надо согреться.

Ее племянница робко сказала:

— Я говорю ей то же самое, но она никуда не хочет идти.

— Где король? — уже со слезами спросила мадемуазель де Ла Вальер.

— Вы-то знаете, мадам, я уверена!

— Мадемуазель, ждать здесь короля, — занятие глупое и опасное. Вы простудитесь насмерть. И кроме того, король увидит перед собой дрожащую тень с воспаленными глазами. Ведь это-то не входит в ваши планы?

Анжелика помогла фаворитке добраться до дома, где та остановилась, приказала затопить камин, положила грелки в постель. Затем уложила Луизу, накрыла ее одеялом. Фаворитка была худа — недаром злые языки шептали! «Мощи!» — и беременна на шестом месяце. Живот выпирал — это был пятый ребенок в двадцать три года Луизы де Ла Вальер.

— Вы так добры ко мне, а я слышала...

— Меньше надо слушать, герцогиня. Защититься от злых языков нельзя — здесь мы с вами в одинаковом положении:

И подумала про себя: «Но я не так глупа, и не позволю использовать себя в качестве ширмы».

Желая утешить герцогиню, она шепнула:

— Спите! Король любит вас. Титулы, подарки — разве это не доказывает его любовь?

Луиза покачала головой.

— Нет, сударыня.

— А ваша дочь? Он дал ей имя и признал своей перед всем светом!

И тут герцогиня расплакалась совсем безутешно — она всегда скрывала рождение своих незаконных детей, а тут король, не посоветовавшись с ней, признал их маленькую дочь. И ходят слухи, что маркиз де Вард возвращается из ссылки — этот хам, этот наглец — специально, чтобы жениться на новоиспеченной герцогине.

Утешения не могли помочь — они запоздали. Понимая это, Анжелика молчала и просто держала герцогиню за руку, пока та не уснула.

Военные действия шли успешно — как карточные домики падали вражеские укрепления. Людовик часто бывал на передовой, у крепости Дуэ под ним убили лошадь. Своим безрассудством он приводил в отчаяние придворных. Когда снаряд разорвался поблизости от него и камзол Его Величества был забрызган грязью, маршал Журень заявил, что снимет осаду, если король будет вести себя как простой солдат.

Маркиз дю Плесси-Бельер предложил:

— Сир, я предлагаю поменяться шляпами. Тогда они будут целиться в меня.

После этого Филиппу была пожалована лента ордена Святого

Людовика.

Как-то за ужином король увидел Анжелику. Поскольку во все время военных действий он ни разу не разговаривал с ней, то решил загладить свое невнимание и обратился к ней весьма любезно:

— Мадам, что говорят в Париже по поводу вашего отъезда?

— Там сейчас больше обращаются к богу, сир.

— А какие новости в столице?

— Созрел зеленый горошек, сир.

Ответ Анжелики мог сойти за шутку, если бы не ледяной тон. Король опешил, и, не будучи человеком остроумным, не смог парировать ее слова; продолжая молча есть, он весь покраснел. Заговорила мадам де Монтеспан: сейчас очень модны абсурдные разговоры, объяснила она, когда на простые вопросы даются самые неожиданные ответы. Мадам дю Плесси-Бельер чрезвычайно искушена в искусстве ведения такой беседы, настоящая жеманница, подобная дамам при дворе Людовика XIII.

Замешательство было минутным, всех увлекла новая тема, и ужин прошел вполне приятно.

На следующее утро к Анжелике во время туалета явился маршал дю Плесси-Бельер.

— О вас ходят дурные слухи, сударыня. Вы нуждаетесь в уроке хорошего тона, возможно, даже в наказании.

— В чем же моя вина?

— Вы непочтительно вели себя с королем во время ужина.

— И только-то! — Анжелика, продолжая туалет, вытаскивала ленточку из позолоченного ларца. — Вы могли услышать обо мне гораздо более неприятные вещи, задевающие ваше самолюбие.

— Да, теперь я понимаю, что вам нельзя предоставлять ни капли свободы. Мне придется снова взяться за хлыст!

Он возбуждался все больше, нервно вышагивая взад и вперед.

У Анжелики самообладание тоже было на исходе. Она громко хлопнула крышкой ларца и дрожащими руками стала закалывать волосы. Злорадно улыбаясь, Филипп наблюдал за ней. Анжелика выпалила в гнев:

— Для вас женщина ничего не значит. Она нужна вам лишь для того, чтобы в муках рожать детей.

— Вы правы, я всегда так думал и не отказываюсь от своих взглядов. Но ваше тело сулит мне несколько приятных мгновений, а вы опять напрашиваетесь на наказание!

Он схватил ее голову и крепко сжал в руках. Она царапалась, пытаясь

вырваться. Еще более возбуждись, он поднял ее и бросил на солому.

— Отпустите меня! — сопротивляясь изо всех сил, Анжелика укусила его руку.

Филипп разозлился.

— Что вы вообразили себе, что я должен спрашивать у вас разрешения? Знатная дама! Да от вас до сих пор разит вашим фамильным капустным супом!

Он занес уже руку для удара, но вдруг Анжелика перестала сопротивляться, решив выполнить долг жены, которая с удовольствием подчиняется мужчине.

Уловив перемену в ее поведении, Филипп испугался, что причинил ей боль сильнее, чем хотел бы. Что означает ее реакция? Он почувствовал прилив какого-то блаженного расслабления, руки-ноги стали тяжелыми, а голова — легкой. Ему захотелось вытянуться и лежать на этой мягкой куче соломы, может быть, даже уснуть... Ему незнакомы были подобные ощущения. Сквозь полуопущенные ресницы он видел как Анжелика одевается. В разлохмаченных локонах торчали соломинки. Ему захотелось дунуть на них, и он с трудом сдержался.

— На этот раз мои объятия как будто не показались вам наказанием, — только и сказал он.

— Считайте, что они были мне наградой, — без улыбки сказала Анжелика.

Он ушел от нее с ощущением, что опять последнее слово стало за ней.

Глава 13

Стояла ужасная жара. Анжелика вместе с мадам де Лудр и мадам де Шуази пришли в ту часть парка в Версале, где было больше тени и работали фонтаны. Здесь они встретили де Вивонна,

— Сударыня, — обратился он к Анжелике. — Я хочу поговорить с вами не как с очаровательной женщиной, а как с любящей матерью. Что вы ответите, если я предложу Кантору место в своей свите? Я еду на Крит.

— Но Кантор еще мал, какая может быть польза от ребенка?

— Разве во всем надо видеть пользу? Он так замечательно поет и играет на гитаре, что мне хочется видеть его рядом во время похода.

— Какого похода?

— Ведь я сообщил вам, что отправляюсь на Крит. Король назначил меня адмиралом флота и посылает в Средиземное море воевать с турками.

— Но это очень далеко!

— Ну и что? Ведь у вас на Крите тоже есть поместья. Пусть ваш сын их увидит!

Анжелика обещала подумать. Она не любила принимать скоропалительных решений, если была возможность повременить с ответом.

Мадам де Шуази, которая всегда давала ей дельные советы, рекомендовала согласиться на предложение де Вивонна, ведь став адмиралом, он оказался в одном ряду с самыми влиятельными людьми в королевстве.

А мадам де Лудр с ехидством добавила:

— Король все более благосклонен к нему, ведь ему надо завоевать расположение сестры де Вивонна.

— Вы так рассуждаете, как будто мадам де Монтеспан уже любовница короля, — заметила мадам де Шуази.

— Трудно сказать определенно — ведь мадам де Монтеспан не будет афишировать свои отношения с Его Величеством. Она такая скрытная, а муж у нее такой ревнивый. Если он что-нибудь узнает, то затеет скандал, несмотря на то, что его соперник — король.

— Он вырядился во все черное и заказал траурный экипаж, — сказала мадам де Шуази. — А когда король спросил, к кому относится его траур, он дерзко ответил: «К законной супруге, сир!»

— А к герцогу Орлеанскому на вечеринку он явился без парика, —

подхватила мадам де Лудр, — и сказал, что никакой парик не удержится на наставленных ему рогах!

Мадам де Лудр с Анжеликой расхохотались.

— Вы смеетесь,— оскорбленно сказала мадам де Шуази, — а при дворе подобные шутки неуместны. Мужу мадам де Монтеспан может грозить Бастилия.

— Там он станет паинькой! — продолжала смеяться Анжелика.

— Мадам, не будьте циничной] — добродетельной мадам де Шуази явно был неприятен тон разговора, да и тема казалась несколько скользкой. Анжелика стала серьезной.

— Поскольку мне кое-что известно, — сказала она уже без смеха, — я хочу, чтобы вам тоже стала ясна правда о мадам де Монтеспан. Сейчас ходят нелепые слухи о короле и обо мне — так они абсолютно необоснованны.

— А я считала, что вы давно заняли место мадемуазель де Ла Вальер, — разочарованно промолвила мадам де Шуази.

Она как будто жалела, что ее подозрения не оправдались.

Они подошли к дороге, которая вела во дворец. Здесь рабочие и слуги развешивали на деревьях фонари. Шла подготовки к празднику.

Король решил торжественно отметить победы во Фландрии и во Франш-Комте, которыми восторгались в Европе.

Появление короля в большом зале, одетого не более празднично, чем всегда, но выглядевшего великолепно, означало открытие праздника. Королева, шедшая рука об руку с королем, светилась от счастья. И хотя досужие сплетники пытались угадать новую фаворитку, Ее Величество чувствовала себя спокойной.

Мадемуазель де Ла Вальер выглядела расстроенной, а мадам де Монтеспан была беспечна и весела. Мадам дю Плесси-Бельер казалась еще более красивой, чем всегда, и это вес отметили.

Их Величества прошествовали к фонтану Дракона, за ними следовал весь двор. Версальский парк, освещенный фонарями самых разных цветов, напоминал фантастический, нереальный лес. Скульптурные группы животных из басен Эзопа казались живыми и вызывали всеобщее восхищение.

Когда вся компания подошла к летнему домику, сказка продолжалась. На одном из пяти мраморных столов, накрытых для угощения, возвышалась марципановая гора, в пещерах которой «прятались» холодные закуски. Придворные дамы и кавалеры веселились как дети. Вдруг

вспыхнули тысячи огней прямо в зарослях деревьев, и на лужайку, кружась в танце, выбежали пастушки и пастушки, а сатиры увлекли за собой всех придворных в театр.

Анжелика, не дождавшись окончания представления, спустилась в сад. Постояв немного у фонтана, она увидела подошедшего к ней мужчину, который очень галантно поклонился. Когда он выпрямился, она узнала Филиппа. Давно уже она не видела мужа, он был в армии — и Анжелика изредка посылала ему записочки о сыне и о дворе, ни разу не получив ответа.

Приветливо улыбаясь, он промолвил:

— Добрый вечер, Баронесса Унылого Платья!

— Филипп, да здесь одних драгоценностей на десять тысяч ливров!

— А есть ли среди них тот голубой бантик, что был на корсаже с белым воротничком?

— А вы помните его?

— Да. Конечно. Он был на девочке, так непохожей на других. Ее рука трепетала в моей, и это было новое для меня ощущение. Но я высмеял ее, при всех назвал Баронессой Унылого Платья, и она убежала. Она и в самом деле была одета бедно, ее отец был на грани разорения и не мог справиться дочери платье для ее первого бала. Я искал ее по всему замку, но нигде не нашел.

Анжелика очень хорошо помнила ночь, о которой он говорил, и, не зная, что сказать в ответ, протянула ему руку, и он поцеловал ее.

— Я считала, что вы в армии.

— Король приказал мне присутствовать на празднике, вероятно, в качестве украшения.

Его Величество действительно считал, что свита должна состоять из самых красивых дам и кавалеров,

— Вы совсем вернулись?

— Нет, я отправлюсь обратно.

— А мои письма вы получали?

— Вероятно, да.

— Но вы их не читали?

— В армии есть более важные дела, чем чтение писем.

— О, вы не изменились!

Филипп взял ее руку и стал целовать кожу от запястья к локтю.

— О, эти женщины! — бормотал он. — Все выставлено напоказ и ни до чего не доберешься: алмазы царапаются, а корсет не пускает. Это у вас называется добродетелью...

— Ах, Филипп, что с вами случилось?

— Прекрасная Нинон всегда наставляла меня: «Появляйтесь и исчезайте, не раскрывая рта, — и будете неотразимы». С вами я заговорил однажды — и вот к чему это привело.

Засмеявшись, он взял ее за руку и помог спуститься со ступеней.

Яблони окружали дорожку, Филипп сорвал яблоко:

— Хотите?

Она протянула руку, но взять не успела. Он швырнул яблоко в темноту.

— В ту ночь я тоже бегал по замку с яблоком в руках. Мне хотелось найти ту девочку и утешить ее. К черту прошлое! Не будем его будить. Сейчас закончится представление, и мы должны будем присоединиться к свите.

Действительно, из театра повалила шумная толпа, разделившая их. Все направились к ярко освещенному зданию дворца. В вестибюле с потолка свисали гирлянды цветов, блестели серебряные нити, горели сотни ламп. Подоспело время ужина.

Когда король занял свое место, придворные стали рассаживаться за столами в соответствии с положением, которое они занимали. Место Анжелики оказалось рядом с мадемуазель де Монпансье, этот стол был сервирован на сорок персон. С удивлением увидела Анжелика среди дам, сидящих здесь, мадам Скаррон. Она вспомнила, как та тщетно добивалась пенсии или какой-либо помощи от короля. И вот она за королевским ужином!

— Франсуаза, добрый вечер. Как ваши успехи?

— Я рада вам, моя дорогая. Вы видите, я до сих пор не могу поверить в свою звезду. От неудач я даже собиралась покинуть Францию.

— Разве вы не вышли замуж за месье Корнея?

— О, не надо о нем вспоминать, я ему отказала. К чему богатство, когда он так ужасен! Нет, мне оказала истинную помощь — не на словах, а на деле — мадам де Монтеспан. Раньше мы были подругами. По ее совету я написала королю еще одно письмо, с просьбой о небольшой пенсии, которая обеспечит мне достойное существование. И Атенаис замолвила за меня словечко. Король удостоил меня чести говорить с ним, даже объяснил, что я долго ждала, потому что он испытывал зависть к моим приятелям. А сейчас решил быть в числе тех, кто оказывает мне помощь.

Во время этой длинной исповеди мимо прошла мадам де Монтеспан. Улыбнувшись, она дотронулась до руки мадам Скаррон:

— У вас все хорошо?

— Атенаис, дорогая, как я вам благодарна!

После ужина все перешли в мраморный дворец, где тотчас же начались танцы. Король открыл бал с Генриеттой Английской.

Анжелика танцевала как-то машинально, не обращая внимания на партнеров. Но прикосновение короля она почувствовала сразу. Встретив его взгляд, она наклонила голову.

— Неужели вы сердитесь на меня? — шепотом спросил король.

— Что вы, сир! Разве можно так говорить на этом великолепном празднике! Или вы испытываете по отношению ко мне совсем недружеские чувства?

— Я опасаюсь, что вы снова осмеете меня.

Когда они встретились в следующем туре танца, Анжелика поняла, что разговор не окончен, и король ждет ее ответа.

— Вашему Величеству не подходят такие слова, как «опасаюсь» и «боюсь».

— Я не боюсь войны, но страшусь ваших насмешек. После танца к Анжелике подошел паж и передал от имени короля просьбу следовать за ним. Они направились в сад, где в тени деревьев ее поджидал король.

— Ну что ж, возможно вы правы, — шутливо промолвил он, — и мне не пристало бояться. Ваша красота вернула мне храбрость, я хочу помириться с вами.

— Ваше Величество, но время совсем не подходящее; вас сейчас начнут разыскивать, — и Анжелика сделала глубокий реверанс.

Она прекрасно понимала, в чем дело: мадам де Монтеспан не отказалась от мысли использовать ее в качестве прикрытия.

— Вы не можете отказаться от моей благодарности, — сказал король, беря ее руку в свою. — Нет-нет, вы меня не так поняли. Кольбер считает, что многими своими успехами он обязан вам — это были ваши идеи, и вы образцово ведете свои дела...

— Ваше Величество, — сказала Анжелика, — за то или за другое одинаково не надо благодарности. Мадам де Монтеспан я покрывать не буду, а образцовое ведение моих дел уже само по себе служит для меня наградой.

Король смотрел на нее с улыбкой.

— Разве принадлежать королю — бесчестье для дамы?

— Я не принадлежу вам, сир.

— Если только в этом дело, мадам, — король схватил ее и притянул к себе, — то я жажду обладать вами!

Анжелика отшатнулась.

— Да! — продолжал король. — Мадам де Монтеспан сама указала на вас. Не потому, что вы глупее или покорнее других, а потому, что только вы красивее ее — она признала это. Это видят и другие. Вашему участию в этой истории поверят. В этом и был расчет мадам де Монтеспан.

Анжелика молчала.

— Я мог бы сказать, что вы одна стоите в ряду таких женщин, как Диана де Пуатье и Габриэль д'Эстре. Это бы вас утешило больше?

Обе названные дамы были любовницами королей: одна — Генриха II, другая — Генриха IV. Они не только были красивы, но и слыли некоронованными королевами Франции. Это было очень лестное сравнение.

Но Анжелика упрямо стояла на своем:

— Я не нуждаюсь в утешении, сир.

Король поцеловал ей руку.

— Мы с вами друзья, не так ли?

— Может быть.

— Я не теряю надежду...

Глава 14

В памяти Анжелики от пышного праздника запечатлелись две краткие, но романтические прогулки — сначала с Филиппом, потом с королем. И даже на следующее утро в глазах ее, казалось, отражались огни фейерверка в ночном парке Версаля. Приятные, но беспорядочные мысли вдруг прервались — она подумала о Канторе и предложении де Вивонна. Это было дело, требующее решения.

Поднявшись с софы и наскоро приведя себя в порядок без помощи служанок, Анжелика направилась в покои Филиппа. Она никогда не была здесь и поэтому задержалась на секунду перед дубовыми дверями. На ее стук слуга открыл дверь. Филиппа она застала за туалетом, он примерял драгоценности, которые намеревался надеть вечером в Сен-Жермен. Анжелика тоже была приглашена к королевскому ужину. Но это будет вечером. А сейчас надо поговорить о Канторе. Наблюдая за Филиппом, она произнесла:

— Месье де Вивонн предложил мне отдать Кантора в его свиту.

Продолжая рыться в ларце, снимая одни кольца и надевая другие, Филипп ответил:

— Поздравляю вас! Де Вивонна благосклонно принимают во дворе, а пока его сестра пользуется успехом у короля, он может продолжать подниматься к вершинам карьеры.

— Но Вивонн должен отправиться в Средиземное море, а Кантор еще совсем ребенок.

— Кто, Кантор? Да, но он сам хочет ехать с господином Вивонном. Естественно, де Вивонн будет баловать его.

— Мне кажется, он познакомит там Кантора с теми сторонами жизни, которые могут плохо повлиять на мальчика.

— Вашему сыну предлагают сделать карьеру, а вы выдвигаете против доводы, которые усвоили на кухне во время своего босоногого детства. Это все пустое.

— Пустое?

— Меня отец отослал в Париж двенадцати лет. Я умел кланяться, фехтовать, танцевать, скакать верхом, но знал я немного. Меня по два часа в день завивали, но никому и в голову не приходило спросить, не голоден ли я. Мой покровитель забавлялся со мной на свой лад. А когда я выходил от него, меня тискали и щипали горничные. Жена моего покровителя

затащила меня в постель. Ей было больше сорока лет — противная и страшная. Мой отец обо всем знал. Ну и что? Он не противился моей карьере. Все так начинают. А я был даже рад, когда меня звали в натопленные и надушенные покои из моей холодной сырой комнаты — все-таки развлечение и спасение от скуки.

Филипп усмехнулся.

— Взгляните, — он протянул ей руку. — Как играют камни.

— Да, — сказала Анжелика. Она не могла представить своего Кантора игрушкой господина Вивонна. И одновременно словно видела Филиппа мальчиком — в нетопленной комнате, тоскующего по дому.

Вздохнув, Филипп снял кольца, положил их обратно в ларец, вызвал лакея и приказал ему позвать Кантора. Мальчик пришел быстро, он только что вернулся с урока верховой езды, выглядел раскрасневшимся и несколько возбужденным.

— Сударь, — шутливым тоном обратился к нему Филипп, — не на войну ли вы собрались?

На лице Кантора появилось выражение детского счастья, скрывать которое он и не пытался.

— О, так господин де Вивонн и вам сказал о том, что мы задумали?

— Вам нравятся его планы? — продолжал расспросы Филипп.

— Конечно! Война с турками! Я мечтаю сразиться с ними!

— Не так резво, мой мальчик. Война — это не исполнение песенок про любовь.

— Но я хочу поехать с де Вивонном не за тем, чтобы петь. Я хочу в море! Я хочу путешествовать! — мальчик был полон решимости.

Филипп прикоснулся рукой к голове Кантора и уже вполне серьезно сказал:

— Мы с твоей мамой посоветуемся и решим, как быть. Не часто таким мальчикам, как ты, выпадает удача попасть на войну. Надо быть храбрым.

— Я храбрый!

— Мы в этом убедимся, я верю. Сейчас ты можешь идти, мы сообщим тебе о своем решении.

Кантор, поклонившись, вышел. Филипп взял шляпу, поцеловал руку Анжелике.

— С де Вивонном я повидаюсь и уточню его планы. А сейчас я должен с вами проститься до вечера. Меня ждет король.

Анжелика отправилась осматривать дом. Скоро в отеле дю Плесси-Бельер должны были принимать короля и все высшее общество.

Она была в большой зале, когда вошел Филипп.

— Я волнуюсь, Филипп. Здесь придется принимать гостей, а дом выглядит таким старомодным!

— Старомодным? Перестройка ваших комнат стоила мне кучу денег. Я продал своих скаковых лошадей!

— Ради меня?

— А ради кого же еще? Вы моя жена, пусть против моей воли, но жена — перед богом и людьми!

— Но вы же никогда не звали меня сюда.

— Мадам, после того, что произошло в Плесси, вы должны были ответить мне отказом. Я был очень пьян тогда... да, признаю... и мне лучше было выйти сразиться с целым полком, чем увидеться с вами наутро.

— И поэтому вы уехали?

— Я трясся в карете и проклинал себя. А вскоре вы появились в Версале. Где бы вы ни появились, все взоры устремляются на вас. Кто устоит перед вами? У вас дети от другого... их-то вы любите! Боже мой, когда я увидел вашу лошадь в Фонтенбло, с оборванным поводом... волки...

Он схватил ее и притянул к себе, сжал так, что чуть не переломил.

— И вы любили Лозена!

— Нет!

— Вы спали с ним! Я видел — вы обнимали его!

— Это он обнимал меня. Он говорил со мной ласково, а мне было больно тогда и, может быть, хотелось отомстить...

— Отомстить? Но, скорее, я должен был мстить вам!

— Я же просила у вас прощения!

Он чуть ослабил хватку и сказал насмешливо:

— Тут вы как все женщины — выпросила прощение и считает, что все забыто!

— А разве нет?

Она рассмеялась и положила голову на плечо Филиппа. Он смотрел ей в глаза.

— Мне казалось, что наши встречи рождают в вас только ненависть ко мне. Я ошибся? А может быть, вас угнетает мое безразличие?

Анжелика вновь рассмеялась. Она видела, как нарастает в нем желание и как он пытается бороться с этим чувством. Что-то подсказывало ей, что он все-таки не устоит.

— Вы очаровательны, — повторил он, поцеловав ее шею, — вы совершенны, а я солдафон, я просто груб.

— Не говорите так, Филипп, это неправда, — в голосе Анжелики

чувствовалась непритворная нежность. — Вы можете быть жестоким, даже бесчеловечным, но не грубым. Мне кажется, вы способны сделать женщину счастливой, но у меня не было возможности узнать нас как любовника.

— Другие женщины говорили то же. Может быть, им всем кажется, что если у мужчины внешность Аполлона, то и в любви он подобен богу.

Пальцы Филиппа судорожно искали застежку на ее корсете.

— Филипп, вы как будто никогда не раздевали женщин! Не ломайте алмазную отделку.

— К черту предосторожности! Достаточно задрать юбку — и все дела. Она дотронулась пальцем до его губ.

— Филипп, милый, не пытайтесь быть грубее, чем вы есть. Так вы никогда не узнаете, что такое — наслаждение в любви!

— Так преподайте мне урок, я на все согласен ради вас! — в его голосе чувствовалась горечь.

Он осторожно положил ее на пушистый ковер.

— Как, Филипп, прямо здесь?

— Ну и что же в этом особенного? Солдатом я был, солдатом и останусь. Я в своем доме, вы моя жена, почему же я не могу обладать вами здесь и сейчас?

— А вдруг сюда войдут?

— Тем хуже для них. Я хочу вас, я вижу, что вы хотите тоже, ведь глаза у вас блестят и губы открыты. Маленькая кузина, сейчас нам предстоит более интересная игра, чем в нашей юности.

И Анжелика застонала, отдаваясь зову плоти; сопротивляться было уже бессмысленно, она прикрыла глаза. Филипп как будто изучал ее — все в ее поведении было необычным. Привыкнув к неповиновению, к выражению сопротивления, он видел женщину, готовую отдаться его ласкам не из страха, не из-под палки, а трепещущую от его прикосновений. Оказывается, в женщине скрыты такие тайны, которые еще предстоит познать. Он ласково целовал ее шею, грудь, легкими прикосновениями гладил все тело — и открывал не только жену, но и себя.

Голос плоти был все сильнее, его чувственность нарастала, но вместе с ней нарастало и восхищение. Он шел к цели, которая не пыталась ускользнуть от него. Где же та женщина, которая унижала его, презирала и которую он, казалось, ненавидел? Она исчезла, растворилась, и в его объятиях возникла новая женщина. Анжелику пронзила дрожь, ее тело напряглось, выгнулось — и ослабло.

— Филипп! — позвала она его со стоном.

Он ощутил себя победителем — наконец-то! Но не злорадство, а огромную благодарность испытывал он к этой женщине, давшей ему и наслаждение, и — теперь он знал, что называют этим словом — счастье.

Ей тоже не верилось, что она пережила с ним сейчас такой восторг и такую страсть. Да полно, он ли это?

— Филипп!

Он поднял голосу — и она поняла, что не ошиблась. Слова были не нужны.

В этот момент случилось то, что она предсказывала — вошли посетители. Это были Лувуа и его отец Мишель де Телье. Лувуа покраснел, а старик криво усмехнулся, и оба удалились.

Естественно, промолчать о таком событии было свыше сил Лувуа. Уже на следующий день новость была на устах всех при дворе.

— Со своим мужем! Среди бела дня! Прямо на ковре!

Поклонники и друзья маркизы восприняли новость с неодобрением. Добродетель мадам де Шуази была явно оскорблена. «Среди дня!» — повторяла чопорная дама.

Тема обсуждалась и в присутствии короля, который, правда, смеялся, но не так уж весело. Мадам де Совиньи сказала Анжелике, что Его Величество задевает все, что связано с ней. И если ему доставляло удовольствие примирять ее с маркизом, то такие доказательства любви к мужу вовсе не привели короля в восторг.

Атенаис, как всегда лукаво улыбаясь, предупредила!

— Берегитесь Братства Святого Причастия!

— Но почему это Братство может меня осудить? — защищалась Анжелика. — Ведь мой муж уделил мне внимание в моем доме...

— Но есть тонкость — днем, на ковре. Такие вещи прощаются только любовникам!

Кого совсем не задевали эти шутки и насмешки, так это Филиппа. Он с таким же непроницаемым и надменным видом, как обычно, прогуливался по дворцу.

Станным показалось Анжелике другое — он стал снова холоден с нею, а когда она пыталась заговорить с ним, нагрубил. Это сказывалось на настроении маркизы, и однажды вечером, во дворце, она почувствовала острую тоску. Все были на спектакле по пьесе Мольера, и она тихонько выскользнула из зала, спустилась вниз, села в свой экипаж и отправилась в отель дю Плесси-Бельер. Слуги сообщили ей, что Филиппу приказано отправиться в армию, а сейчас он ужинает.

Когда Анжелика вошла в тускло освещенную столовую, он

разозлился:

— Почему вы не во дворце?

— Там скучно, и мне очень захотелось домой.

— Скучно! Но вы смогли хотя бы придумать какую-то причину, оправдывающую ваш поступок? Вы рискуете, сударыня. И ставите под удар не только себя, но мое имя — всех, кто будет носить его после меня! Как вы узнали о моем отъезде? И когда?

— Сейчас, от слуг. Неужели вы могли бы уехать, не попрощавшись со мной?

— Король запретил мне говорить кому бы то ни было об отъезде, и особенно вам. Ему известно, что женщины не могут хранить тайны.

И тут только Анжелика поняла, что король ревнует, и что проявления их любви с Филиппом стали причиной его поспешного удаления из Парижа.

— Я не помню случая, чтобы желая от кого-то избавиться, король посылал его на войну. Но это, безусловно, ссылка.

Филипп продолжал молча есть, как будто ее здесь не было. Закончив ужин, он решительно встал.

— Король — наш повелитель, и не нам обсуждать его приказы. Я пойду отдыхать, мне завтра придется рано встать. В мое отсутствие вы позаботитесь о себе самостоятельно. А прощаться я вам запрещаю!

Анжелика опешила:

— И это — все? Вам нечего больше мне сказать? Подойдя к ней, Филипп молча наклонился, поцеловал ей руку и вышел.

«Я ничего не понимаю!» — Анжелика расплакалась.

За окном пели соловьи, стояла прелестная ночь. И Анжелика стала вспоминать те редкие радостные минуты, которые ей довелось провести с Филиппом, и особенно тот роковой день, когда они наслаждались в объятиях друг друга.

Не желая больше сдерживаться, она надела ночную сорочку и босиком вошла в спальню Филиппа, не постучав.

Он спал, абсолютно голый, лицо его было спокойно. Анжелика смотрела на его гладкую мощную грудь, вздымавшуюся ритмично в такт дыханию. Она обратила внимание на детали, которых не замечала раньше — увидела детскую цепочку с распятием, родинку, шрамы. Он чуть шевельнулся, Анжелика, сбросив сорочку, тихонько улеглась рядом с ним. Какое теплое и сильное тело! Мягким движением она взяла его голову, положила себе на грудь. Он опять шевельнулся, прошептал во сне:

— Прекрасная моя, — и потянулся губами к ее груди. Вдруг глаза его

раскрылись, сверкнули гневно. — Что вы здесь делаете? Как вы посмели?

— Я пришла проститься, Филипп, — смиренно, почти жалобно сказала Анжелика.

— Вы обязаны ждать, когда муж захочет приласкать вас. А вы пытаетесь совратить меня! Вон отсюда!

— Филипп, позволь мне побыть с тобой последнюю ночь...

— Нет!

Она продолжала цепляться за его руки, он пытался столкнуть ее с кровати.

— Черт возьми, неужели вам разонравились все ваши любовники, раз вы так нагло лезете в мою постель?

— Филипп, я люблю только вас, пожалейте меня! Это последняя ночь...

— Как вам не стыдно! Вы ведете себя как шлюха. Где ваше достоинство?

Он начал браниться как солдат, но она принимала оскорбления как должное, ползая у него в ногах. Филипп грубо схватил ее за волосы и запрокинул голову. Она улыбнулась. Он поразился ее бесстрашию. Снова выругавшись, он притянул ее к себе. Она стала накручивать его локон на свой палец. И вновь он оттолкнул ее:

— Уходи!

И она послушалась. От неожиданности он не знал, что сделать с ней — то ли ударить, то ли обнять. Наконец он поборол свою слабость.

Какое безумие! Хорошо, что скоро он будет на поле боя и шум битвы заглушит эти сумасшедшие чувства!

Вскоре пришло время отъезда маленького Кантора. Анжелика чувствовала себя предательницей по отношению к маркизу: ведь это из-за нее король отослал его в армию. Но необходимость собирать в дорогу сына отвлекла ее от мрачных мыслей и сгладила ощущение вины.

Вот и наступил день отъезда. Анжелика старалась быть сдержанной, не показывать своих чувств. Мальчик сел в экипаж де Вивонна, в руках у него была новая гитара — подарок Анжелики. Инструмент был дорогой, изготовлен лучшими мастерами из редких пород дерева и отделан перламутром. Сам Кантор был одет в зеленый костюм с галунами и бантами, на кудрявой голове — черная бархатная шляпа.

Горько плакала Барба. Анжелика махала рукой вслед экипажу, улыбка на ее лице казалась вымученной. Что делать! Дети вырастают и покидают мать — такова жизнь.

С этого дня она внимательно следила за военными действиями на Средиземном море, все время представляя себе Кантора на палубе под жарким солнцем с любимой гитарой.

Больше внимания она стала уделять Флоримону, опасаясь, что отъезд брата может плохо на него подействовать. Но Флоримон, казалось, вовсе не переживал ни из-за успехов Кантора, ни из-за его отсутствия. Его деятельная натура постоянно требовала выхода энергии. Он с удовольствием занимался фехтованием, верховой ездой, любил чистить оружие, возиться с собаками. А вот к книгам мальчика не тянуло. Сущим наказанием казались уроки латыни.

Он был очень красив, и Анжелика любовалась сыном, удивляясь, как быстро он возмужал.

Известие о бое, происшедшем у мыса Писарро, застало Анжелику врасплох. Французский флот был атакован турками, галеры которых вел изменник — алжирец Рескатор. Два корабля из эскадры де Вивонна пошли ко дну. На одном из них находилась вся прислуга де Вивонна — лакеи, повара, секретари, мальчики из хора, оруженосец и маленький паж-гитарист.

Глава 15

Анжелика была одна со своим горем. Поверить в случившееся казалось невозможным — и приходилось верить. Как мог погибнуть ее Кантор? Барба рыдала круглые сутки — она очень любила маленького менестреля, это она первая услышала и распознала его божественный голос; она пеленала его, совсем малыша; она рассказывала ему сказки и переживала, что он поздно заговорил. Кантор, зеленоглазый маленький мальчик!

— Вы не любили его так, как я! — сказала сквозь слезы Барба, когда Анжелика попеняла ей: хватит изводить себя, слезами горю не поможешь. Анжелика обняла ее, и теперь они рыдали вдвоем — осиротевшие госпожа и служанка.

Лето кончилось, дождь моросил целыми днями. Ветер выл по ночам, ветви царапали окна. Казалось, сама природа скорбит вместе с безутешной матерью. Ничто не могло принести облегчения.

Цоканье копыт по мостовой заставило Анжелику подойти к окну. Неужели Филипп? Нет, не надо мечтать о невозможном: Филипп в армии, там же, где и король. И там идут военные действия.

Но показался второй всадник, и Анжелика узнала гигантскую фигуру Ла Виолетта. Значит, первым был действительно Филипп...

Раздались шаги в зале, и он вошел, мокрый от дождя, забрызганный грязью.

— Вы совсем промокли, — тихо произнесла Анжелика. — Да, скакать весь день пришлось под дождем.

Она позвонила и приказала подать горячий ужин.

— Почему вы не предупредили меня о вашем возвращении? Ваши комнаты еще не готовы, я не ожидала вас, думала, что все успеем.

Казалось, он не слушал ее.

— Я знаю, что ваш сын погиб.

Он стоял так же прямо, глядя ей в лицо.

— Он мечтал о море, и его мечта сбылась. Это море голубое и бескрайнее, поверьте мне. В нем отражается такое же бескрайнее небо. Для маленького певца — это достойное место погребения.

Анжелика не выдержала и разрыдалась. Филипп погладил ее волосы.

— Вы опасались, что в походе его развратят. Он остался чистым и непорочным. Это судьба. Он умел радоваться, и у него была любящая мать.

— Но я так мало внимания уделяла ему, — продолжала всхлипывать Анжелика.

— Вы подарили ему главное — уверенность в том, что его любят.

Анжелика начала успокаиваться, и к ней как будто вернулась способность мыслить.

— Филипп! — она опомнилась. — Но ведь вы уехали из армии не ради выражения соболезнования мне?

— Вы правы, ради вас я совершил не только эту глупость. Я хочу сделать вам подарок.

Вынув из кармана старую кожаную сумочку, он достал из нее золотую цепь, к которой были прикованы три диска из червонного золота. На дисках сверкали два крупных неограненных рубина и огромный изумруд. Обработка ожерелья была очень грубой. Было видно, что ему несколько веков, и его носили многие поколения женщин.

— Это фамильная ценность рода дю Плесси-Бельер. Украшение носят на груди, оно придает мужество женщине. Мать, не пожалевшая жизни сына во имя Франции, достойна носить его.

Он торжественно повесил украшение на шею Анжелики. Вид при этом у него был такой, как будто он награждал ее орденом.

— Филипп, вы забыли о нашем споре тогда, в Версале? — изумлению Анжелики не было предела.

— Я ничего не забыл. Вы выиграли тот спор, сударыня.

Филипп снова погладил ее по голове и поцеловал в затылок. Она замерла. Он взял в руки ее голову, приподнял, заглянул в ее глаза. Глаза были заплаканы.

— Ну-ну, плакать не надо, — он привлек ее к себе, продолжая поглаживать волосы. — Я приехал не для того, чтобы вы проливали слезы, мне хочется осушить их. Вы самая прекрасная женщина, вы великая женщина!

Анжелику захлестнули нежность и признательность;

— Вы поэт, Филипп! Разве могла я ожидать, что вы будете так любить меня? А это ожерелье...

— Да, кстати об ожерелье. В семействе дю Плесси-Бельер есть семейное предание: считается, что когда женщина его надевает, это предвещает войну или что-то в этом роде. Помните, моя мать привела с этим украшением на груди войска Пуату на сторону принца Конде. А что ждет вас? Я не знаю. Но я знаю, что вы бесстрашны.

Его голос неожиданно стал из торжественного ласковым:

— Вы не перестаете удивлять меня. Ведь я могу, рассердившись, вас

оскорбить, но вы поднимаете свою гордую голову, и оказывается, что я побежден. Ваши глаза преследуют меня повсюду. Когда я увидел, как вы улыбаетесь в ответ на разгневанные слова Его Величества, я понял, что мне никогда вас не победить. Я горжусь, что у меня такая жена.

Он начал целовать ее так робко, как будто никогда этого не делал. Ему самому показалось это странным, но тут Анжелика ответила ему столь же нежным поцелуем. Они, прожившие бурную, насыщенную жизнь, сейчас обменивались такими чистыми поцелуями, как молодая влюбленная пара.

Она добилась невозможного: муж любил ее. После всех обид и долгих месяцев мести он любил ее...

— Я должен уезжать, пора, — не соответствующим моменту, грубоватым тоном промолвил Филипп. — Я и так отвлекся на пустяки. А еще я хочу увидеть сына.

Нянька по просьбе Анжелики принесла Шарля-Анри. Филипп немного поиграл с ним, подкинул высоко, но ребенок оставался серьезным.

— Он редко улыбается, — сказала Анжелика, — но кажется, что шалить и бегать он будет не меньше, чем другие дети.

Филипп бережно передал ей малыша.

— Берегите его, я доверяю вам!

— Это ваш ребенок, Филипп, он мне очень дорог! Филипп вместе со слугой сели на лошадей и скрылись в сумраке под дождем. У Анжелики на руках мирно посапывал маленький Шарль-Анри.

Через несколько дней из Франш-Комте, где находились войска, к Анжелике прибыл Сент-Эньян и передал послание от короля. В письме король в самых учтивых выражениях просил ее принять глубочайшие соболезнования в связи со смертью Кантора. Это событие, писал король, заставило его принять в судьбе маркизы дю Плесси-Бельер и ее старшего сына более деятельное участие. Флоримон зачислялся в штат придворных. Но самое главное — ему была пожалована должность виночерпия. Отныне он будет служить под руководством главного управителя королевских погребов господина Дюшеса. В конце письма содержалось пожелание, чтобы молодой виночерпий немедленно приступил к своим обязанностям, и чтобы маркиза сопровождала его к месту службы. На письме стояла подпись: «Людовик».

Глядя на подпись, Анжелика закусила губу от волнения. Ей было хорошо известно, как представители знатнейших родов Франции пытаются добиться этого поста для своих сыновей, не жалея при этом денег на подкупы и взятки. Что ж, ее старшему сыну оказана большая милость! А

раз она будет с ним, это поможет ей избавиться от состояния угнетенности, которое после смерти Кантора не покидало ее. Она поехала за Флоримоном в Сен-Жермен. Естественно, ей пришлось навестить мадам де Монтеспан, с которой они давно уже не общались. И тут Анжелика немного развлеклась. Атенаис лежала в постели с расшатавшимися нервами после сцены ревности, которую устроил ей муж. Весь двор потешался над этим. Поводом для веселья послужили выкрики попугая маркизы, из которых отчетливо можно было разобрать два слова: «рогоносец» и «сифилис», да еще несколько непристойностей. Попугай их проговаривал иногда совсем отчетливо, иногда неразборчиво, но явно подражал хозяину.

Мадам де Монтеспан, казалось, сама потешалась над попугаем, но увидев Анжелику, расплакалась и призналась, что очень страдает, когда муж ревнует ее.

Анжелика решила, что лучше не сообщать Атенаис о предложении короля прибыть с Флоримоном в расположение армии. Так она и сделала.

В Табо, ближайший от боевых действий поселок, она прибыла в полночь. Гостиница, конечно, была переполнена, но им с Флоримоном, девицами Жиландон и Мальбраном, учителем фехтования, сопровождавшим Флоримона, отвели две небольшие комнаты с прихожей. Анжелика разместилась в большой комнате вместе с сестрами Жиландон, в соседнюю комнату унесли вещи Флоримона, а в прихожей остался учитель фехтования.

После ужина все стали укладываться на ночь. Девушки уснули в своей кровати очень быстро, устав с дороги. Анжелика, раздевшись, в ночной сорочке укладывала волосы, когда раздался стук в дверь. Увидев Пегилена де Лозена, она не столько удивилась, сколько возмутилась:

— Откуда вы здесь? Вы что, опять хотите доставить мне неприятности?

— Ну что вы, моя радость. У меня вполне приятные намерения. Да, а вы одна здесь?

— Нет, конечно, — и Анжелика показала на кровать, где спали девушки. — А какое вам дело до этого?

— Ну, во-первых, не сердитесь, а во-вторых, выставьте отсюда этих прелестных девиц, — он сложил ладони, поднял глаза вверх, изображая молящегося. — Здесь король.

— Где?

— Внизу, в зале.

— Де Лозен, не шутите.

— Клянусь вам, мне не до шуток.
— Вы хотите, чтобы я поверила, будто король...
— Тише! Он не хочет, чтобы его узнали.
— Я вам не верю!
— Сударыня, поторопитесь убрать отсюда девушек и убедиться, что я не лгу.

— Ну, мне решительно некуда их деть! А если король в зале, то там мы с ним и встретимся.

Выйдя из комнаты, она остолбенела — перед ней стоял мужчина в маске.

— Сударыня, — сказал он, и это был действительно голос короля, — вы правы, этот темный и пустой зал нам вполне подойдет. А Пегилен постоит на лестнице и никого сюда не впустит.

Он снял маску, улыбнулся;

— Я не мог ждать, я должен был вас увидеть!

— Сир, — склонившись в реверансе, учтиво, но решительно ответила маркиза, — меня по-прежнему не устраивает роль ширмы для вас с мадам де Монтеспан. Вы прекрасно это понимаете.

— Нет, это вы не хотите понять, что сейчас сюда я пришел ради вас. Я не могу забыть ваши губы, ваши прелестные ножки. Вы неотразимы!

— Ваше Величество, но мадам де Монтеспан не менее прекрасна, и она любит вас.

— Вы хотите сказать, что вы, в отличие от нее, меня...

И не договорив, король начал жадно целовать ее губы. Казалось, он ее загипнотизировал — она с такой же страстью отвечала на его поцелуи. Но она первая, оторвавшись от алчущих губ Его Величества, прислонилась к перегородке, вся дрожа.

— Я всю жизнь ждал этого — вот таких поцелуев, — шепот короля был страстным. — Я должен уйти, но у меня нет сил покинуть вас. Я надеюсь снова испытать это, увидеть ваши полузакрытые глаза и запрокинутую голову...

— Ваше Величество, пощадите меня. Я боюсь...

— Боитесь меня? А я считал, что доставил вам удовольствие...

— Это — принуждение, я подчиняюсь, потому что вы — король.

— А что бы вы сделали, если бы я не был королем?

— Ударила бы вас! — и Анжелика прямо взглянула ему в лицо.

Король был задет:

— Неужели как любовник я никуда не гожусь?

— Но маркиз дю Плесси-Бельер — ваш друг.

Ей показалось, что король смутился. Но тут же нашел оправдание:

— Друг, конечно, но у него одна страсть — армия, война. Я не считаю, что делаю ему плохо. Армию я ему отдал, а то, что его не интересует любовь, он доказывал неоднократно.

— А я, напротив, имею доказательства его любви ко мне.

— Неужели Венера сумела пленить Марса? Мне не верится! Хотя, впрочем, вы способны и на этот подвиг.

— Ваше Величество, не разрушайте нашу любовь, умоляю вас...

Королю было сложно выбирать между любовью и совестью, но нужно было отвечать даме. Он глубоко вздохнул:

— Я не разрушитель. Спокойной ночи, сударыня. Утром надеюсь увидеть вас с сыном в лагере.

Перед обедом Филипп ждал Анжелику у входа в королевскую палатку. Он поклонился, подал ей руку и повел к королю.

— Здравствуйтесь, Филипп, — совсем шепотом сказала Анжелика.

— Здравствуйтесь, сударыня.

— Мы увидимся вечером?

— Если я буду свободен.

Вид его был абсолютно непроницаем, но рука нежно сжимала пальцы Анжелики.

Король и придворные наблюдали за ними.

— Какая очаровательная пара, не правда ли? — обратился Его Величество к главному дворецкому,

— Вы правы, сир, они прелестны.

— И главное, преданы своему королю, — промолвил Людовик со вздохом.

Анжелика глубоко присела в реверансе, король поднял ее. Так как она была единственной дамой за королевским столом, внимание придворных было приковано к ней.

— Маркиз, вы обладаете неоценимым сокровищем. Вероятно, все присутствующие здесь завидуют вам, — король прикоснулся к руке Филиппа. — Марс, вам очень везет, но я не испытываю ревности. Ведь и для меня ваша верность — счастье. Помните наши первые битвы? А пулю, которая сбила мою шляпу?

— Я все помню, сир.

— Да, маршал, вы рисковали безумно... Нам было тогда по пятнадцать лет. И с тех пор не однажды вы забывали о собственной безопасности ради моей.

— Война может заставить нас забыть о любви, но любовь не должна заставить нас забыть о том, что мы братья по оружию, — сказал Филипп.

— Разумеется, маршал, — тут король как будто вспомнил об ужине.
— Сударыня, прошу вас.

Анжелика заняла за столом место королевы. Филипп стоял рядом с главным дворецким. Король любовался маркизой, ее профилем, ее грациозностью. А маркиза любовалась сыном — Флоримон впервые исполнял обязанности виночерпия. Король заметил ее взгляд.

— Ваш сын совсем не похож на вас — чувствуется, что он с юга.

Анжелика помрачнела. Ну как можно быть таким бестактным! Но ведь — король! Перемену в ее настроении он все-таки почувствовал:

— Сударыня, вы так чувствительны. Поверьте, я не хотел вас обидеть, и уж тем более, напоминать о чем-то неприятном.

После обеда Анжелика вместе с Филиппом пришла в его палатку. Временное жилище было обставлено и убрано в восточном стиле — кресла, турецкий столик, диванные подушки из парчи.

Ла Виолетт накрыл стол и предложил маркизу помочь снять костюм, но Филипп отослал его. А сам спросил у Анжелики, не послать ли за ее служанками? Но она только улыбнулась:

— Неужели вы не сможете помочь мне? Я всегда считала, что опыта в этом деле вам не занимать.

Она прижалась к нему.

— Вы мне рады?

— К сожалению, рад.

— Почему так?

— Я не знал, что такое ревность, я не знал этих сердечных мук. Что вы со мной сделали?!

— Филипп, но я люблю вас, только вас, причем тут ревность?

Он крепко обнял ее. Как хорошо! Но смутная тревога не оставляла Анжелику.

— Филипп, когда мы будем жить вместе? Вернетесь ли вы домой?

Он непонимающе посмотрел на нее и отстранил от себя.

— Как — вместе? Я — маршал Франции, вы — придворная дама! Как же мы можем выполнять свой долг, если будем жить вместе?

— Я не хочу быть придворной дамой. Мне так хочется вернуться в имение, оставить двор,

— Да, вы рассуждаете, как женщина. Ведь я хотел когда-то оставить вас в Плесси, но вам было легче умереть, чем подчиниться моему желанию. А сейчас время ушло.

— Почему?

— Вы — в полной зависимости от короля. Он осыпал вас милостями, и ваш отъезд вызвал бы его законное недовольство.

— Именно из-за него я хочу уехать, Филипп...

Он начал ласкать ее, она обняла его шею, тела их сплелись, его руки гладили нежную кожу Анжелики на спине, на груди, губы целовали ее тело.

— И королю нравится это же, — бормотал Филипп. — Именно моя жена не дает покоя моему королю. И вы все видите, все понимаете...

— Я боюсь, — прошептала Анжелика.

Вдруг за палаткой послышался шум, раздались голоса, зовущие:

— Маршал! Маршал!

Филипп мгновенно оказался у выхода из палатки.

— Вас вызывает король, поймали шпиона, Анжелика умоляла:

— Оставайтесь, Филипп, оставайтесь...

— Великолепно! Остаться с женщиной, когда призывает король! — Филипп рассмеялся, но увидев несчастное лицо жены, смягчился. — На войне как на войне, моя девочка. Мой долг — служить королю!

Не дождавшись мужа, Анжелика уснула. Когда она проснулась, было раннее утро. Небо было серым, моросил дождь. По ее приказу Мальбран подал ей лошадь, и она поехала к холму, где было все командование вместе с Его Величеством. Анжелика увидела осажденную крепость, французы находились на другом берегу, пехоту поддерживали пушки, установленные в три ряда. Показав на людей в походной форме, Сально объяснил Анжелике, что сейчас король объезжает свои войска, а в эту ночь ему и другим, его приближенным, не пришлось отдохнуть нисколько. Шпион, которого задержали вечером, сообщил, что сегодня враг собирается атаковать. Хотя на самом деле стреляют просто потому, что еще есть в запасе порох. Когда он кончится, над городом вывешат белый флаг. То же самое накануне говорил ей и Филипп.

В это время они увидели курьера скачущего во весь опор. Он выкрикнул:

— Маршал дю Плесси-Бельер... — но увидел Анжелику и замолчал, натянув поводья.

— Что случилось? — всполошилась Анжелика.

Курьер молчал. Но Сально потребовал довольно настойчиво:

— Отвечайте, в чем дело? Маршал ранен?

— Да, но не опасно. Король с ним. Маршал очень рисковал.

Анжелика, пришпорив лошадь, помчалась по дороге. Филипп! Она почувствовала, что должно было произойти что-то непоправимое.

Первым ей попался де Лозен, она крикнула:

— Что с Филиппом? Он ранен?

— Да. Ваш муж — герой, он сам вызвался провести разведку, чтобы узнать, не может ли ложный штурм ускорить капитуляцию.

— Он опасно ранен?

— Да.

Разговаривая, Пегилен поставил свою лошадь так, что загородил Анжелике дорогу. Почувствовав безнадежность положения, она расплакалась.

— Пустите меня к нему, я хочу его видеть, Пегилен молчал.

— Вы не имеете права, он мой муж!

Пегилен нежно, но крепко взял ее голову и прижал к своей груди.

— Вам не надо видеть этого... Ядро разорвалось почти что у него под ногами... Маркизу... оторвало голову, нашему красавцу.

Горе ее было безутешным, она рыдала, лежа на кушетке, где провела ночь — в палатке Филиппа. Ей казалось, что все это неправда, но она понимала, что не увидит его больше. Грезы, воспоминания — все слилось. Перед ее глазами он был живым — то в голубом, то в розовом! С сыном на руках... Такой молодой и такой красивый! Король называл его «Марс». Сам он сравнивал себя с Аполлоном. Бог войны и бог любви. Война отняла у нее ее любовь.

В палатку вошел главный дворецкий Его Величества.

— Сударыня, король изволил явиться, чтобы выразить вам соболезнование.

— Я никого не принимаю!

— Это король, сударыня!

— Ну и пусть! Мне никого не надо — ни короля, ни его трусливой свиты сплетников, которые сейчас обсуждают, кто из них станет маршалом!

Обескураженный, шокированный словами маркизы, Жевре вышел из палатки. Анжелика продолжала рыдать, зарывшись лицом в подушку. Неожиданно две сильные мужские руки приподняли ее и посадили на кушетку. Мужская поддержка в минуты отчаяния — единственное, что спасало ее не раз. Уверенная, что это Пегилен, она уткнулась в бархат камзола и зарыдала еще громче. Но приподняв голову, вдруг встретила взгляд короля.

Впервые Анжелика видела эти глаза такими нежными, скорбными и понимающими.

— Сударыня, прошу вас, утешьтесь. Я чувствую вашу боль, и это гнетет меня.

Анжелика встала и дрожащим голосом неуверенно произнесла:

— Ваше Величество, позвольте мне уехать в имение Плесси-Бельер.

— Хорошо, сударыня, поезжайте туда. Вам надо побыть одной, я понимаю. Вы можете отсутствовать в Париже до осени.

— Нет, сир, вы не так меня поняли. Я хочу уехать в имение навсегда. Можно мне отказаться от обязанностей при дворе?

Король покачал головой и мягко произнес:

— Вы говорите так под влиянием горя. Не спешите. Время — прекрасный лекарь. А от обязанностей при дворе я не могу вас освободить. Версаль будет ждать вас, сударыня.

По щекам Анжелики вновь покатались слезы, она молчала.

Король, не желая выглядеть жестоким и в то же время боясь потерять ее, не настаивал.

— Я надеюсь, что осенью мы увидимся в Версале, — были его последние слова.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.
КОРОЛЬ

Глава 16

Всадник галопом промчался по аллее, старой дубовой аллее, помнившей молодыми давно умерших хозяев Плесси.

Анжелика сквозь маленькое оконце своей спальни видела всадника и разобрала цвета его ливреи — цвета дома Совиньи. Набросив бархатный плащ, она сбежала по лестнице, дожидаясь, пока служанка поднимется к ней и, присев, протянет поднос с письмом от подруги.

Анжелика распорядилась, чтобы гонца накормили на кухне, и, вернувшись в свою комнату, устроилась у камина. Письмо, которое она держала в руке, было для нее окном в большой мир. Ее собственный мир ограничивался стенами замка дю Плесси и оградой старого парка, через которую по ночам пробирались волки. Ветер вторил вою волков. Листья в Ньельском лесу давно опали. Вот-вот должен был выпасть снег. Зимы в Плесси были долгими. Замок строили как летнюю резиденцию, и, хотя он отапливался, зимой в нем было холодно и сыро, и Анжелика заранее чувствовала себя погребенной под каменными сводами.

Она сломала печать и быстро пробежала глазами письмо. В основном маркиза де Совиньи описывала то привилегированное положение, которое стала занимать при дворе мадам де Монтеспан. Король не сводит с нее глаз. Красота Атенаис еще больше расцвела; король приглашает ее обедать, танцевать, охотиться... Перед глазами Анжелики возникло лицо Атенаис. Лицо женщины, которая знала, чего хочет, и добилась того, чего хотела.

Вошла Барба, ведя за руку Шарля-Анри.

— Как у вас холодно, мадам! — воскликнула она.

Да, было холодно. Огонь в камине погас, лишь угли светились,

— Я пришлю лакея, — сказала Барба. — Мальчику будет холодно у вас. Нужно снова затопить.

— Не сейчас, — сказала Анжелика. Ее вдруг охватило нетерпение. — Пусть здесь затопят, но ребенка мне не оставляй. Мне некогда, Барба. Я должна ответить маркизе.

Ребенок послушно шагнул за Барбой. Та вздохнула и вышла из комнаты.

Анжелика продолжала сидеть у камина, на нее вдруг напало оцепенение. Кому можно было бы описать это ее состояние? А если никому, то зачем вообще что-то писать? «Версаль дождется вас, мадам» —

так сказал ей король. Но помнил ли ее Версаль? Ее жизнь была так далека от того, что когда-то окружало ее в Версале! Она сама выбрала такую жизнь — в замке, где прошло детство Филиппа, такое безрадостное, и которое тем не менее было дорого ей, как и все, связанное с Филиппом. Он смотрел на эти деревья, окрашенные осенью в золото, он скакал зимой по лесным дорожкам, и морозный воздух так же обжигал его легкие. Его окружали те же потемневшие от времени гобелены... Ей хотелось плакать. Весной и летом было легче, но теперь, в преддверии зимы, вдруг стало тяжело, словно не осталось никаких сил, чтобы жить дальше.

— Мадам желает обедать в столовой или у себя?

Перед ней почтительно склонился слуга.

На этого слугу тоже смотрел когда-то Филипп.

— Конечно, у себя, — сказала Анжелика.

Она боялась и холода на лестнице, и пустоты суровой столовой, где из всей некогда большой семьи обедала она одна.

Даже ела она без аппетита. Все словно умерло в ней. Долго смотрела она в окно, потом взяла в руки зеркало. И удивилась тому, что прекрасна.

Когда отъезд в Париж был делом решенным, прискакал нарочный от господина Кольбера. Кольбер писал, что ожидается приезд иранского посла — Бактриари Бея, и что может возникнуть ситуация, когда потребуется посредничество Анжелики.

Анжелика швырнула письмо в огонь и смотрела, как оно горит. Кольбер не забыл, что она деловая женщина.

В парке Версаля лежал снег. Король совершал ежедневную прогулку, несмотря на холод. Анжелика замерзла, хотя была тепло одета. Король со свитой обходил фонтан Аполлона и увидел Анжелику.

— Это приятный сюрприз для меня, — сказал король.

Анжелика поднялась из глубокого реверанса. Король поклонился ей и обратился к принцу Конде. Анжелика присоединилась к гуляющим. С удивлением она обнаружила, что ее платье старомодно, хотя отсутствовала она не так уж долго. Теперь носили совсем другие муфты и накидки. Муфта короля была большой и пушистой, из того же меха, что и капюшон мадам де Монтеспан, и крепилась к талии золотой цепочкой. У Анжелики муфточка была маленькой, только руки спрятать, и она явственно слышала смешок и шепот: «Не больше тыквы!» Траур Анжелики совсем не подходил к праздничной атмосфере королевской прогулки. Немодную муфту тоже некуда было спрятать. Она смутилась, ей захотелось уйти.

Из всех труб к небу поднимались столбы дыма. Во дворце было почти

тепло. Стоя в толпе придворных, Анжелика разглядывала мадам де Монтеспан, сидящую за королевским столом. Атенаис была прекрасна. Ее положение сделало ее еще более оживленной и уверенной в себе — ожидалось рождение еще одного незаконного ребенка короля.

Это был день, когда простых людей допускали смотреть, как обедает их король. Простолюдины вереницей проходили по залу, во все глаза глядя на монарха и его окружение. Потом своим детям и внукам они будут рассказывать, что видели короля Франции и его любовницу — такую красивую, такую необыкновенную и такую распутную!

Не меньшего внимания удостаивался и Филипп Анжуйский, прибывший ко двору с Маленькой Мадемуазель — принцессой Марией-Терезией, которая тоже была особой крови.

После обеда Анжелика встретила с Флоримоном. Сын вытянулся, был худ — но чего ожидать, если он ел вечно наспех и кое-как! И наверное, недосыпал... Но его хвалили. Он стал настоящим придворным. Все жалели, что став королевским виночерпием, он не может больше играть с дофином.

Флоримон тоже носил траур по отчиму и брату. Увидев этот черный цвет, Анжелика вдруг отчетливо поняла, что никогда-никогда больше не увидит она в Версале самого главного ловчего — Филиппа дю Плесси-Бельер. Оказывается, в ней жила эта детская надежда — она прибудет во дворец, и он встретится ей в одном из залов или в парке. Пусть скучающий, пусть холодно скользнет по ней взглядом... Пусть хоть так!

Флоримон отошел. Анжелика готова была зарыдать. Теперь ей казалось, что лучше было остаться в замке Плесси и никогда не видеть больше знакомых лиц.

Появилась королева и села рядом с королем. Расселись также принцессы и принцы, придворные, имеющие право сидеть. Сидела мадемуазель де Ла Вальер, сидела мадам де Монтеспан...

— Господин де Жевре, — раздался голос короля. — Будьте любезны принести стул для мадам дю Плесси-Бельер.

На мгновение стало тихо. Все смотрели на Анжелику. Она присела, благодаря короля, и заняла свое место — рядом с мадемуазель де Ла Вальер.

На дверях ее апартаментов все еще виднелась надпись «Отведено для...» Розина и Жавотта хлопотали у камина. Анжелика решила переодеться, но в дверь постучали. Вошла мадемуазель де Бриенн и начала болтать.

— Все говорят, что вам помогло колдовство... Короля не так-то легко убедить в чем-то. А я очень боюсь колдунов. Неужели вам не было страшно?

— Я не была у колдунов, — рассердилась Анжелика. — Я только вчера приехала из провинции. А наш король умен и справедлив — они без помощи колдовства может определить, кто достоин милости.

— Если бы все было так просто! — зашептала мадемуазель де Бриенн. — Мадам де Монтеспан...

— Мадам де Монтеспан любому может вскружить голову, — оборвала ее Анжелика.

— А персидский посол остался равнодушен к ее чарам, — хихикнула девушка.

«Персидский посол, — подумала Анжелика. — Бактриари Бей — так называл его Кольбер». Она вспомнила пламя камина, в котором пылало сожженное письмо. Какая же помощь нужна от нее Кольберу?

— Говорят, он отказался быть принятым королем, — продолжала мадемуазель де Бриенн. — Так и вернется в свою Персию, и будет ужасный скандал.

«Надо попробовать увидеться с послом, — подумала Анжелика. — Может быть, тогда и не будет скандала...»

На следующее утро она отправилась к послу. Ее свита была внушительной, ей хотелось произвести впечатление. Рядом с ней скакал Флипо. Он был переполнен новостями и спешил поделиться ими с Анжеликой.

— Король подарил мадам де Монтеспан жемчужное ожерелье, маркиза!

Флипо плохо сидел в седле и не получал никакого удовольствия от поездки.

— Следил бы ты лучше за лошастью, — посоветовала Анжелика.

— Ох! — воскликнул Флипо. — Что это там впереди, маркиза?

Впереди они увидели толпу людей и вооруженную стражу,

— Как будто там казнь, — сказал Флипо.

Анжелика тоже видела священника и палача в красном плаще. Красное и черное резко выделялось на фоне унылого пейзажа и тусклого неба.

— Скорее, маркиза! — воскликнул Флипо. — Мы совсем не опоздали!

Беднягу осужденного только привязали к колесу, и палач еще не подступал к нему с ломом.

— Вперед! — приказала Анжелика.

— Стойте! — раздался голос начальника стражи.

И Анжелика увидела, что ей не проехать сквозь плотную толпу, а к дороге с двух сторон подходила широкая и глубокая канава.

— Помогите мне, — обратилась она к стражнику. — Мне необходимо проехать, я должна увидеться с персидским послом и вернуться во дворец до начала королевской прогулки.

— Никто не проедет сквозь толпу, — надменно отвечал начальник стражи. — Толпа и так возбуждена. Но если вы хотите увидеться с послом, то он здесь. Я провожу вас.

Анжелике пришлось спешиться и пойти за офицером к самому колесу, откуда как раз слышались крики и стоны. Анжелика опустила глаза и жалела, что не может зажать уши.

— Ваше превосходительство, — услышала она почтительный голос офицера. — Позвольте представить вам маркизу дю Плесси-Бельер, которая просит о личной встрече.

Анжелика подняла глаза и увидела ноги прекрасной лошади и богатые стремена. Сапоги из мягкой кожи, край плаща, расшитого жемчугом... У посла были черные глаза и длинные ресницы. Он словно сошел с персидских миниатюр — красавец-мужчина на сказочно прекрасном вороном коне. Рядом с ним сдерживал своего коня слуга, свиту посла составляли трое богатырей, вооруженных мечами и кинжалами. Это была пестрая роскошная группа.

Но посол даже не повернул головы, он словно не слышал, что ему представили даму.

Офицер вздохнул и сказал Анжелике, что господин посол не понимает по-французски. Тут вперед выступил священник — не тот, что напутствовал в последний раз осужденного. Он заговорил по-персидски, и взгляд посла скользнул к Анжелике. Он был холоден и безразличен, но вдруг смягчился. Анжелика не успела отнести это на свой счет — она увидела, что посол смотрит на ее лошадь, Цереру, и даже протянул руку, чтобы потрепать ее по шее.

— Не надо, — поторопилась сказать Анжелика. — Церера очень нервна и может укусить незнакомца...

Священник перевел, но переводя, улыбнулся. Улыбнулся и посол. Анжелика увидела, как он заставил ее лошадь обнажить зубы и заглянул ей в рот. И Церера повиновалась.

В ее присутствии мужчина восхищается лошастью! Посол сложил руки на груди и сдержанно поклонился Анжелике.

— Посол говорит, что это первая лошадь во Франции, которая достойна называться лошадейю, — перевел священник, — и первая женщина, достойная его ранга посла... Следует ли принять ваш приход как знак расположения короля Франции, который наконец опомнился и решил оказать послу достойный прием?

Усмешка пробежала по лицу священника.

— Мадам, мне не подобает произносить подобные слова, и я помню о своем сане. Но я перевожу сказанное мне с буквальной точностью и могу уверить вас, что это не самые худшие слова из переведенных мной когда-либо. Скажите же что-нибудь в ответ, мадам.

— Но я прибыла вовсе не по велению короля, — ответила изумленная Анжелика. — Я приехала... из любопытства. И, как мне кажется, король был бы шокирован, узнав, какого рода заверения от него требуются...

Иезуит заколебался, но тут осужденный закричал так, что Анжелику зазнобило. Внимание же Бактриари Бея полностью поглотилось казнью, и переводчик обтер лоб платком. Посол заговорил, и переводчик заторопился:

— Господин посол пропустил часть казни из-за разговора. Он просит повторить ее.

— Но осужденный был только один, — возразил начальник стражи.

Посол указал на величественного перса, сидящего на рослой лошади.

— Пусть возьмут одного воина из свиты, — перевел священник. — Пусть начнут все сначала. Посол никогда не видел такого рода пыток и хочет подробно описать их персидскому шаху, своему повелителю.

— Можем ли мы доставить удовольствие варвару, мучая невинного человека, пусть даже и из его собственной свиты? — пробормотал офицер.

Воцарилось молчание, и тут заговорила Анжелика:

— Не легкомысленно ли это со стороны посла? — улыбаясь, сказала она. — Не решит ли его повелитель, персидский шах, что новый способ казни очень подходит для его превосходительства, особенно раз его миссия во Франции явно не выполнена?

Посол с надменным выражением слушал, перевод, но выслушав, вдруг рассмеялся.

— Его превосходительство дарует жизнь своему воину, — перевел священник, — и отказывается от своих притязаний. В конце концов, существует множество других видов смерти. Его превосходительство просит маркизу пожаловать в его резиденцию.

Посол вдруг преобразился. Теперь он стал сама галантность, и

Анжелике было странно слышать из уст священника такие комплименты, как «нежнейшая лилия Версаля».

Посол, скрестив ноги, уселся на ковер. Предполагалось, что Анжелика сделает то же самое. Она поколебалась и села. Неслышный слуга пристроил сзади подушку — сидеть стало удобнее.

— Это в обычаях французов — ссориться в присутствии слуг? — неожиданно спросил Бактриари Бей.

По-французски он говорил медленно, но вполне правильно.

— Вы говорите по-французски? — спросила Анжелика, от изумления забыв добавить «ваше превосходительство».

— Мой французский язык особого свойства, — ответил посол. — Я слышу его вот уже два месяца. Но так как вокруг меня все только бранятся и ссорятся, то я знаю совсем не те слова, которые мне могут пригодиться в беседе с вами. Мне очень жаль.

Вошел священник и с ним высокопоставленный чиновник из министерства иностранных дел — Сент-Амьен. Появились слуги, и Бактриари Бей распорядился подавать угощения.

Анжелика смотрела, как в маленькую чашечку льется темная струйка напитка с сильным, необычным запахом.

— Что это? — спросила она.

— Называется кофе, — сказал Сент-Амьен. — На вкус — ужасная горечь. Но приходится пить.

Посол никак не выказал, что понял слова чиновника. Сент-Амьен говорил свои слова с улыбкой. Анжелика осторожно попробовала напиток. «Не родственник ли это моему какао?» — подумала она. Ее ум заработал. Шоколадные дела шли хорошо, хотя когда они только начинались, многие пожимали плечами и говорили: «Это же напиток индейцев!» И тем не менее какао прижилось в Париже и даже в некоторых провинциях. Кофе на вкус не напоминал какао, но вкус был необычным и не показался Анжелике «ужасной горечью». Не приживется ли в Париже и напиток арабов?

Посол показал на большой кувшин, расписанный пестро и в то же время нежно. Краски сохранили яркость, но потрескались.

— Это работа старых мастеров, — сказал он. — Не только посуду, но и целые дворцы у нас расписывали так. Эта роспись радует глаз и веселит сердце. Но секрет этой росписи утерян.

Анжелика, видимо, пропустила начало разговора, занятая своими мыслями о кофе. Чтобы не выглядеть невежливой в то время, как все взоры устремились на нее, она сказала;

— При дворе нашего короля, в Версале, много вещей, которые смог бы оценить тонкий вкус вашего превосходительства. Вы бы получили огромное удовольствие как знаток.

— Версаль, — повторил Бактриари Бей. — Почему же я до сих пор не видел этого великолепия?

— О господи! — простонал Сент-Амьен. — Сам же отказался ехать туда!

— В этом немалая доля вашей вины, — холодно заметил священник. — Вы не оказали послу ни должного уважения, ни должного внимания. Госпожа маркиза, как ни странно это прозвучит, сделала сейчас для Франции гораздо больше, чем вы за все дни, проведенные при после.

— Мне странно слышать, что вы, представитель святой церкви, становитесь на сторону этого варвара, этого содержателя гарема, этого... — Сент-Амьен чуть не задохнулся от возмущения. — Как представитель дворянства я не считаю возможным присутствовать при таком греховном разговоре!

Негодующий Сент-Амьен вышел. Следом, улыбнувшись, вышел священник.

— Отец Ришар знает, что мне не нужен переводчик, — сказал Бактриари Бей. — Особенно для разговора с женщиной.

Он велел принести щербета и фруктов.

— Мне так тяжело в вашей стране, — сказал он. — Такие непонятные обычаи... Никто не захотел меня развлечь. Французы очень скучные люди.

— Скучные? — изумилась Анжелика. — Уверяю вас, вы ошибаетесь. Не знаю, что помогло вам составить такое неверное представление о нашей стране и ее обычаях. Французы очень веселые люди, умеют радоваться жизни...

— Французы очень непочтительные люди! — вспыхнул Мохаммед Бактриари Бей. — Эти феллахи... как это... ну да, феллахи, землепашцы... ни один из них не пал ниц передо мной! Не удивляюсь, что король, у которого такие подданные, требует, чтобы меня привезли к нему как преступника — в закрытой повозке, с вооруженной стражей по бокам!

— Это и есть оказание высшего уважения в нашей стране,

— улыбнулась Анжелика. — И никто не падает ниц. Кавалеры кланяются, а дамы делают реверанс...

Анжелика вскочила, сделала несколько шагов и присела, почтительно склонив голову.

— Похоже на ритуальный танец, — сказал Мохаммед. — Медленный, плавный! Я научу своих жен этому танцу. Их поклоны будут напоминать

мне о вас, Фирюза-Ханум... мадам Бирюза... я буду называть вас так... Какие прекрасные глаза! Означает ли ваше появление здесь то, что король Франции решил наконец оказать мне должное уважение, посылая ко мне такую женщину, как вы?

— В нашей стране, — сказала Анжелика, глядя ему прямо в глаза, — мужчина должен заслужить любовь женщины, если, конечно, женщина не стоит на определенной ступени в обществе и не продает свою любовь за деньги.

— Заслужить! — вскричал Мохаммед.— Какое странное слово! Заслужить! Чем же, Фирюза-Ханум? Чем должен я заслужить любовь женщины? Храбростью? В моей груди бьется сердце льва! Словами? У нас был Саади, который описал любовь как никто другой в этом мире! Щедростью? Скажите, что нравится вам в этом доме! Нет, не говорите... я должен угадать сам...

Он снял со своего пальца кольцо и надел его на палец Анжелики.

— Это бирюза... любимый камень на Востоке. Это дань тому восхищению, которое охватывает меня, когда я смотрю в ваши глаза... Каждый раз, когда я вновь увижу бирюзу, я буду вспоминать ваши глаза... Что я вижу? Вы хотите уйти? Какой странный все-таки обычай — посылать подарки, а потом забирать их обратно! Король Франции зря так поступает со мной! Шах, мой господин, могущественен и велик! Он может изгнать всех французов со своих земель и закрыть все католические миссии, о которых так хлопочет отец Ришар. Он может не захотеть продавать вам шелк. О, нигде нет такого шелка, как в Персии! Ваш король может потерять гораздо больше... Мадам Фирюза, скажите ему об этом...

Глава 17

Анжелика проспала как убитая всю ночь. Было уже позднее утро, когда в дверь постучали.

— Меня ни для кого нет дома!

— Мадам! — над ней склонилась бледная Жавотта. — Там два офицера... Они требуют... У дверей стража! Они хотят вас арестовать?

Первой мыслью Анжелики было, что это новые штучки Филиппа. Она провела рукой по лбу. Филипп... Давно уже нет Филиппа на свете. Что же случилось? Король пожаловал ее правом сидеть... Что может значить этот странный визит двух офицеров?

Ее торопливо одели и причесали. Офицер вручил ей письмо. За его казенной учтивостью нельзя было разобрать, враг он или друг. Слог письма был так же безразличен. Ей надлежало следовать за подателем сего.

Она кликнула слуг. Офицер шагнул вперед.

— Мадам, может, вы не обратили внимания, но нам приказано привезти вас одну.

— Что это значит? Я арестована?

— У меня приказ отвезти вас в Сен-Манде.

«О боже мой, что это — Сен-Манде? — думала Анжелика. — Название знакомое...» Она дала себя увести из дома и посадить в экипаж. Вернется ли она сюда? А ее дети? А все ее состояние? Разве мало было на ее памяти арестов, необъяснимых и странных?

Карета покатила быстрее, выехав из Парижа. Анжелика узнала дорогу в Венсенн и сразу поняла, к кому ее везут. К Кольберу! В разговоре с Кольбером как будто не должно быть ничего страшного. Но почему ее везут под охраной?

В замке, бывшей резиденции Фуке, были видны следы переделок по вкусу нового хозяина. Уничтожалась лепнина, оставались голые стены. А ведь лепниной занимался сам Ле Бренн! В бывшей комнате для бедных просителей из простонародья можно было увидеть весь цвет Франции. Анжелика увидела мадам де Шуази, красавицу Гордон-Хантли из свиты Генриетты Английской и даже Луизу де Ла Вальер. Рядом со зловещим Солиньяком сидел принц Конде. Он приветствовал Анжелику.

— Мадам запрещено разговаривать, — сказал офицер, прежде чем Анжелика успела ответить, и, чтобы избежать стычки с самим Конде, который схватился за шпагу, Анжелику буквально втолкнули в маленькую

смежную комнату. Там ожидал всего один проситель, одетый по-европейски, но смуглый, черноглазый, как перс. Он не удивился, увидев женщину в столь странном окружении, и отвесил Анжелике поклон, сказав, что пропустит ее вперед — даме не подобает оставаться долго в таком мрачном месте. В комнате тоже были видны следы переделок — ободранные стены, исцарапанный пол.

Офицер не запретил иностранцу разговаривать. Иностранец говорил по-французски правильно, но слишком твердо. Он смотрел на Анжелику пристально, так, что она начала нервничать. Обстановка не располагала к галантной беседе. Она пыталась по голосам определить, что происходит в кабинете Кольбера. Дверь была закрыта неплотно. Анжелика улыбнулась — ей на руку оказалась реконструкция бывшего замка Фуке.

—... и не забывайте об обязанностях в Португалии, господин Гурвиль. Тайная миссия...

Аудиенция закончилась. Мужчина под маской, проходя мимо, слегка поклонился Анжелике, и Кольбер, вышедший его проводить, нахмурился, увидев ее.

Иностранец демонстративно сделал шаг в сторону, и Кольбер был вынужден пригласить Анжелику войти.

— Что за странный и неприличный визит нанесли вы вчера Бактриари Бюю, персидскому послу во Франции? Сегодня утром я получил приказ короля немедленно получить от вас объяснения.

— Соглядатаи Его Величества работают хорошо, — заметила Анжелика.

— Им неплохо платят, — прервал ее Кольбер. — Но, я ничего не услышал в ваше оправдание.

— В оправдание? — переспросила Анжелика. — В чем же я должна оправдываться?

— Не скрою, сударыня, отношения между нами и Персией таковы, что любая попытка тайного контакта может быть расценена как измена королю и Франции.

— Один раз вы меня уже пытались обвинить в государственной измене. Это похожий случай. В моих действиях не было коварного умысла, который может обернуться не во благо государства. Я посетила посла из любопытства.

— Может быть, вы в порыве любопытства выяснили, почему он не желает вручать королю верительные грамоты? — ледяным тоном спросил Кольбер.

— Это не составило особого труда, сударь, — рассмеялась Анжелика.

— Тем более, что и выяснять специально ничего не пришлось. Он желает вручить верительные грамоты. Он, желает прибыть в Версаль. Но не так, как этого требуют окружающие его люди — Сент-Амьен, Терси и другие. Посол очень страдает от нечуткости этих людей. Наши обычаи кажутся ему дикими. Он говорит, что под стражей в его стране возят только преступников. Это недостойно его повелителя — появиться в Версале таким образом...

— Чего же он добивается?

— Сударь, он хочет, чтобы его путь был усыпан розами — в буквальном смысле. Вы должны решить, как принять посла...

— Да я понятия не имею... — начал Кольбер.

— Но вы должны заключить выгодные для Франции договоры...

Кольбер смотрел на нее, словно прикидывая про себя что-то.

— Расскажите мне поподробнее, о чем вы беседовали. Анжелика пересказала ему разговор с Бактриари Беем.

Министр выслушал и глубоко задумался.

— Сударыня, — сказал он наконец. — Вы действовали крайне неосмотрительно. Все в ваших действиях может быть истолковано не в вашу пользу. Сегодня вы чудом избежали ареста. Я в силах взять ответственность на себя за ваше освобождение, но вам придется быть сегодня в Версале — на случай, если выслушать вас пожелает король. Мне по-прежнему кажется, что вы можете быть полезны нам в переговорах с Бактриари Беем.

Он проводил Анжелику к выходу и сказал охране:

— Дама может быть свободна.

Анжелика вышла, не чуя под собой ног. Всю грозившую ей опасность она осознала только сейчас. А если бы ее не захотели выслушать? Она опустила в кресло и сидела, бесцельно глядя перед собой.

— Разрешите мне предложить вам место в моей карете, — услышала она и подняла глаза. Над ней склонился смуглый иностранец.

— Разрешите мне узнать ваше имя, — улыбнулась в ответ Анжелика. — Мне кажется, я не встречала вас раньше при дворе.

— Вы встречали, сударыня. Вы просто не замечали меня. Я же вас увидел, как только вы появились. Своим черным платьем вы выгодно отличались от расфуфыренных дам.

— Вы несправедливы, сударь — по отношению к остальным дамам.

— Но ведь и сам король заметил то же, что и я, пожаловав вам стул.

Возникла пауза, и незнакомец щелкнул каблуками:

— Позвольте представиться: принц Ракоци. Моя родина — Венгрия. Я

был вынужден бежать из своей страны и нашел теплый прием во Франции. Но я жду не дождусь, когда смогу вернуться на родину.

Анжелика поблагодарила за приглашение и не преминула воспользоваться им.

— У вас такой глубокий взгляд, — говорил ей в карете Ракоци. — Такой пронизательный взгляд. Вы, наверное, видите в темноте, сударыня. Ваш взгляд проникает в самое мое сердце. Знаете, о чем я не перестаю думать с тех пор, как увидел вас? Выходите за меня замуж, и я увезу вас далеко-далеко.

— Я не хочу покидать свою страну, сударь, — шутливо запротестовала Анжелика.

— Вам нравится чувствовать себя несвободной?

— Я свободна! — тряхнула головой Анжелика.

— Вас доставили сюда под конвоем. Вы называете это свободой?

— Это была ошибка, сударь.

— В свободной стране не должно быть таких ошибок! — сверкнул глазами Ракоци. — У вас несвободная страна. Вами правит очень двуличный король. Он пожимает руку одному послу и натравливает на него другого. Он подписывает один мирный договор и тут же развязывает войну страшнее первой. Да, он ловок, как не всякий король. Может быть, он по-настоящему велик. Но вы не можете быть свободны в такой стране и с таким королем. Выходите за меня замуж.

— Вы шутите?

— Нет! — воскликнул Ракоци.

«Буду ли я свободна с таким мужем, как вы?» — хотелось спросить Анжелике, но вместо этого она сказала!

— Вот мой отель Ботрейи. Я дома, сударь.

Глава 18

Прибыв в Версаль, Анжелика поторопилась нагнать свиту королевы, которая отправилась на прогулку. Выйдя на северную террасу, она попала под град снежков. По лицу потекли капли растаявшего снега, Анжелика обернулась, сердясь, надеясь высказать бросавшему все, что она о нем думает. Но тут еще один снежок попал ей прямо в лицо. Из-за высокого сугроба со смехом показался Пегилен де Лозен и бросился к Анжелике.

— И когда вы только перестанете резвиться! — начала Анжелика, но Пегилен не дал ей договорить, повалил на снег и покрыл все лицо поцелуями. — В конце концов, сударь... — уже действительно разозлилась она.

— Бросьте сердиться, Анжелика! — воскликнул Легален. — Неужели вы ничего не знаете? Поздравьте меня! Король дал согласие на мой брак.

— Вы разве женитесь?

— Дорогая, это будет брак принцессы Монпансье и гаскон-ского дворянина, простого дворянина! Великая Мадемуазель любит меня. Она давно бы вышла за меня замуж. Но все королевское семейство поднимает шум, как только об этом заходит речь. Никто не хочет войти в положение принцессы, которой уже сорок три года, и к которой сватался недавно силезский принц, не выросший из коротких штанов! Но теперь король сказал «да»! Я буду герцогом де Монпансье. В приданое принцессе дают двадцать миллионов ливров. Мои дети получают все привилегии, полагающиеся наследникам брака с принцессой. Сам король будет моим кузеном! Вся Европа оповещена о предстоящей свадьбе, а вы говорите, что ничего не знаете! Вы пугаете меня!

— Правда, Пегилен?

— Да, дорогая, — вздохнул Лозен. — Мое положение кажется мне удивительно непрочным. Мужем принцессы я еще не стал, а куча врагов у меня уже появилась. На меня зол Конде и его сын, герцог Ангулемский. Вы могли бы успокоить принца, ведь вы имеете на него влияние, я знаю, и убедить короля не поддаваться на провокации со стороны Конде. Прекрасная Атенаис обещала мне свою поддержку, но в таких делах помощь двух любовниц всегда лучше помощи одной...

— Я не любовница короля, Пегилен.

— Не знаю, не знаю... — пропел Пегилен. — Но знаю, что вы в силах повлиять на короля. Он страдает из-за вас.

— Он страдает из-за мадам де Монтеспан.

— Из-за мадам де Монтеспан невозможно страдать. Мадам де Монтеспан удовлетворяет его тщеславие, а страдает он все-таки из-за вас. Вы как видение, непостоянное, исчезающее... Только к вам приблизишься — а вы уже далеко... Вы как ручей в пустыне — к вам припадаешь и боишься оторваться...

Анжелика засмеялась.

— Пегилен, теперь я особенно хорошо понимаю, как вам удалось увлечь собой принцессу Монпансье.

Лозен лепил снежный шарик, и снег таял в его руках.

— Обещайте, что вы замолвите за меня словечко перед королем.

— Пегилен, если это будет возможно. А теперь я должна догнать королеву со свитой.

Из ехавшей кареты Анжелику нетерпеливо окликнули.

— На вас большой спрос, — сказал Пегилен. — Это Кольбер. Я удаляюсь. Он явно не расположен говорить со мной. Я в отличие от вас ведь умею только сорить деньгами.

— Сударыня, я иду к королю с докладом, — сказал Кольбер. — Потом мы выслушаем вас.

— Мне кажется, король не захочет выслушать меня, — вздохнула Анжелика.

— Настроение монархов переменчиво, сударыня, — сказал Кольбер. — Меня он не может не выслушать.

Кольбера король слушал очень долго. Анжелика ждала его в зале Мира и вдруг увидела идущего прямо к ней Раймона, своего брата — отца де Сансе. Его черная сутана резко выделялась в пестрой толпе придворных. Анжелика не виделась с ним с тех пор, когда ее брак с Филиппом еще только затевался.

— Дорогая сестра, я всюду ищу тебя.

— Что случилось, Раймон?

— Из нашего ордена берут служителей для восточных миссий... — начал Раймон.

— Отец Ришар... — сказала Анжелика полувопросительно.

— Сестра, твой ум достоин только восхищения. Именно отец Ришар считает, что только ты можешь помочь нам. Если посол не будет принят при дворе, то все наши католические миссии потеряют влияние на Востоке. Может пролиться кровь многих людей. И все упирается в каприз монарха.

— Боюсь, Раймон, что могу оказаться помехой в данной ситуации.

— Я слышал, ты в большой милости, — отчетливо выговорил иезуит.

— Король пожаловал тебе стул, и, думаю, тебе известно, что это на самом деле значит.

— Раймон, это было вчера. Сегодня все может обернуться по-другому. Вернулся Кольбер — мрачнее тучи.

— Король не захотел ничего слушать, — сказал он. — Даже вашего имени произнести не удалось.

Анжелика представила министру своего брата, и отец де Сансе сказал:

— Ситуацию действительно можно повернуть в другую сторону. Мне кажется, я знаю, почему сердится король. Не ревность ли это со стороны монарха? Без его повеления, без его ведома... Анжелика, дорогая, а если королю сказать, что ты действовала по моему поручению? Скажем, я просил тебя поехать к отцу Ришару, так как он находится среди магометан, и мое присутствие там затруднительно?

— Можно и так, — ответил за Анжелику Кольбер. — Если будет исходить не от меня и не от вас, и если будет сказано с надлежащим тактом. Преподобный отец, мне хотелось бы задать вам несколько вопросов...

И мужчины покинули Анжелику. Она задумчиво смотрела им вслед: они с полуслова воняли друг друга. Может быть, на ее глазах затевалась какая-то интрига или большое государственное дело.

— Я ищу вас, — шепнул кто-то.

Перед Анжеликой стояла Великая Мадемуазель, потомок короля Генриха IV, принцесса Монпансье. А голос был словно не ее: так могла говорить обыкновенная женщина. «Наверное, предстоящее замужество ее так изменило», — подумала Анжелика.

Мадемуазель схватила ее за руки — у нее самой руки были ледяные.

— Дорогая, вы уже знаете?

— Об этом все знают, Ваше Высочество. Позвольте пожелать вам счастья.

— Разве мой выбор плох? Разве есть на свете человек более великодушный, благородный? Он прекрасен! Ведь вы же разделяете мой восторг? Вы с ним друзья?

— Да, Ваше Высочество, — Анжелика украдкой взглянула на принцессу, но та не почувствовала двусмысленности в своем вопросе: она не могла не знать о скандале в Фонтенбло, но уже забыла о нем.

— Если бы вы знали, как я волнуюсь из-за этой свадьбы,

— продолжала Великая Мадемуазель. — Я потеряла пенкой и сон.

— Тогда потеря сна вам на пользу, — засмеялась Анжелика. — Вы чудесно выглядите!

Это было правдой: принцесса выглядела помолодевшей и была оживленной без лихорадочности.

— Благодарю вас! — и ее руки стиснули руки Анжелики.

— Если бы я могла быть такой безмятежной, как вы! Против меня целый заговор. Всех не устраивает этот брак. А вдруг король возьмет назад свое слово? Если бы вы повлияли на короля...

— Все считают, что я могу влиять на короля, — задумчиво сказала Анжелика. — И даже говорят об этом одними и теми же словами. А король не слушает ничьих советов. И меньше всего желает слушать меня.

— Вы отказываетесь... А я ведь сделала все, когда ваш первый муж был осужден. Я не побоялась...

У Великой Мадемуазели была вовсе не такая короткая память, как могло показаться.

— Я постараюсь, — сказала Анжелика. — Я вовсе не отказываюсь, Ваше Высочество. Был бы толк от моего заступничества...

— О, вы сможете!

Великая Мадемуазель потащила Анжелику за собой, не слушая ее возражений: Анжелика была голодна и не могла думать ни о чем другом.

— Нет-нет! Будет лотерея и фейерверк. Должны присутствовать все придворные. Король разгневется, если вас не будет...

Анжелике снился сон, который уже несколько ночей преследовал ее. Она лежит на цветущем лугу и ее знобит, потому что на ней нет одежды. Она обнажена, как нимфа. Хотя солнечные лучи греют, ей не становится теплее. Облака, голубое небо — все заставляет ее мерзнуть. Солнце ласкает ее кожу, почти гладит ее, и вдруг на плечо ложится чья-то рука, и просыпаясь, Анжелика ощущала тепло этой сильной мужской руки. Если бы она не проснулась, она бы согрелась там, во сне.

Залаяла собачка, и Анжелика проснулась. Во сне она сбросила одеяло и замерзла. В комнате было холодно — впору опять топить камин. Внезапно она услышала, как отошел засов на двери, и увидела упавшую в темноту полосу света. На пороге возник мужской силуэт.

— Не бойтесь, мадам, и никого не зовите. Я Бонтам, слуга Его Величества. Король хочет видеть вас.

— Так поздно?

— Да, мадам. Только не будите служанок. Его Величество хотел бы сохранить в тайне ваш визит.

Анжелика зажгла свечу от свечи королевского слуги и начала одеваться.

— Господин Бонтам, — пришлось позвать ей. — Не поможете ли вы мне...

— Конечно, мадам.

Бонтам поставил свечу на стол и помог Анжелике затянуть корсет. Очевидно, ему приходилось заниматься этим не раз и не два, он справился со шнуровкой не теряя достоинства, быстро и ловко. В какие только положения не попадал любимый королевский слуга? Он был посвящен во все мелочи королевской жизни,

Анжелика пригладила локоны и расправила свои юбки.

— Я готова, — объявила она.

Бонтам повел ее тайным переходом, который был низок для прически и узок для широких юбок Анжелики. По бокам виднелись двери. Это было целое крыло потайных комнат и переходов. Анжелика чуть не оступилась на винтовой лестнице, и оказалось, что они уже пришли.

Анжелика узнала приемную короля. Две свечи стояли на большом столе, за которым сидел, склонившись, человек. Большая собака подняла голову и заворчала у его ног.

Анжелика узнала короля. Бонтам подбросил в камин полено, снял нагар со свечей и исчез как тень.

Король поднял голову:

— Садитесь, сударыня.

Она села. В комнате было тихо. Король смотрел на нее и молчал.

— Вы не подняли шума? Не запротестовали? Где же ваши вечные капризы и ядовитые ответы?

— Сир, я...

— Преподобный отец Жозеф более часа расхваливал мне вас. Я знаю его как человека умного и прислушиваюсь к его словам. Лучшие умы церкви за вас, сударыня. Было бы неразумно не выслушать даму, когда вас под защиту берет святая церковь. Почему вы улыбаетесь?

— Сир, меня подняли среди ночи, чтобы наговорить комплиментов?

Король рассмеялся.

— Вы маленькая колдунья.

— Персидский посол тоже говорил мне «Фузул-Ханум». Это значит то же самое. Как странно: король Франции и посол Персии говорят мне одинаковые комплименты.

— Мы одинаково думаем, — сказал король. — И это хорошо: нам нужно придти к согласию. Сударыня, поклянитесь в верности своему королю!

Анжелика улыбнулась и вложила свои руки в ладони короля.

— Клянусь служить королю Франции, чьим вассалом я являюсь!

— Посмотрите сюда, вассал, — позвал король.

Он подал ей руку и повел к дальнему краю стола, где лежала большая карта.

— Вот Франция, — водил пальцем по карте король. — Вот Мальта. Вот Кандия, знакомая вам лучше, чем кому бы то ни было. Вот и Персия. Вы не возражаете против того, чтобы поговорить о Персии в столь поздний час? Вы не хотите поговорить еще о чем-либо?

Анжелика покачала головой:

— Давайте поговорим о Персии.

— Ваш интерес к Персии мне понятен, сударыня, — и видя, что Анжелика молчит, король пояснил: — Шелк. Почти весь шелк мы покупаем там. Вы не сможете прожить без парчи, атласа, шелковых чулок, шелковых ленточек. Женщина скорее откажется от хлеба, чем от всех этих шуршащих чудес, делающих ее еще прекраснее! Кардинал Ришелье пытался бороться с модой. И что же? Контрабандист стал влиятельной фигурой. То, что раньше ввозилось и продавалось открыто, стало продаваться втридорога из-под полы. В накладе осталось государство, а выиграли все вокруг. Господин Кольбер наметил, где разместит производство шелка во Франции. Это Лион. Но прежде чем мы овладеем многими тонкостями, пройдет время, а прежде чем дадут плоды тутовые деревья, времени пройдет еще больше!

— Сир, у нас растут совсем не те тутовые деревья. Они дают красные ягоды, а в Персии шелковичных червей кормят белыми. Деревья, дающие белые ягоды, растут только в горах.

— Откуда вам это известно?

— Мы говорили об этом с послом»

— Неужели вы разговаривали с ним о делах?

— Да, сир.

Король пристально смотрел на нее. В его взгляде явно сквозило недоверие.

— И каким же человеком показался вам посол?

— Это образованный человек, сир. У него ум поэта, хотя он и деловой человек. Он — доверенное лицо персидского шаха. В интересах Франции поладить с ним, сир. Как я поняла, Персия обычно торгует с Востоком — с Арменией и Сирией. Взгляд в нашу сторону — нарушение многих вековых традиций.

— Мне кажется, что и отец Жозеф, и господин Кольбер недооценили вас, сударыня. Похоже, что только вы можете разобраться в этом

запутанном мотке шелка. Кого я только не подсылал к персидскому послу, именитых дворян, влиятельных чиновников — и каждый говорил мне, что это варвар, с которым невозможно иметь дело.

— Сир, если бы вы не передоверили эту встречу другим лицам, этих трудностей не было бы!

— Короли не все могут делать сами, сударыня. У них должны быть помощники. Моя вина здесь в том, что в помощники в столь деликатном деле попали не те люди. Но появились вы, сударыня, появились вовремя и спасли положение.

— Утром вы говорили совсем другое, — вздохнула Анжелика.

— Было бы непорядочно с моей стороны не признать, что я был не прав, — сказал король, — Вы сумели доказать мне, что путь к намеченной, цели все-таки существует. Если мы не заключим соглашения с Персией, то лишимся шелка, а иезуиты потеряют свои миссии на Востоке. Судьбы и того, и другого в ваших руках... Анжелика.

— Какая же роль мне отведена?

— Вы должны выяснить, как мне вести себя с ним. Разгадать возможные ловушки. Узнать, на какие уступки можно пойти, так, чтобы это выглядело достойно.

— Ваше Величество, мне кажется, вы предлагаете мне соблазнить персидского посла.

— Я не ограничиваю вас в выборе средств.

— Сир! — вспыхнула Анжелика.

— Ну-ну, — сказал король. — Это очень нелегкое задание. Вам потребуется время...

— Мне кажется, он должен вручить вам свои верительные грамоты.

— Это так, — согласился король. — Но сейчас я буду тянуть время. Мне нужно встретиться с русским послом. У нас может быть другой, более безопасный путь доставки шелка, сухопутный. Нам не придется сталкиваться с турками и генуэзцами. Взгляните сюда.

Они склонились над картой, на которой король наметил путь по суше. Его локоны коснулись щеки Анжелики. Она вздрогнула, выпрямилась и отошла от стола.

В комнате стало холодно. Огонь в камине погас, Анжелика пожалела, что не взяла свой теплый плащ.

Король говорил о планах Кольбера и вдруг прервался на полуслове.

— Вы не слушаете меня. Что случилось?

Анжелику била дрожь. Она знала, что король — закаленный человек и не любит нытья. Он и вправду мог не ощущать холода.

— Вы решили отказаться от возложенной на вас миссии?

— Нет, сир. Тогда я не стала бы вас слушать вовсе. Неужели вы считаете меня способной на подобное? Я бы расценила это как оскорбление величества.

— Я вас считаю способной на все, — сказал король. — Тогда что же сделало вас безразличной к моим словам?

— Мне стало холодно, сир.

— Холодно? — удивился король. — Вам холодно? Никто и никогда мне еще не жаловался на холод.

— Они не смели, сир.

— А вы?

— Я тоже боюсь, что вы будете недовольны. Но еще немного — и я слягу и тогда просто не смогу выполнить ваше поручение.

Король молчал, и Анжелика чувствовала, что в его сердце впервые зародилась подлинная нежность к ней. Он встал и укутал ее своим плащом. Ее обдало запахом фиалкового корня — любимые духи короля.

— Я хочу поговорить с рами еще, — сказал король, — но чтобы вы болели, не хочу.

Король взял кочергу и принялся раздувать в камине огонь. Юность короля пришлась на годы Фронды, он скитался по замкам и зачастую засыпал на охапке соломы. Он повзрослел во время общей гражданской войны, когда приходилось спасать свою царственную жизнь, скрываясь в разрушенных замках и путешествуя в каретах без герба.

— Не буду никого звать...

Он встал с колен, и Анжелика словно увидела его впервые. Король был красив. Король был мужественен. Король смотрел на нее. Король...

— Порой можно и забыть об этикете, — сказал он. — Доля королей тяжела. За каждый жест и каждый вздох приходится нести ответственность не только перед подданными, но и перед грядущими эпохами. Только ночью можно побыть самим собой.

Он провел рукой по лицу, как бы снимая маску. Анжелика подумала, что Атенаис не достойна короля.

— Ночью я просто человек, — продолжал король. — Могу читать, зевать, гладить собаку. Я люблю этот кабинет. Ночью я люблю его особенно. Ночью я могу пригласить тех, кого действительно хочу видеть, а не тех, кого я видеть должен. Ночь — подруга короля... Мне приятно, что вы смотрите на меня так, мадам. Когда женщина смотрит такими глазами, сердце мужчины наполняется гордостью. Он становится мужчиной вдвойне. А если этот мужчина король, он способен покорить весь мир.

— Подданные не требуют от вас этого, сир. Пусть в нашей стране будет мир — и хватит.

— О, вы ошибаетесь, мадам. Многие хотели бы видеть во мне Александра Македонского. Но я не хочу рядиться в чужой плащ. Не думайте, что быть королем обременительно. Это прекрасно. Когда как, мадам... Я замолкаю. Иначе вы скажете, глядя мне в глаза, что засыпаете под мои слова.

— Но я вас слушаю, сир.

— Всему есть предел, сударыня. Бонтам проводит вас.

Пройдя опять потайным ходом, Анжелика сняла плащ короля и передала его слуге. Свеча, которую она оставила на столе, оплыла. В ее неверном свете Анжелика увидела старшую из девиц Жиландон.

— Я не звала вас, — сказала она.

— Собака залаяла. Вы не отозвались, и я испугалась. Вдруг вам что-нибудь нужно?

— Ну, раз уж вы встали... Разожгите огонь в камине и согрейте мне простыни.

Лежа на теплых простынях, Анжелика вспоминала свой сон. Она словно чувствовала руку короля на своем плече.

Глава 19

Церера спокойно стояла в новой богатой сбруе под новым для нее всадником. Всадники образовали широкий полукруг возле персидского посла. Каждый держал длинную пику. Посол взял из рук слуги такую же пику, поднял ее, и вся группа рванулась с места.

Анжелика, стоя на ступенях резиденции посла, почувствовала себя покинутой и обманутой. Она подарила послу любимую Цереру. Она прибыла в условленное время. И ее встретили таким странным образом. Даже Церера слушалась теперь нового хозяина так же безоговорочно, как и прежде. Анжелика почувствовала себя преданной.

— Не беспокойтесь. Они сейчас вернутся. То, что вы увидите, называется джигитовкой. Сражение устроено в вашу честь.

С Анжеликой разговаривал смуглый юноша — поверенный в делах посла. Он был армянским католиком и его звали Агобян.

— Одним из самых искусных джигитов слывет Бактриари Бей. Но сейчас он рискует — его новая лошадь не привыкла к таким вещам и может испугаться. Господин посол очень сожалеет.

Всадники выстроились в линию и замерли. По сигналу они разделились на две группы и парами начали бросаться друг на друга, стараясь вышибить противника из седла. Всадник, сброшенный с лошади, покидал поле боя. Посол держался в седле дольше всех явно благодаря своей ловкости, а не высокому положению. Это не могло не понравиться Анжелике.

— Это развлечение знакомо нашему народу со времен царя Дария.

— Французские рыцари тоже устраивали турниры, — сказала Анжелика.

— Этот обычай они привезли из крестовых походов, — улыбнулся Агобян.

Анжелика решила не спорить и перевела разговор на другую тему — лошади.

Бактриари Бей вновь стал расхваливать Цереру. Он никогда не встречал такой послушной и вместе с тем горячей лошади; дома он предложил бы принцессу в обмен на подобную лошадь.

Нельзя сказать, чтобы Анжелике были приятны постоянные сравнения с ее же собственной бывшей лошадью, пусть даже и красивой, необыкновенно красивой лошадью, которая ей всегда нравилась самой.

Она незаметно вздохнула:

— Это кобыла испанских кровей.

— Испания — страна, где очень чувствуется влияние Востока.

Опять то же самое!

Но как только за Анжеликой и послом упали драпировки, закрывавшие двери в резиденции, Бактриари Бей заговорил по-французски, без перехода:

— Я не могу ронять достоинство своего господина, равно как и французского короля, появляясь перед королем в недостойном виде! Я не могу стоять перед королем с обнаженной головой. Это оскорбительно. Король — наместник бога на земле. Перед своим богом, в мечети, мусульмане покрывают голову.

Анжелика возразила:

— У нас разные обычаи. Мужчины в нашей стране снимают шляпу, входя в церковь. А если бы француз захотел появиться перед шахом в сапогах?

— Верно... Мы оказали бы ему почести... Но если король не устроит мне триумфального въезда, — Мохаммед сверкнул глазами, — мне придется вернуться домой, не выполнив порученной миссии!

Анжелика осмелилась спросить:

— Неужели вы не боитесь впасть в немилость у вашего шаха?

— Я рискую головой, — надменно ответил Бактриари Бей.

— Но я предпочту лишиться головы, чем предстать перед всем миром в смешном и недостойном виде.

Дело было гораздо серьезнее, чем могло показаться сначала.

— Все будет хорошо, — сказала Анжелика.

— Что позволяет вам думать так?

— Я все улажу. Пусть я всего лишь женщина...

— Вы прекрасны! — воскликнул Бактриари Бей. — А ваш ум превосходит вашу красоту! И если все, как вы говорите, будет хорошо, я знаю, какой подарок просить мне у вашего короля!

Где-то в глубине дома запела флейта.

— Мне приготовили ванну. В воде смывается не только грязь, но и усталость.

Бактриари Бей удалился. Маленький слуга, которому было поручено развлекать Анжелику, принес ей деликатесы на маленьких блюдечках. Чтобы было удобнее сидеть, он подложил ей под спину и локти подушки. В маленьком кувшине он принес раскаленные угли и бросил внутрь щепотку порошка — по комнате пополз едкий голубоватый дым с запахом

смолы. Не понимая ни слова из его щебета, Анжелика позволила напоить себя напитком, напомнившим ей детство и Пуату: несомненно, он был настоян на корне дягиля. Она пробовала незнакомые сладости и фрукты. Вкус был необычным, но приятным. Она слизывала с кончика пальца прозрачную розовую пасту, когда вернулся посол. Он смотрел на нее, как зачарованный:

— Вы восхитительны... Вы напомнили мне мою любимую наложницу — она была в любви как кошка — ненасытной...

Он кинул слуге фрукт с подноса. Мальчишка поймал его налету и исчез.

Бактриари Бей был обнажен до пояса. Его грудь блестела, намазанная чем-то приятно пахнущим, мускулы перекачивались под гладкой кожей. Он был силен, гибок и двигался как осторожный зверь, которому нечего бояться. Его черные волосы были зачесаны назад. Огромные черные глаза смотрели на Анжелику в упор.

Но ей не было страшно под этим неподвижным мужским взглядом. Ей была тепло, и каждое движение наполняло ее ощущением, которое хотелось назвать счастьем. Она легко улыбалась, и могла без усилия не то рассмеяться, не то заснуть. Мелькнула мысль, что мальчишка опоил ее зельем. Она сложила руки на коленях: казалось, что они поплывут, вверх и она вслед за ними, как из глубины воды на поверхность.

— Я подумала о ваших наложницах, — сказала она. — Скажите, во что они одеваются?

— В своих комнатах или при своем властелине они носят тонкие шаровары и... — посол не знал слова и провел рукой по груди: — ...повязку. На улице они не выходят без глухой чадры.

— Какая странная у них жизнь... — сказала Анжелика и обмакнула пальчик в понравившуюся ей розовую пасту. — Они не носят платьев, пышных юбок... А что они говорят? Что сказала ваша наложница — та, любимая, — когда вы ее покинули и уехали?

— Наложницы ничего не говорят из того, что может не понравиться господину. А эта наложница никогда уже ничего не скажет — она мертва. Умерла она под плетью. Полюбила стражника во дворце.

— Ах! — Анжелика уронила что-то на поднос и смотрела на перса широко раскрытыми глазами.

— Неверных жен мы связываем с любовниками — спина к спине — и оставляем умирать на минарете. Это долгая, мучительная смерть. Стервятники выклевают глаза... Этих я пожалел. Стражнику я перерезал горло кинжалом.

— Они будут в раю все равно вместе, — сказала Анжелика и посмотрела на посла: как он к этому отнесется.

Тот рассмеялся.

— Фирюза-Ханум... Маленькая бирюзинка... Каждое слово срывается с ваших уст и расцветает в тишине, как нежный цветок в горах... Я усваиваю сейчас новую науку — как любить женщину в вашей стране... О делах вы разговариваете как мужчина... Но когда же вы заговорите как женщина? Когда наступит время для вздохов утомительного молчания, предвещающего негу?

— Оно еще не наступило, — сказала Анжелика, сдерживая улыбку.

— Когда же, когда?

— Когда этого захочу я.

— Не может быть, чтобы мужчины в вашей стране терпели подобное унижение! Долг женщины, когда к ней входит мужчина — умастить себя благовониями и предложить тело своему хозяину.

— Но вы не мой хозяин.

Анжелике хотелось вытянуться на мягких подушках и лежать, лежать... Ей не хотелось спорить,

— Ваш король послал вас для моих развлечений!

— Нет.

Бактриари Бей кошачьим движением вскочил и оказался около Анжелики. Ей захотелось закрыть глаза и вытянуться рядом с этим сильным человеком.

— Нет, — повторила она медленно. — Мой визит — оказание вам уважения, но вы не вправе распоряжаться мной.

— А кто же вправе?

— Я сама!

Она откинулась на подушки и смотрела на посла из-под ресниц.

— Различие между женщиной, говорящей «да», и женщиной, говорящей «нет», велико. Когда женщина скажет «да» — мужчина победил.

Она прикрыла глаза и потянулась.

— Каким же должен быть мужчина, чтобы женщина сказала «да»? — тихо и страстно спросил посол.

— Помогите мне встать, — сказала Анжелика, и Бей покорно протянул ей руку. — Каким...

«Он должен быть прекрасен и дик — как вы», — чуть не сказала она.

— Никто не поймет женщину. Сегодня ей хорошо с одним, завтра с другим...

«Я веду себя, как потаскушка», — подумала она. Но Бей смотрел на нее не отрываясь. У Анжелики мелькнула мысль, что во всем происходящем он винит только себя. Неужели она так быстро добилась победы над ним? Он напоминал прирученного зверя. И хотя больше всего на свете Анжелике хотелось остаться здесь и не говорить больше многозначительными фразами, она взяла свои перчатки и веер.

— Я буду вашей союзницей в Версале. Можете ли вы пообещать мне сохранить наши католические миссии в Персии?

— Не оскорбление ли для вашего бога то, что в его дела вмешивается женщина?

— Ваше превосходительство, нашего бога произвела на свет женщина... и вас тоже.

Перс улыбнулся.

— Таковую женщину на Востоке назвали бы султан-баши! Это титул женщины-царицы. Лишь она владеет телом и душой властелина. Он ничего не делает без ее совета. Только ее сын наследует престол. Султан-баши не знает страха. Но знает цену себе. Когда же я увижу вас снова, Фирюза-Ханум?

— Это будет скоро. В Версале.

На улице по-прежнему царил зима. Анжелике хотелось плакать, когда вновь увидела унылые поля и серое небо. Она была недовольна собой. Недовольна королем. Он почти продал ее тело Бейю в обмен на шелк и католические миссии. За кого он ее принимает? За кого ее все принимают?

Глава 20

— А король сказал «нет»!

Анжелика ступила на первую ступеньку лестницы, ведущую в королевские покои.

— Нет чему?

— Свадьбе Лозена и Великой Мадемуазели. Принц Конде и герцог Ангулемский напели вчера королю, что он не заботится о чистоте крови, что он станет посмешищем и позорищем во всей Европе! Королю легко было сказать «нет». И он сказал! Великая Мадемуазель в слезах укатила в Люксембургский дворец.

Анжелика в задумчивости поднялась в покои королевы и увидела в первой же комнате мадам де Монтеспан. Возле нее суетились служанки, и Луиза де Ла Вальер прикалывала ленты к ее алому бархатному платью.

— Не так, не так, Дезиль! Луиза, милочка, помогите лучше вы. Никто не справится с этим шелком. Такой скользкий!

Анжелику неприятно поразило, что Луиза помогает своей сопернице одеваться — безропотно и покорно.

— Теперь лучше. Луиза, вы мне помогли. Спасибо. Король так придирчив. Ведь вы хорошо знаете вкусы короля. Правда, мадам дю Плесси?

— Пожалуй,— пробормотала Анжелика, отбиваясь от собачки Атенаис, которая рычала на нее.

— Ей не нравится черный цвет, — сказала Атенаис. — Какая жалость, что вы до сих пор вынуждены носить траур! Он вас старит. Как вы считаете, Луиза?

Мадемуазель де Ла Вальер, все еще стоя на коленях, подняла свои огромные голубые глаза:

— Мадам дю Плесси идет даже траур.

— Больше, чем мне алое?

Атенаис впиалась глазами в Анжелику и перевела взгляд на бывшую подругу.

— Может быть, алое вовсе не идет мне?

— Ваш цвет — голубой, — кротко сказала Луиза.

— Все делают нарочно! — прошипела мадам де Монтеспан. — Быстро переодеваться! Голубое платье несите!

Собачка лаяла, булавки скрипели, шнуровка корсета трещала, мадам

де Монтеспан ругалась. И тут вошел король в парадном платье — на нем не было только тяжелой мантии, расшитой лилиями, которую он надевал в последний момент перед выходом. Он вышел от королевы. Бонтам шел следом.

— Как, вы не готовы? — нахмурился король. — Вам следует поторопиться. Посольство прибудет с минуты на минуту, а я хотел бы, чтобы вы присутствовали на приеме.

Король был явно не в настроении. Он помнил об обиде, которую нанес кузине, а тут еще фаворитка не торопится.

— Вам следовало раньше заняться своим туалетом.

— Мне сказали, что вам не нравится мое красное платье, — вспыхнула мадам де Монтеспан. — Вы могли сказать об этом мне лично, а не через...

Она не закончила фразу, и взор короля остановился на Луизе де Ла Вальер.

— Сейчас не время для ссор. Разрешите дать нам совет: не опаздывайте больше. Завтра утром мы уезжаем в Фонтенбло.

— Мне тоже готовиться к отъезду, сир? — робко спросила Луиза.

— Нет, — отрезал король. — Вы не поедете.

— Что же мне делать?

— Останетесь здесь.

— Одна? Никого не будет со мной?

Король подхватил собачонку и швырнул ее под ноги бывшей фаворитке:

— Вот подходящая компания для вас!

Луиза де Ла Вальер залилась слезами. Король пошел к выходу, но вдруг увидел Анжелику.

— Были ли вы у персидского посла? — резко спросил он,

— Нет, сир, — в тон ему ответила Анжелика.

— Где же вы были?

— На Сен-Жерменской ярмарке.

— Что вы там делали?

— Покупала вафли.

Король вспыхнул и прошел мимо, в то время как служанки внесли через другую дверь голубое платье мадам де Монтеспан.

Анжелика подошла к заплаканной Луизе.

— Почему вы позволяете мучить себя? Почему безропотно сносите такие унижения? Почему позволяете играть с собой?

— Все меня предали, — сквозь слезы сказала Луиза.

— Вам лучше покинуть двор. Вы не должны обрекать себя на

насмешки. Люди бессердечны. И чем более кротко вы себя ведете, тем они злее. Где ваше достоинство?

— Мой грех был на виду. Богу угодно, чтобы и муки были на виду.

— Богу не могут быть угодны такие муки.

— Король не разрешает мне уйти в монастырь. Я просила много раз. Может, он еще вернется ко мне...

Она посмотрела на дверь, в которую вышел король. Анжелику передернуло.

— Мадам, Его Величество просит вас проследовать к нему.

Перед Анжеликой стоял паж. Он провел Анжелику к королю, который как раз в это время примерял парик для торжественного приема.

Не часто доводилось женщине видеть короля за таким занятием. Королевский парикмахер Бине и его помощники помогали королю. Короля окружало множество париков: для охоты, для месс, для балов.

Бине предлагал парик высокий и пышный, но король, глядя в зеркале на склонившуюся в реверанс Анжелику, сказал:

— Нет. Оставим его для чрезвычайно пышных приемов. Например, для приема персидского посла... Ведь вы были у посла, сударыня?

Он уже был снисходителен, и его жестам вернулась величавость.

Но Анжелика не собиралась менять гнев на милость.

— Я не узнаю одну из самых обходительных дам своего двора, — сказал король. — Есть ли причина вашему поведению?

— Я не узнаю самого обходительного короля в мире.

— Пожалуй, я был грубоват, — примирительно сказал король.

— Вы были невыносимы.

— Мадам, вы забываетесь!

— Я говорю не с королем. С мужчиной, который по прихоти играет женскими сердцами: мадемуазель де Ла Вальер, мадам де Монтеспан... я...

— У мадемуазель де Ла Вальер сердце слишком велико. У мадам де Монтеспан его вовсе нет. А ваше... Овладел ли я искусством игры настолько, чтобы играть вашим сердцем? У меня сегодня все складывается не так, как должно. Брак Великой Мадемуазель обсуждают на разные лады. Мадемуазель впала в отчаяние из-за моего решения. Я намерен пересмотреть вопрос о ее замужестве. Вас она любит. Пойдите к ней и успокойте ее. Так вы были у персидского посла?

— Да, сир.

— Как продвигаются наши дела?

— Хорошо, сир.

Дверь распахнулась, и в комнату ворвался Лозен в сбившемся набок

парике. Глаза его сверкали.

— Сир! — выкрикнул он, не подумав извиниться за свое внезапное вторжение. — Чем заслужил я то бесчестье, в пучину которого ввергло меня ваше повеление?

— Ну-ну, успокойтесь, — ласково сказал король, видя, что отчаяние его любимца неподдельно.

— Нет, сир, нет! — Лозен рванул шпагу из ножен. — Вы лишили меня чести, возьмите и мою жизнь! Она ваша! Я ненавижу ее!

— Возьмите себя в руки, сударь!

— Убейте меня, сир!

— Пегилен, я вижу, как велико горе, причиненное вам; моим решением. Но я утешу вас. Я вознесу вас так высоко, что вы забудете о своей несостоявшейся женитьбе. Вы получите...

— Я не приму почестей от монарха, который не держит свое слово!

— Господин Лозен! — сказал король звенящим голосом, и Анжелика невольно вскрикнула.

Лозен обернулся:

— И вы здесь! И вы со всеми заодно! Маленькая притвора! Где же вы были раньше? Где зарабатывали своим белоснежным телом милости в то время, как обещали кое-что сделать для меня?

— Довольно, сударь! Вы забываетесь! — сказал король. — Ваше состояние я понять могу, но видеть человека, не способного покориться судьбе, не желаю!

— Покориться! — вскричал Лозен. — Вы желаете видеть только покорно склоненные головы, сир. Покориться! Я прошу о разрешении удалиться, но покоряться я не буду! Рад был служить вам...

И Пегилен исчез, не попрощавшись.

— Можно уйти и мне, сир? — тихо спросила Анжелика.

Король кивнул.

— Мадемуазель нуждается в вашем утешении, — напомнил он и повернулся к зеркалу: — Вы уже выбрали, Бине?

— Да, сир. Взгляните: очень приятный парик. Два ряда локонов, не взбитых — не высоко и не низко. Я называю его «посольский».

— Действительно. Вы сделали удачный выбор, Бине.

— Мадам дю Плесси часто говорила мне то же самое, сир.

— Да-да, вспоминаю. Именно мадам рекомендовала вас ко двору. А ко мне вы попали через мою кухню. Вы, наверное, давно знаете мадам.

— Да, очень давно, сир.

Король смотрел в зеркало на надетый и закрепленный парик.

- Как вы это находите, Бине?
- Сир, она одна достойна Вашего Величества.
- Вы меня не поняли. Я имею в виду прическу.
- Я тоже, сир.

Оказавшись в большом зале для приемов, Анжелика стала расспрашивать, кого же ожидают. Никто не мог сказать что-то определенное.

— Речь идет о посольстве. Здесь полно иноземцев. Посмотрите вон на того. Какие ушицы! И глаз с вас не сводит, дорогая!

Анжелика оглянулась и увидела венгерского принца Ракоци, который подвез ее до дома из резиденции Кольбера.

Он увидел, что его заметили, пересек зал и раскланялся перед Анжеликой.

— Сударыня, уделите мне несколько минут, прошу вас.

Слегка испугавшись, что он снова заведет речь о замужестве, Анжелика все же отошла с ним к окну, решив, что опасность не может грозить ей при таком скоплении придворных.

— Какой красивый камень,— сказал принц.

— Это персидская бирюза. Говорят, если человек начинает лгать, она меняет цвет.

— Она подобна вашим глазам, — тихо сказал Ракоци. Возникла пауза, и чтобы сказать хоть что-то, Анжелика отметила:

— Красивый кинжал.

— Это все, что осталось у меня от бывшего богатства, — с горечью сказал принц. — Кинжал я мой конь. Я люблю его как друга. Нет, больше. Друзья предают, а конь спас меня. Если бы не он, я бы сейчас не разговаривал с вами. На нем я пересек границу. А здесь он стоит в королевской конюшне. Парижане ужасно потешаются над ним.

— Потешаются?

— Когда вы его увидите, может быть, и вы улыбнетесь, мадам. У вас такая чудесная улыбка.

— Кого сегодня ждут? — спросила Анжелика, чтобы уйти от этой темы.

— Не знаю, — рассеянно ответил принц. — Приглашение мне принесли в конюшню и ничего не сказали, а сам я не спросил. А что вы здесь делаете?

— Я придворная дама.

— Какое скучное занятие. Каждый день одно и то же.

— Скучное? Мне не бывает скучно в Версале. Здесь каждый день что-нибудь новое. Говорят, сегодня ждут русского посла.

— Русского? — воскликнул принц. — Я расцениваю это как оскорбление! Ноги моей не будет в этом зале, если сюда ступят русские! Они захватили мою страну! Из-за них я в изгнании!

— А разве не турки?

— Мадам!

— Боюсь показаться неискушенной, но все остальные невежественны не меньше меня.

— О, вы так беззаботны... Никто не может меня здесь понять. Одно время я думал, что виной этому плохое знание языка. Скажите, я хорошо говорю по-французски?

— Я понимаю вас вполне.

— Ваш король тоже понимает меня вполне. Но он свое понимание взвешивает на весах своих устремлений.

Наступившая тишина в зале показала, что те, кого ожидали, появились. Анжелика увидела, что лицо Ракоци побелело.

— Русские! — сказал он. — Вот это Дорошенко, гетман Украины. Его войска заняли Будапешт!

Анжелика за короткий отрезок времени услышала много новых географических названий.

Он стиснул ее руку, не замечая собственной силы.

— Это оскорбление непростительно...

— Прошу вас, отпустите меня... — Анжелика с трудом высвободила руку. — Вы забываете, что находитесь при дворе...

Ракоци шагнул в сторону и исчез. Анжелика вздохнула с облегчением. Ей совсем не хотелось оказаться замешанной в громкий скандал.

Но оказалось, что вздыхала она рано. Скандал все же разразился. Церемония вручения верительных грамот шла заведенным порядком; посол пригласил двор посмотреть на тигра, присланного русским царем в подарок королю. Вот тут-то все и случилось.

Раздался глухой топот, и все увидели маленькую лохматую черную лошадку, словно зажатую между ног всадника. Она скакала вверх по лестнице, и всадник кричал:

— Да здравствует свобода!

В воздухе просвистел кинжал и вонзился в паркет у ног Дорошенко. И лошадка уже скакала вниз.

Французская сторона увидела в этом лишь проявление искусства верховой езды. Русская настаивала на выдаче искусного наездника, косясь

на кинжал, все еще вибрирующий в паркете.

Через переводчика король сказал, что все подданные могут лицезреть своего короля. Появление при дворе иноземцев тоже приветствуется. Досадное недоразумение не имело последствий, всадника поймают и накажут.

Дорошенко настаивал, что слышал венгерскую речь, и находил в случившемся политическую подоплеку.

За словами все забыли о кинжале, и слуга Анжелики, прокравшись сквозь толпу, принес его для своей госпожи. Двор отправился смотреть на тигра. Анжелике, посчитав, что Великая Мадемуазель может нуждаться в ее утешении немедленно, покинула Версаль.

В карете она принялась разглядывать кинжал. Девицы Жиландон с любопытством смотрели на нее. Она спросила, не знают ли они что-нибудь о всаднике. Перебивая друг друга, они рассказали ей, что всадник прорвался сквозь оцепление и скрылся в лесу. Охрана вернулась ни с чем.

Сколько раз еще сможет конь спасти своего господина?

Она вспомнила картинку из книги: гунны на таких вот лошадках осаждают Париж.

— Это ведь Святая Женевьева спасла Париж от нашествия гуннов? — спросила Анжелика.

Одна из девиц посмотрела на нее с изумлением, а Мари-Анн сказала:

— Да, мадам.

Эти девицы, готовые всегда к любому капризу мадам, так же как и к ее улыбке, вдруг показались отвратительными Анжелике. Она едва удержалась, чтобы не отвесить Мари-Анн пощечину. Ей показалось, что та поняла ее порыв, и улыбка девицы бесила Анжелику, казалась наглой. Анжелика едва уняла свое раздражение. Ей хотелось плакать.

В отеле Ботрейи она закрылась у себя, отказавшись от обеда, от чая, от чашки какао. Кинжал Ракоци она положила в шкатулку, где хранила некоторые реликвии из своего прошлого. Шкатулка запиралась, но если бы кто-то нарочно или случайно заглянул в нее, он был бы озадачен выбором предметов, которые маркиза желала иметь под рукой всегда в качестве сувениров. Кинжал занял место в шкатулке. Блеснули камни, украшавшие его.

Анжелика налила себе стаканчик сливовой наливки и выпила.

Два смуглых лица возникли перед ней: Мохаммед и Ракоци, богатство одного и бедность другого. Ей вдруг захотелось легкости и счастливого забвения, которые дарует любовь. Она ведь только женщина, не воин и не трудолюбивый крот. Зачем идти наперекор судьбе? И как долго? Она

налила еще стаканчик. От сладкой жидкости загорелись щеки и согрелись наконец пальцы.

— Король! — сказала она.

Что он хочет от нее? Пешка ли она в его игре или имеет вес самостоятельной фигуры? Опять захотелось плакать, и слезы сами подступали к горлу.

— Я прекрасна! — крикнула она и испугавшись, что это может оказаться не так, бросилась к зеркалу. — Я прекрасна!

И налила себе еще... «Напилась и кричишь... Что же никто утешит тебя? Что же никто не скажет тебе, что ты прекрасна?»

Нечего было и думать, что она сможет уснуть. Она распорядилась подать, экипаж, рассудив, что вряд ли Великая Мадемуазель сейчас крепко спит.

Она не ошиблась. Принцесса заливалась слезами. Подле нее суетились слуги. Вчерашние друзья покинули ее, убоявшись немилости короля. Увидев Анжелику, Великая Мадемуазель зарыдала. Всю ночь они проплакали о Лозене и проговорили о жестокости короля.

Глава 21

В день, когда персидский посол прибыл в Версаль, тысячи тепличных растений расцвели и покрыли лужайки парка настоящим ковром. Пол в зале для приемов был устлан розовыми лепестками. Бактриари Бей проходил по дворцовым залам, которые роскошью могли соперничать с убранством дворцов из арабских сказок.

Из всех дам посол выделял только Анжелику: с таким почтением он обращался разве что к королеве, и наследным принцессам он кланялся не так низко. Может быть, это было сделано намеренно, но впечатление на всех произвело.

Договор о шелке был подписан быстро и на выгодных для обеих сторон условиях. Пожалуй, никто не ожидал такого быстрого взаимопонимания, и сомнений, как и почему оно возникло, не зарождалось ни у кого: Анжелика, прекрасная, как никогда, — вот она, и красавец-посол, не сводящий с нее огромных черных глаз, — вот он.

Уставшая от всеобщего внимания, Анжелика вернулась домой.

Но перед ней, мечтавшей о согретой постели, встал во весь рост офицер королевской охраны, весь забрызганный грязью; он явно прибыл ненамного раньше, чем она.

— Слава богу, я дождался вас, мадам. Вы должны вернуться в Версаль.

— Но я только что оттуда! Неужели нельзя подождать до утра?

— Это приказ короля, мадам. Для вас откроют ворота Сен-Оноре, и я вооружен.

Он предупредил все возможные вопросы: об уже закрытых городских воротах, и том, что в такой поздний час на дорогах небезопасно. Анжелике ничего не оставалось, как закутаться в плащ, устроиться на мягких подушках кареты поудобнее и пуститься в обратный путь.

В окне королевской комнаты металось пламя факелов. Уже начинало светать — едва-едва, и дворец голубой громадой вставал на фоне светлеющего неба.

У короля собралось много народу: Кольбер, де Лион, королевский исповедник Бюссоз, Лувуа, шевалье де Лоррен и другие, и по лицам всех было видно, что люди долго и безрезультатно спорили.

Как только Анжелика вошла, разговоры разом смолкли. Собравшиеся уставились на нее, и на миг она почувствовала себя неуверенно. Не арест

ли это, не допрос ли ей готовят? Но придворный этикет практически спас ее. Она сделала реверанс, и заученное движение дало толчок мысли совсем в другом направлении. Ушла неуверенность, ушла мрачность, и король предложил ей сесть. При свете оплывших свечей король проглядывал какую-то бумагу, по всей видимости, письмо, и Анжелике казалось, что он просто тянет время, не зная, с чего начать.

— Сударыня, — заговорил он наконец. — Господин персидский посол закончил свою миссию очень странным образом. Сам он отправился в обратный путь, а нам оставил довольно странное послание. Касается вас... Впрочем, взгляните.

Послание, написанное рукой поверенного Бактриари Бея Агобяна, содержало выражения благодарности за оказанный прием и доброту короля. Далее следовал перечень подарков, пожалованных королем. Но где же самый главный дар? Где драгоценная бирюза, которую посол желал бы получить лично для себя в награду за успешно завершённую миссию? Из многословного пышного описания бирюзы следовало, что это — Анжелика. Где «нежнейшая лилия Версаля»? Посол выражал надежду, что ему не дадут уехать с пустыми руками. Он не позволит ставить себя в положение осла, которого дразнят морковкой на палке и заставляют идти вперед. Неужели французский король так жаден и желает только для себя иметь сокровище? Или достигнутое соглашение для него ничего не значит?

Тон письма и количество царапающих росчерков не оставляли сомнений в том, какое настроение владело послом, если оно передалось даже переводчику.

— Что все это значит? — спросила Анжелика.

— Вы меня об этом спрашиваете? — сказал король, — Вот именно: что все это значит? Что позволило послу сделать такие странные выводы? Очевидно, ваше поведение, мадам?

— Мое поведение, сир, было поведением женщины, которой предложено было ублажать посла, всячески льстить ему, помогая тем самым заключению выгодного для Франции договора.

— Вы говорите так, будто я толкнул вас в объятия персидского посла!

— Вы высказали очень недвусмысленное пожелание, сир.

— Я высказал пожелание, которое женщиной вашего ума могло быть исполнено и тысячами других способов. Так что же, это правда, вы стали любовницей варвара? Вы скатились до уловок банальной шлюхи? Вы — и враг нашей святой церкви? Да? Отвечайте!

Анжелика с трудом сдерживала усмешку. Она вдруг вдвойне почувствовала сожаление, что в действительности этого не произошло.

— Сир, меня смущают ваши вопросы и окружающие нас люди тоже. На подобные вопросы отвечают лишь исповедникам, сир.

Глаза короля сверкнули. Он встал. Но тут Бюссоз встал тоже и произнес:

— Сир, позвольте мне напомнить вам, что только священнослужителям позволительно вторгаться в тайны человеческой души,

— И королю тоже, если он действует на благо государства и подданных. Перс, посол он или нет, увлекает...

— Ничего такого не было, сир, — сказала Анжелика.

— Рад слышать это!

Бюссоз простер свою епископскую длань и перекрестил Анжелику.

— Одно дело улажено, — заметил он, — Теперь надо уладить другое.

Все заговорили разом; перебивая друг, друга. Посла надо убить; арестовать, стереть с лица земли. Может же он умереть от лихорадки, например.

Кольбер схватился за голову. Это уже ведет к началу военных действий! Когда эти солдафоны поймут значение дипломатии и выгодной торговли для страны? Да и будущее христианских миссий зависит от благополучного решения данного вопроса...

Выход предложила сама Анжелика: чтобы не оскорбить посла, не отдавая ему желаемое, надо написать, что король никак не может выполнить просьбу своего преданного друга, потому что Анжелика является султан-баши короля.

— Что такое султан-баши?

— Это любимая жена султана, сир, без которой немислимо управление страной.

— Если это так, то не задаст ли посол вопроса относительно королевы? Не она ли является султан-баши?

«Не лицемерьте, сир», — чуть не сказала Анжелика.

— Сир, на Востоке часто женятся, на принцессах для продолжения рода чистой крови, но в наложницы берут женщину, может, и не такую знатную, но без которой жизнь султана теряет смысл.

— Какой странный обычай, — заметил король. — Но выбора у нас нет.

Писать письмо взялся Кольбер.

— ...любая другая, самая красивая, самая нежная, самая прелестная... Вам стоит только пожелать...

— Ну-ну, господин Кольбер, — сказал король. — Меня назовут

сводником.

— Сир... — лицо Кольбера пошло пятнами. — Я...

— Надо предоставить господину послу равноценную замену, сир, чтобы он не почувствовал себя обманутым и, разочарованным, — сказала Анжелика.

— Пожалуй, это правда!

Все тело Анжелики ныло, она не спала почти сутки. Мысль о том, что ей придется трястись в карете до Парижа, приводила ее в ужас.

В окошко кареты заглянул де Лион.

— Именно мне король поручил найти достойную замену, — сказал он. — Я решил посоветоваться с вами. Кого вы прочтете в любовницы к персидскому послу?

— Почему бы вам не спросить об этом у вашей супруги, сударь? — Анжелика едва удержалась, чтобы не ответить еще резче.

Де Лион улыбнулся:

— Но вы лучше моей супруга знаете вкусы посла, дорогая. Что он ценил в вас больше всего?

— То, что свойственно мне одной! — резко ответила Анжелика. — Позвольте пожелать вам успеха: полностью меня никто не заменит!

У отеля Ботрейи кучер, сняв свою шляпу, сообщил мадам маркизе, что вез ее в последний раз. Он уже очень стар и служил всегда верой и правдой. Ему очень жаль, но он оставляет службу у мадам дю Плесси.

Глава 22

В день, когда обычно раздавали милостыню в отеле Ботрейи, Анжелика решила привести в порядок свои дела проверить документы, связанные с имуществом дю Плесси-Бельер. Она провела управляющего Давида Шайо, убедилась, что в ее шоколадных лавках все в порядке. Потом поехала к тем, кто ведал ее торговлей с «островами». Двум управляющим имений Филиппа она написала письма. В самом отеле все было нормально: Рожер — прекрасный управляющий, а Барба, нанявшись в свое время со старшими детьми, теперь с тем же заботливым вниманием следила за Шарлем-Анри.

Наступил вечер, пора было раздавать милостыню. Девушки Жиландон приготовили все заранее, еще днем, и Анжелика, взяв корзинку с булочками, а Мари-Анн — корзинку мазей и бинтов, вышли к воротам. Для бедных были выставлены стулья и скамейки, но мест не хватало, и многие толпились у стены. Хлеб Анжелика давала всем, а тем, у кого большое семейство, добавляла колбасы или ветчины для детей. Почти все были ей знакомы, но встречались и новые, особенно больные. Когда она промывала женщине ноги, покрытые язвами и коростами, та как-то странно — с опаской и недружелюбием — смотрела на нее. На руках женщины был маленький ребенок.

— Вы что-то хотите спросить?

Вместо ответа женщина протянула ей малыша. На шее у него были загноившиеся ранки.

— Это нужно лечить, и немедленно! — сказала Анжелика. Но женщина покачала головой и взяла малыша обратно.

Анжелика оказалась в затруднении, но ей помог Черный Хлеб — старый калека, знакомый еще с тех пор, когда она была Маркизой Ангелов.

— Мать хочет, чтобы к ее ребенку прикоснулся король. Ей известно, что ты знаешь короля. Что нужно сделать, чтобы чудо произошло, подскажи ей!

Анжелике очень захотелось исполнить это желание молодой матери. Но согласится ли король? Впрочем, вполне возможно!

Известно, что Хлодвиг — первый христианский король — вылечил своего слугу от какой-то кожной болезни. С тех пор этот дар передается по наследству всем царствующим особам. Во всяком случае, такова молва. Врачевателями считают всех наследников престола во Франции. А сами

короли считают это своим долгом. Почти каждую неделю Людовик принимал десятки больных, и многим его прикосновение принесло исцеление.

«Что ж, надо попробовать помочь бедняжке,» — подумала Анжелика, а вслух сказала, что она поговорит с нужными людьми, и пусть через неделю женщина придет к ней. Эти слова были услышаны окружающими, больные и калеки бросились умолять Анжелику:

— Мадам, помогите нам тоже, пусть король нас излечит! Пришлось пообещать помощь и им.

После этого Анжелика принялась промывать язвы на ногах и теле Черного Хлеба. Он регулярно приходил сюда, и каждый раз маркиза проделывала эту процедуру. Впрочем, старик не понимал пользы от таких омовений и, казалось, лишь удовлетворял желание Анжелики, при этом он рассказывал ей что-либо. Так случилось и на этот раз.

— В Париж я сегодня шел пешком, — начал он. — Как ты знаешь, дорога из Версаля идет по лесу. Так вот, вдруг моя собака залаяла, и на дорогу вышел мужчина, которого я принял за разбойника. Но он подошел и совсем мирно попросил у меня кусок хлеба. Я очень удивился. «Я щедро заплачу», — сказал этот человек и отдал мне два золотых. Конечно, он получил весь хлеб, который у меня был. Потом он поинтересовался, как пройти в Париж. Я сказал, что иду туда же, и мы вместе продолжили путь. В дороге легко разговаривать даже и с незнакомыми людьми, а тут я сказал, что знаю почти всех дворян в столице. Он спросил, не известна ли мне маркиза дю Плесси-Бельер, я ответил, что иду именно к ней.

— Ты ничего не перепутал? — прервала его Анжелика. — Я не знакома с лесными разбойниками.

— Маркиза, я же сказал, что он не разбойник. И если хочешь убедиться, что я говорю правду, спроси у него самого. Он пришел вместе со мной, но не хочет показываться. Посмотри, он стоит в том углу, — и старик указал на мужчину, который действительно пытался скрыть лицо от посторонних с помощью старого плаща.

Анжелика поднялась и подошла к мужчине. Это оказался Ракоци.

— Вы? Но откуда? — у нее, казалось, не было слов, перехватило дыхание. Она притронулась к его плечу и сквозь лохмотья плаща почувствовала его худобу.

— Вам уже все объяснили — из лесу.

Анжелика пыталась вспомнить, сколько времени прошло с тех пор, как русская делегация покинула Версаль. Уже месяц! Кошмар, ведь стоит зима!

Она привела его в дом и поместила в комнату рядом с купальной. Ракоци пытался шутить, с поклоном осведомился о погоде, здоровье, делах. Но домашнее тепло, горячая ванна и сытный ужин сделали свое дело: его разморило, и он глубоко уснул.

Анжелика вышла и решила поговорить с управляющим.

— Рожер, у меня гость, имени которого я вам не назову. Мой долг — сделать так, чтобы отель Ботрейи стал для него убежищем, притом — безопасным.

— Положитесь на меня, сударыня. Я не задам ни одного вопроса и буду молчать как рыба.

— Рожер, на вас я могу положиться. Но сделайте так, чтобы вся наша прислуга поняла, что этого человека как будто нет. Они о нем ничего не знают. И если нам удастся ему помочь, и он покинет отель сам, когда придет время, я всех их щедро награжу. Но если с ним что-нибудь произойдет здесь, я всех рассчитаю. Передайте это слугам.

— Я вас понял, мадам.

Рожер был убежден, что слуге подобает быть слепым, глухим и немым, к тому же он знал, что Анжелика слов на ветер не бросает. Поэтому он заверил ее, что никто из слуг не опозорит ее доброе имя. Поклонившись, управляющий вышел.

Анжелика была в раздумье — как помочь венгру бежать, пересечь границу? Пока она строила планы спасения Ракоци, он отдохнул, облачился в одолженную Рожером одежду и предстал перед Анжеликой, жуя бутерброд. Она стала спрашивать, как он очутился в лесу, где его любимая лошадь и как он жил весь этот месяц. Он объяснил, что, когда сбежал из Версаля, лес был единственным надежным убежищем. К тому же ему посчастливилось обнаружить заброшенную избушку дровосеков, там он прятался от холода. А лошадь ему пришлось прирезать — ее просто некуда было деть и жаль оставлять на съедение волкам.

— Теперь у меня остались только вы, — сказал венгр. — Ни коня, ни кинжала... Одна любовь к вам. Мне хочется обнять вас и согреть своим дыханием. Чтобы оттаяла и ваша душа, как вы дали оттаять моей.

Он вдруг напомнил ей первого мужа — та же смуглость, та же нежность... Только ростом меньше и без хромоты.

Анжелика встала с кресла и прошла в спальню. Ракоци последовал за ней.

Три ночи они провели вместе, три божественных ночи она слушала его признания. Он уговаривал ее выйти за него замуж, удивлялся, какой

юной она кажется — придворная дама, мать двоих детей, один из которых совсем взрослый!

Но счастье было мимолетным. Во время пылких уговоров не расставаться он вдруг напрягся, прислушался:

— Здесь кто-то есть?

Открылась дверь, и в спальню вошел де Лозен в сопровождении королевских мушкетеров. Пегилен прошел вперед и остановился перед Ракоци.

— Именем короля вы арестованы, принц! — произнес эту фразу, он отсалютовал Ракоци шпагой.

Венгр, почти грациозно спрыгнув с кровати, любезно поклонился де Лозену.

— На спинке стула за вашей спиной висит мой плащ. Будьте добры, дайте мне его. Как только я оденусь — я к вашим услугам.

Анжелика от неожиданности, казалось, забыла, что она не одета и во все глаза смотрела на происходящее, как будто видела кошмарный сон.

— Именем короля вы арестованы, сударыня! — де Лозен сказал это, послав Анжелике воздушный поцелуй.

Анжелика находилась в сырой и холодной келье. Кто-то, постучав, вошел. Она не оглянулась и продолжала вышивать. Громкий смех, такой не характерный для этих стен, заставил ее вздрогнуть и поднять глаза.

Молодая монахиня весело смеялась. Анжелика узнала свою младшую сестру — Мари-Аньес.

— Мари-Аньес, это ты? И почему ты так весела?

— Анжелика, милая, ты совсем не похожа на затворницу, а с этой вышивкой в руках выглядишь и вовсе забавно!

— Да нет, я как раз люблю вышивать, только в других условиях. А почему ты здесь? Кто тебя пропустил ко мне?

— Меня никто не пропускал, я здесь живу.

— Значит, я в монастыре кармелиток Святой Женевиевы?

— Да, а ты даже не знала, куда тебя заточили? Впрочем, здесь тоже никому не известно твое имя. Мать-настоятельница разрешила мне посетить даму из высшего света, поэтому я оказалась у тебя. Но уж сейчас ты можешь быть уверена, я хоть чем-нибудь тебе помогу. Анжелика погрузилась в мрачные мысли.

— Вряд ли ты сможешь что-то сделать для меня. Мне уже ясно, что меня собираются содержать очень строго.

— На тебя был донос из Братства Святого Причастия. И мы вынуждены исполнять волю Его Величества — держать заблудшую овечку

подальше от стада.

— Ну тогда мне ясно, откуда узнал король о Ракоци. Но кто же мог сообщить в Братство Святого Причастия? Ты не сможешь узнать об этом?

— Не знаю точно, но постараюсь. Кое-кому из наших сестер известно множество секретов высшего света.

Уже на другой день Мари-Аньес с хитрым выражением на хорошеньком личике сообщила Анжелике, что спасти маркизу от искушений сатаны пыталась мадам де Шуази.

— Как? Но откуда ей знать? — изумилась Анжелика.

— А ты вспомни, кого из слуг ты приняла по ее рекомендации.

— Ну конечно же! Все учителя и наставники моих сыновей — ее протеже.

Монахиня расхохоталась.

— Ну разве можно быть такой наивной, Анжелика! — но тут же стала серьезной и вновь заверила сестру, что попытается помочь ей и узнать, что ее ждет дальше. Через несколько дней к Анжелике пришел с визитом Солиньяк. Поговорив о пустяках, он вдруг спросил:

— Как вы считаете, достаточно ли времени вам отвели на размышления?

— Вы спрашиваете это по поручению короля? А что он хочет предпринять по отношению ко мне?

— Ничего. Вы свободны. По поручению короля я могу сказать только, что вам не следует появляться при дворе. Вы можете жить в своем отеле или уехать в имение, это ваше дело. Но ваша жизнь должна быть абсолютно добродетельна, тогда вы сможете рассчитывать на приглашение ко двору вновь. Вы должны быть безупречны.

— А кто может упрекнуть меня?

Вопрос остался без ответа. Солиньяк поднялся, взял шляпу и как будто чего-то ждал. Анжелика снова склонилась над вышивкой.

— Сударыня, разве вы не поняли, что вы свободны? — не выдержал Солиньяк.

— Поняла, ну и что?

— Я мог бы подвезти вас до дома.

— Благодарю вас, но я не спешу. Мне и здесь хорошо. Пожалуйста, передайте Его Величеству мою благодарность.

Солиньяк поклонился и вышел, ничего не поняв.

Домой она возвращалась пешком, чтобы почувствовать всю полноту своего освобождения. День угасал. Был час сумерек, когда подступающая

темнота набрасывает флер на окружающее — дома, стены, деревья, — и в душу закрадывается грусть. У горизонта еще стояла светлая полоса, но в ясном небе уже мерцали первые звезды. Хотя Анжелику не ограничивали в прогулках по монастырскому саду, и она не все дни проводила за вышиванием, ей казалось, что за оградой монастыря даже грудь дышит полнее. Свобода, свобода! Она наслаждалась этим вечером, как будто ее выпустили из подземелья. И хотя радость опьяняла ее, мысль работала отлажено и четко: Анжелика думала о будущем и вспоминала разговоры с Мари-Аньес.

Анжелика очень возмущалась безжалостностью Братства Святого Причастия и не могла понять, за что они преследуют ее.

— Сейчас мне будет легче избегать их ловушек, благодаря тебе, Мари-Аньес. Ну почему я раньше не обратила внимания на рвение мадам де Шуази? Это она передала мне приказ, что король якобы изгоняет меня из Фонтенбло — все оказалось неправдой. Но я-то, я должна была насторожиться!

— А сейчас Солиньяк что тебе посоветовал?

— Не показываться при дворе и вести добродетельную жизнь, пока король не изволит пригласить меня.

— Анжелика, ты должна все сделать наоборот: сейчас же вернуться в Версаль и непременно увидеться с королем. Насчет образа жизни — это уж твое дело.

— Но если Солиньяк действительно передал приказ короля, то я очень рискую. Его Величество страшно разгневется.

— Ну и что? Рискни, ведь король от тебя без ума, это известно всему Парижу. Он гневается, когда ревнует. Что касается Солиньяка и мадам де Шуази, то они лишь распаляют его гнев, иногда, как ты видишь, весьма успешно. Нет, ты должна снова явиться как ни в чем не бывало и занять прежнее положение в Версале.

— Мари-Аньес, я тебе очень благодарна, если бы ты почаще помогала мне своими советами! Почему ты с твоим умом оказалась в монастыре кармелиток?

— Это давняя история. Помнишь, как ты спасла меня? Я выжила, но моей душе с тех пор нет покоя. Я не считала, что грешу, живя в разврате при дворе. Мне даже нравилось, что ни один мужчина не может пройти мимо меня спокойно. Но у меня был ребенок, и я оставила его Ла Вуазин. А ты ведь знаешь, какое это страшное место. Эти колдуньи на своих тайных черных мессах делают ужасные вещи: они изготавливают снадобья, чтобы приворожить одних и умертвить других. К ним обращаются за помощью

богатые люди, и за вознаграждение эти чудовища готовы на все. Младенцев приносят в жертву дьяволу, из них выпускают кровь, смешивают ее с требухой. Когда я думаю об этом, у меня волосы встают дыбом. Нет, уйти в монастырь — это самое маленькое, что я могла сделать для невинной души своего сына. Я всегда буду молиться за него!

Сейчас, когда Анжелика шла по вечернему Парижу, воспоминания об этом разговоре рождали страх в ее душе. Неужели зло так сильно? И нет в этом городе ни одной чистой души. Тогда небесный огонь рано или поздно поглотит его, и спасения не будет никому.

На улицах горели фонари. Глава полиции Рейни рассчитывал сделать Париж городом чистым, светлым и безопасным. Но что освещенные улицы, когда в душах людей — мрак и злоба?

С этими мыслями она подошла к отелю. Ее встретила Барба и сообщила, что многочисленная прислуга, включая учителей и девиц Жиландон, разбежалась. Осталось лишь несколько человек.

— А где Флоримон?

Барбе ничего не было известно о мальчике, она только сказала, что ему отказано от места при дворе, и он больше не паж. Значит, сила королевского гнева была и в самом деле большой, раз уж пострадал Флоримон.

Единственное, что осталось у нее — маленький Шарль-Анри. Он смотрел на нее своими голубыми серьезными глазами. Но, убитая невзгодами, Анжелика в этот момент даже не смогла приласкать малыша. На нее навалилась усталость, и она побоялась уронить ребенка с колен. Она закрылась у себя в комнате, достала бутылку сливовой настойки и налила полный стакан.

Надо было набраться сил — впереди предстояла борьба. Анжелика упала на колени.

— Боже, пожалей меня! Если будешь казнить этот город, спаси меня. Отнеси туда, где меня ждет любовь...

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.
ЕДИНОБОРСТВО

Глава 23

Анжелика приехала в Версаль в приподнятом настроении и со смутными надеждами. Но в солнечный апрельский день дворец был так хорош, что сомнения и муки поневоле остались за воротами парка, а состояние духа еще более укрепилось.

Однако оказалось, что в данном случае Солиньяк не обманул ее, и никто не решался здесь встречаться с ней, боясь вызвать раздражение Его Величества. Все торопливо здоровались и быстрее проходили мимо. Ей удалось передать письмо Бонтаму, когда они встретились у сквера, он подтвердил все, что было ей сказано Солиньяком.

— Король на вас очень обижен, сударыня. Настолько, что даже упоминать ваше имя нельзя — так он сердится. И вам известно, почему.

— Абсолютно неизвестно. Мне надо повидаться с Его Величеством.

— Сударыня, бог с вами! Ведь он даже слышать о вас не хочет!

Слышать — это одно, а вот если бы он увидел меня! Помогите мне, и вы убедитесь, что я добьюсь прощения.

Бонтам размышлял. Ему было хорошо известно отношение короля к Анжелике. Но как далеко можно зайти, чтобы самому не потерять расположение Людовика?

— Ну хорошо, вы уговорили меня, сударыня. Если он простит вас, то и мне нечего бояться. Только вы встретитесь с ним тайно, я попытаюсь его убедить прийти в грот Тетис, ждите там.

Анжелика направилась к гранитному утесу, где был вырублен грот, и вошла в него. Недаром это место было достопримечательностью Версаля — оно действительно было прекрасным: статуя Аполлона, освещенная солнечным лучом, казалась золотой, журчали фонтаны. Она пыталась успокоиться. Ведь если сейчас интуиция подведет ее, она потеряет все.

Короля она увидела неожиданно, быстро поднялась и даже забыла о реверансе. Его Величество вошел через потайной вход, вид его не обещал ничего хорошего, поздороваться он тоже забыл.

— Сударыня, неужели вы не поняли моего приказа? И как вы осмелились нарушить его? Неужели вам будет лучше, если я сам повторю это при свидетелях, и тогда уж скандал неминуем? Почему вы молчите? Мое терпение не бесконечно!

— Я просто хотела вас увидеть, сир, — тихо ответила Анжелика.

Гнев короля куда-то делся, и он печально произнес:

— Но почему вы так недостойно поступили?

— Сир, я должна была дать пристанище этому человеку. Но ведь я просто женщина. А он был голоден и несчастен. Где он сейчас, сир?

— Так вы пришли сюда, чтобы узнать о его судьбе? — король рассмеялся. — Вы не бойтесь моего гнева, спрашивая о Ракоци? Действительно, вы мужественная женщина. Но о нем вы можете не беспокоиться: он в Венгрии. Его карманы полны золота. Мне нужно, чтобы в центре Европы не было такого сильного союза между императором Германии, венгерским королем и украинцами. Он сумеет посеять смуту между ними, а мне только этого и нужно.

Анжелика была поражена. Значит, она больше никогда не увидит Ракоци, король сделал для этого все. Слезы появились на ее глазах, она прерывисто дышала. Людовик подошел с ней к бассейну, пытаясь ее успокоить.

— Мадам дю Плесси-Бельер, я понимаю, что вы не простите своему королю этого шага, — и тут же добавил мягко и ласково: — Но сейчас вы должны успокоиться, я прошу вас. Мы не должны говорить о вещах, разделяющих нас.

Он погладил ее по голове, вытер пальцами ее лоб — этот жест она любила. Совсем расслабившись, Анжелика подчинилась Его Величеству. Он одержал победу, и они простили друг друга. Они молчали продолжительное время, затем король сказал:

— Поезжайте домой. А в воскресенье я надеюсь увидеть вас здесь. Я не хочу отчаиваться, я постараюсь завоевать вашу любовь. Вы рождены, чтобы повелевать королями. Вы доказали мне, что король, который может все, не может управлять чужим, сердцем. Так вот, я все сделаю, чтобы ваше сердце не было мне чужим. Мы побываем с вами на острове любви — в Трианоне. Там мы будем вдвоем, и не будет ни придворных, ни шума — ведь вы все это так не любите. Пожалуйста, не возражайте мне сейчас. У нас все впереди.

Он бережно вел ее к выходу, держа за руку.

— Ваше Величество, я хотела бы узнать о своем сыне, — промолвила Анжелика.

Король помрачнел и отпустил ее руку,

— У меня всегда неприятности из-за вашего семейства. Я был вынужден лишить его должности виночерпия.

— Это из-за меня?

— Нет. Вы тут не причем. Но его поведение странно само по себе. Он уверял, что меня хотят отравить. Дважды он обвинял Дюшеса — а ведь с

кушанья уже снимали пробу. И в полный голос! Ваш сын в Сен-Клу, с моим братом.

Анжелика побагровела от гнева.

— Мой сын у этого подонка? Это ссылка?

— Сударыня! — возмутился король. — Это мой брат, и я потерплю таких выражений по отношению к нему. Что касается вашего сына — мне жаль, что я вас огорчил. Филипп заступился за него, и я дал разрешение забрать мальчика с собой. Вы, конечно, сейчас захотите поехать к нему?

— Сир, вы должны отпустить меня в Сен-Клу.

— Я это предвидел. Вы даже получите поручение от меня к жене Филиппа, и она задержит вас у себя. У вас будет время повидаться с сыном.

— О, сир, какое великодушие!

— Это просто любовь. Я на все готов ради вас, как видите. Так не играйте же мною!

Поначалу, мирно беседуя с матерью, Флоримон все больше распаялся, пытаясь убедить ее, что он не лжет.

— Клянусь тебе, мама. Я сам видел, как месье Дюшес брал белый порошок, засовывал его под ноготь, потом пробовал вино и только тогда высыпал в него порошок, а уж затем передавал кубок с этим зельем королю. Он хотел отравить его, я знаю!

— Что-то здесь не так. Ведь король даже не заболел!

— А вдруг этот яд действует медленно? Мы ведь не знаем!

— Флоримон, пойми, это очень серьезно, а вокруг короля — преданные слуги.

— Да уж, это-то известно, — мальчик смотрел на нее снисходительно. Она не верила ему!

— Кто мог внушить тебе такую мысль, что короля хотят отравить?

Во дворце все говорят о зельях и яде. Недавно я готовил экипаж герцогине де Витри и слышал, как она говорила с Ла Вуазин. Она просила у старой колдуньи зелья, чтобы приворожить де Вивонна, и яда, чтобы отравить своего мужа, А маркиз де Коссак просил у колдуньи отравы для брата, мне рассказывал его паж. И правда, граф де Клерман через неделю умер, а брат — его наследник!

— Боже мой, Флоримон! Говоря такие вещи, ты постоянно подвергаешь себя опасности. Ну кто же захочет иметь такого пажа!

Флоримон потерял терпение,

— Мама, я говорю правду, но даже ты не хочешь меня слушать!

Оба разгорячились. Сын обиделся. Анжелика была уверена, что он все выдумал, да еще так самоуверенно держится. Она раздраженно обратилась к Ледигье.

— Я перестану уважать в вас наставника моего сына. Посмотрите, как он научился лгать!

— Сударыня, при дворе Флоримон узнал много тайн, и вероятно, решил...

— Но вы должны были научить его держать язык за зубами!

Ее раздражение против Ледигье росло. Ведь он тоже был подослан к ней, чтобы шпионить!

Флоримон немного успокоился и пошел погулять с Маленькой Мадемуазель — дочерью Генриетты Английской.

— Отчего он стал таким, господин аббат?

— Сударыня, Флоримон не лгал никогда.

Вы утратили чувство меры, защищая своего воспитанника.

Аббат сжал руки, он явно волновался.

— Сударыня, при дворе все подозревают друг друга. Ребенок чувствует эту атмосферу и поддается общему настроению. Ему, как и другим, кажется, что вокруг — одни шпионы.

— Ну, уж вы-то в этой атмосфере разбираетесь, — сказала Анжелика, — мадам де Шуази, наверное, щедро оплачивает ваши доносы.

Побледневший Ледигье упал на колени.

— Сударыня, клянусь, я не предавал вас! Да, правда, что мадам де Шуази поручала мне шпионить за вами. Но поверьте, вам я не причинил зла.

— Ну, хорошо, допустим, я поверю вам. Но ведь кто-то донес на меня в Братство Святого Причастия! Пусть не вы, значит, Мальбран? Еще меньше можно в это поверить.

— Нет, это не Мальбран, сударыня. Он очень порядочен и на предательство не способен.

— Ну что ж, значит не вы и не Мальбран. Кто же? Девушки Жиландон?

— Мне точно неизвестно, но я знаю, что в день перед вашим арестом Мари-Анн отлучалась из дому — она ходила к мадам де Шуази.

— Следовательно, это Мари-Анн. Хорошо, я учту. А вы с честью исполнили свой долг. У меня нет сомнений, что вы станете епископом.

— Сударыня, это все очень сложно, самому мне не достичь успеха в карьере — я беден, нужна помощь мадам де Шуази,

Она знала нашу семью — у нас двенадцать детей, я младший. Я был очень старательным в школе, и родители решили отдать меня на учебу

монахам. А когда я окончил образование, мадам де Шуази велела мне сообщать ей обо всем зле, которое я вижу, и я верил, что делаю добро. Но когда я увидел вас, я понял, что доносить на вас не смогу, и что это вообще постыдно. У меня как будто открылись глаза.

Глаза у него были действительно широко раскрыты, и Анжелика увидела в них такую преданность, что ей стало жаль его.

— Я прощаю вас и верю в вашу порядочность. Встаньте же!

— Сударыня, я люблю Флоримона как родного брата. Вы не разлучите нас?

— Нет, пока он с вами, мне спокойно. Но то окружение, в которое он попал здесь, не может внушать доверие. Я знаю испорченность принца и его свиты. Мальчику здесь не место, я боюсь даже, что ему может грозить опасность.

— Да, сударыня, его уже пытался соблазнить Антуан де Морель — это вор и богохульник. Он обучает мальчиков разврату, а потом торгует ими. Но с ним я уже дрался на дуэли и ранил его; а еще мне пришлось, тоже на дуэлях, внушить графу де Беврону и маркизу де Эффье, что Флоримон здесь по указанию короля, и что Его Величество не даст мальчика в обиду. Поэтому сейчас от него отстали, и я думаю, что здесь ему безопаснее, чем в Версале.

— А что, в Версале ему угрожала опасность?

— Там дважды покушались на его жизнь.

— И вы этому верите? Кому нужен маленький паж?

— Но этот паж говорил правду, а она не всем нужна.

— Ну, хватит об этом. Похоже, что вы все там, в Версале, помешались на отравлениях и покушениях. В конце концов, у Дюшеса прекрасная репутация.

— Репутация превосходна у каждого придворного, сударыня, А вот их дела...

— Что ж, возможно, с вашей осторожностью вы и впрямь можете быть ангелом-хранителем Флоримона.

Кто-то постучал в дверь, разговор прервался. Аббат поклонился Анжелике и вышел.

Маркизе дю Плесси-Бельер принесли приглашение от Мадам задержаться в Сен-Клу еще на день. Приглашение Анжелика восприняла как-то безразлично — с сыном она уже пообщалась.

Свита и двор Маленького Мсье пользовались сомнительной репутацией, так же, как и придворные дамы. Маркизе было любопытно увидеть «князя содомитов» — шевалье де Лоррена, фаворита монсеньора.

Она спросила о нем у леди Гордон.

— Как, сударыня, вам не известно, что он в немилости? Мадам, наконец, удалось с помощью короля отправить шеваляе в изгнание. Он в Риме.

Анжелика ночевала в одной комнате с фрейлинами, и леди Гордон допоздна рассказывала ей историю падения де Лоррена.

Утром в дверь осторожно постучали. Анжелика открыла ее и увидела перед собой Мадам, которая и пригласила ее на утреннюю прогулку.

— Составьте мне компанию, маркиза.

Было совсем рано. Над дорожками парка клубился туман. Только-только начинали петь птицы.

— Я плохо сплю, — говорила принцесса. — Долго не могу уснуть, а когда засыпаю, все время боюсь проснуться. В постели я читаю. А вы любите читать?

Анжелика смутилась.

— Не стоит смущаться, дорогая, — вздохнула принцесса. — Читая, вы проживаете выдуманную жизнь выдуманных людей. Многие сильные мира сего читают лишь Библию, а остальные и вовсе не берут в руки книгу... К чему умножать скорбь — грустных вещей хватает и в жизни.

Генриетта Английская шла довольно быстро. Анжелика, закутавшись в плащ, едва поспевала за ней. Они сели на скамейку, и Мадам сразу начала разговор, из-за которого вызвала Анжелику из комнаты.

— Сударыня, вы богаты, я знаю. Кроме того, у вас репутация женщины, умеющей хранить тайны. Поэтому я обращаюсь к вам. Мне очень нужны четыре тысячи пистолей. Взаимы, разумеется.

Анжелика чуть не свалилась со скамейки.

— Не удивляйтесь, сейчас я вам все объясню. Мне необходимо по поручению короля отправиться в Англию, чтобы предостеречь Карла II, моего брата, от опасного союза с монархами Дании, Испании и Германии. Чтобы выполнить эту миссию, я должна быть обольстительной, сорить деньгами, а их у меня нет. Признаться королю в своей бедности я не могу. Но когда я вернусь, он щедро наградит меня.

Мадам говорила довольно бойко, но все же ее смущение чувствовалось. Она избрала верный подход к маркизе дю Плесси-Бельер — сразу раскрыла перед ней все карты, и Анжелика проявила великодушие.

— Ваше Высочество, я не смогу дать вам всю сумму, но три тысячи пистолей могу обещать.

— Дорогая моя, вы меня так обрадовали! Мой брат осыплет меня подарками, ведь он меня очень любит. Я расплачусь сразу же, как только

вернусь, — она озабоченно уточнила: — Я получу деньги до отъезда в Англию, да? Видите ли, ссылка шевалье де Лоррена — аванс за эту миссию. Если она не удастся только из-за денег и это чудовище снова появится в Сен-Клу...

— Обещаю вам, Ваше Высочество, не позднее, чем через неделю три тысячи пистолей вам будут переданы.

Потом они заговорили о Маленьком Мсье. Если бы Мадам с самого начала предполагала, что ее ждет, она никогда не пала бы женой Филиппа. Ей казалось, что монсеньор ревнует ее к ее собственному уму — у нее действительно была репутация умной женщины. Сейчас она не говорила вслух о том, что мечтала быть королевой, это и была ее главная печаль — Маленький Мсье всего лишь брат короля! Но и король, казалось, не пользовался ее уважением. Она считала, что он согласился на ее брак из-за страха перед Карлом II. К тому же он совсем не замечает падения своего брата.

— Ваше Высочество, вы действительно считаете, что король не видит этого?

— Уверена. Ему неприятно, что член королевской семьи занимается развратом. Но ведь именно поэтому ни мой супруг, ни его фавориты не представляют угрозы для трона! Им нужны лишь деньги, чтобы вести эту порочную жизнь. Возможно, мне удастся одержать победу над мужем, но мне так страшно! Уже несколько раз меня пытались отравить. Здесь, в Сен-Клу, меня все ненавидят.

— Мадам, вслух не говорят о таких вещах, это действительно опасно.

— Сударыня, в наше время смерть стала обыденной вещью.

«Господи, и она об этом же!» — Анжелика вспомнила, что ей говорили аббат и Флоримон. Неужели они правы?

— Но мадам, если жить так небезопасно, не следует ли обратиться в полицию?

Мадам, за секунду до этого, казалось, готовая расплакаться от волнения, вдруг расхохоталась.

— Ну, маркиза, вы насмешили меня! К кому обратиться? К этому недоумку де Рейни? Или к Дегре, по приказу которого арестован мой советник? Нет, обращаться к ним — слишком глупо. Да и вообще, помните, дорогая моя, при дворе ждать помощи или обращаться за ней — бессмысленно. Есть только один способ — самой себя защитить. Иначе погибнешь...

Мадам встала, они медленно пошли по аллее. Искусственная улыбка застыла на лице принцессы.

— Как бы мне хотелось навсегда, понимаете? — навсегда! — остаться в Англии!

Глава 24

У отеля Ботрейи опять столпились нищие, которым Анжелика обещала исцеление королевским прикосновением.

— Мадам, когда же король прикоснется к нам?

— Когда он нас вылечит?

Чтобы исполнить обещание, она решила отправиться к мадам Скаррон, которая могла организовать это дело.

Они не виделись уже два года. Изменилась ли Франсуаза за это время? С такими мыслями Анжелика подъехала к домику, где жила вдова.

На ее стук, сначала негромкий, а затем настойчивый никто не отвечал. Интересно, если дома нет хозяйки, то где же прислуга? Не найдя разумного объяснения, маркиза отправилась обратно.

На перекрестке образовался затор из карет, ее экипаж встал. От нечего делать Анжелика разглядывала улицу, а когда взгляд ее остановился на крыльце дома мадам Скаррон, она и с удивлением увидела, что из двери вышла Франсуаза в маске и плаще.

Любопытство Анжелики заставило ее покинуть экипаж и отправить слугу домой без нее. Сама она побежала за Франсуазой вслед. В руках вдовы были две большие корзины, но это не мешало ей идти очень быстро. Около Сите мадам Скаррон наняла экипаж. Чтобы не привлекать внимания, Анжелика решила экипаж не брать, но постараться не отставать. Правда, они двигались так бесконечно долго, что она пожалела о своем поспешном решении. Замедлив шаг, чтобы хоть чуть-чуть передохнуть, она потеряла экипаж из виду. Но совсем неожиданно он выехал из какого-то закоулка и оказался пустым, вдовы не было.

Тогда Анжелика остановила экипаж, дала его хозяину монету, и он без промедления указал, где высадил даму.

Это был один из новых домов, которые в последние годы строились на окраинах Парижа, с несколькими подъездами. Анжелика постучала в дверь молоточком, долго ждала, наконец, женский голос поинтересовался, кто она и что ей здесь нужно.

— Мне нужна мадам Скаррон.

— Здесь такой нет.

Любопытство в этот момент было самым сильным чувством, и оно подсказало ей, как приблизиться к разгадке тайны. Она хорошо знала мадам Скаррон, и потому ей был известен способ заставить ту обнаружить

себя.

Анжелика с силой застучала в дверь, уже не пользуясь молоточком.

— Кто там? — глазок открылся, и девушка возмутилась: — Я же вам сказала, что здесь нет мадам Скаррон.

— Тогда передайте ей, что ее вызывают по поручению короля.

Запоры открылись, дверь распахнулась. На верхней ступеньке стояла испуганная мадам Скаррон.

— Анжелика, это вы? Что-то произошло?

— Вы меня спрашиваете, как будто не рады нашей встрече! А я так устала, пока догнала вас!

Говоря это, Анжелика поднималась по лестнице. Оказавшись рядом с Франсуазой, она поцеловала ее.

— Но что случилось? Почему король послал вас? Что заставило его изменить указание?

— Франсуаза, это я должна опрашивать. Почему вы так себя странно ведете? Почему вы мне не рады? Обиделись? Но давайте хотя бы сядем — не стоять же нам здесь.

Однако мадам Скаррон решительно загородила ей дорогу и даже раскинула руки, не подпуская к двери.

— Сначала скажите, зачем король послал вас? Что он передал?

— Бог с вами, я совсем не от него. Просто мне нужно было увидеть вас, а дверь не открывали, вот я и упомянула короля. Не сердитесь на меня.

Тут мадам Скаррон, закрыв руками лицо, расплакалась:

— Это конец! Я погибла! Вы пришли сюда, а сюда никто не знает дороги. Ну что, теперь-то уж входите... — она действительно выглядела обреченной.

Войдя в комнату, Анжелика увидела колыбель с малышом, которому было несколько месяцев. Он улыбался и махал ручонками.

— Франсуаза, бедняжка! Так вот что за тайна у вас! Ну уж на меня-то вы можете положиться, ваш секрет останется и моим секретом. А какой славный у вас малыш!

Франсуаза, немного придя в себя, отрицательно покачала головой.

— Нет, Анжелика, вы посмотрите внимательнее на ребенка. Сразу увидите...

Глаза у мальчугана были голубые и очень знакомые. Анжелика догадалась:

— Это ребенок мадам де Монтеспан и короля!

— Вот видите, его нельзя показывать — сразу всем все становится ясно. Представляете, в каком я положении? Если бы не король, конечно, я

бы не согласилась. Но он попросил. Никто ничего не знает, все делалось под большим секретом. А если станет известно кому-нибудь, мне несдобровать...

Они сели на софу и, когда волнение улеглось, мадам Скаррон спокойно обо всем рассказала.

— Ведь мадам де Монтеспан замужем, и ребенок должен принадлежать ее мужу. Но у него такой характер, вы же знаете. И раз уж решили все сохранить в тайне, то Лувуа порекомендовал меня королю. Я и комнату сняла под чужим именем, и детские вещи покупала через подставных лиц. Живу теперь почти взаперти, нигде не бываю и при стуке в дверь трясусь от страха. Я прячу малыша, а летом надо будет везти его на воды, лечить — он родился с вывихом бедра. Но это еще не все — скоро появится второй, и опять на мою голову.

— Так это правда, что Атенаис беременна?

— Правда, и она в отчаянии. Конечно, зная ее мужа... Тут послышался стук в дверь. Они недоговорили. На Лестнице звучал голос мадам де Монтеспан.

— Спрячьтесь! — и мадам Скаррон открыла дверцу шкафа.

— Не сходите с ума, Франсуаза! Вам нечего бояться. Я все объясню Атенаис, мы ведь не враги.

Подобно фурии ворвалась в комнату мадам де Монтеспан, на ходу снимая перчатки.

— Это переходит всякие границы! Они встретились в гроте Тетис, мне сообщили...

Она осеклась, увидев Анжелику; сама ситуация от неожиданности казалась неправдоподобной.

Воспользовавшись ее замешательством, Анжелика учтиво промолвила:

— Простите меня, Атенаис. Входя сюда, я не предполагала, что это ваш дом. Уверяю вас, что мадам Скаррон здесь ни при чем. Она преданно хранит вашу тайну. Я проникла, сюда без ее помощи.

— Вот в это я верю! — Атенаис нервно засмеялась и стала снимать туфельки из розового атласа, которые были тесны и оттого ее ноги устали. — Я знаю вас, ваше безмерное любопытство. Вы за всеми шпионите, как лакей, подглядывающий в замочную скважину. Вы были шоколадницей, лавочницей я останетесь.

Анжелика, повернувшись, направилась к двери. Скандала она не хотела, но позволять себя оскорблять — тоже.

— Подождите! — голос Атенаис звучал так повелительно, что она

подчинилась.

Медленно повернувшись к мадам де Монтеспан, Анжелика сверху вниз смотрела на нее холодным взглядом своих прекрасных зеленых глаз.

Мадам де Монтеспан несколько убавила свой гнев; ей удалось даже чуточку приглушить голос.

— Мадам дю Плесси-Бельер — прямо как королева! Какое чувство собственного достоинства! Даже король сказал мне о вас: «Она так редко улыбается, а между тем может веселиться по-детски. Вероятно, наш двор — грустное место». Вот какими словами вы вынудили говорить Его Величество! Я однажды сказала ему, что все ваши тайны происходят от невзгод того времени, когда вы торговали собой в грязных притонах. И он вступился за вас! Он ударил меня! Меня — урожденную де Мортемар! Ну ничего, на следующий день вы были застигнуты в постели с этим венгром — здесь я взяла реванш!

Заплакал ребенок, и мадам Скаррон понесла его к няньке. Вернувшись, она застала Атенаис в еще более сильной истерике.

— Но и этот случай не излечил короля! Его любовь может перенести и не такой удар. Заточив вас в монастырь, он наказал самого себя. А всю злобу от бессилия что-либо изменить он вымещал на мне. Он вспоминает о вас постоянно! «Надо бы посоветоваться с мадам дю Плесси-Бельер...» — его любимая фраза. Но он же никогда не советуется с женщинами! А у вас он готов спросить, как ему поступать даже в государственных делах. Он относится к вам как к мужчине! — последние слова она выкрикнула почти через силу.

— Но это могло бы вас утешить, — удалось вставить Анжелике.

— Нет, потому что только с вами он так почтительно обращается!

— Не только со мной. Он доверил Мадам дипломатическую миссию в Англии.

— Но Мадам — дочь короля! И кроме того, именно за ее ум он ее ненавидит. Она надеется завоевать его признательность, но напрасно. Король терпеть не может умных женщин! Вы — исключение!

Мадам Скаррон, улучив момент, попыталась внести в перепалку миролюбивые нотки.

— Да никакой мужчина не любит умных женщин! Вы, дорогие мои, спорите из-за ничего. Королю, как и всем мужчинам, нравится разнообразие, выбор у него есть. С кем-то он любит болтать о пустяках, а с кем-то — обсуждать серьезные вещи, а еще с кем-нибудь — просто молчать. Атенаис, вы делаете ужасную ошибку, пытаетесь удержать и захватить все. Довольствуйтесь тем, что есть, иначе можно всего и

лишиться. Представьте себе, что он вас забудет ради новой дамы, обольстившей его сердце.

— Вы правы, как всегда, — заметила Анжелика. — И я помню, что колдунья предсказывала вам, Франсуаза, стать женой короля. А мы с Атенаис останемся ни с чем. Но когда вы станете королевой, не забывайте нас.

Она накинула плащ и хотела уйти. Но Атенаис резко схватила ее за запястье.

— Нет, я не отдам вам короля! Я не признаю поражений. Он мой! И если мне не удастся вытравить вас из его сердца, я уничтожу вас. Знайте это!

Выкрикивая угрозы, она впиалась ногтями в руку Анжелики. От внезапной боли Анжелика как будто взорвалась изнутри, и все бранные слова, которые она слышала в свое время в трущобах и притонах Парижа, она выплеснула на мадам де Монтеспан.

— Перестаньте! — крикнула мадам Скаррон. — Вы обе ведете себя как базарные торговки! Помните, что вы знатные дамы, и что мы все трое из Пуату!

То ли упоминание о родных местах, то ли сравнение с торговкой заставило Атенаис отступить. Она рухнула в кресло и забилась в истерике.

Подав мимоходом ей воды, Франсуаза Скаррон поспешила в прихожую за Анжеликой — она была великая дипломатка и не хотела терять расположение ни бывшей королевской фаворитки, ни будущей.

— Анжелика, будьте осторожны, она очень уж ненавидит вас. И знайте, я всегда буду вам предана.

Анжелике вспомнилось, как Мадам говорила об окружающей ее ненависти. И ее постигла та же участь... Казалось, ненависть была везде.

Глава 25

В воскресенье после мессы король должен был выполнить свой долг — прикоснуться к больным, которые в надежде на исцеление ожидали королевской милости вдоль лестницы, ведущей в оранжерею.

Свита следовала за Его Величеством. Анжелика находилась среди придворных, где не оказалось ни королевы, ни мадам де Монтеспан. К Анжелике присоединилась мадемуазель де Ла Вальер, обрадовавшись, что подруга снова здесь. Никто не сомневался, что король по-прежнему расположен к маркизе — такие откровенные улыбки он посылал ей.

Когда все отправились в рошу Марса, Анжелика увидела мадам де Монтеспан в сопровождении маленького негритенка; он нес ее зонтик.

По ступенькам к фонтану сбежала собачка королевы, затем карлики, угрюмые и безобразные. Они танцевали сарабанду. За ними следовала столь же угрюмая королева. Веселый лай собачки и грубые крики карликов заглушались музыкой оркестра.

Анжелика стояла рядом с королем и держала в руках блюдце со щербетом. Его Величество смотрел на нее, совсем не скрывая восхищения.

— Какая радость видеть вас! И вместе с тем какое это мучение! Я хочу поцеловать вас в трепещущую жилку на шее, но не имею возможности. У меня в душе звучит музыка. Когда я рядом с вами, мне тепло. Мне необходимо слышать ваш голос и видеть ваш взгляд. Как я хочу оказаться рядом с вами, вдвоем, чтобы никто не мог нарушить наше уединение. Как счастлив я был бы...

Его лирический монолог был прерван звоном разбившегося блюдца. Как будто кто-то вытолкнул блюдце со щербетом из рук Анжелики — она ничего не поняла. Дюжина придворных бросилась к ней, вытирая платками ее платье и поднося воду.

Все отправились на лужайку, где еще светило солнце. Барка роль подозвал Анжелику и подвел ее к тому месту, где разбилось злополучное блюдце. Маленькая собачка королевы дергалась в агонии.

— Видишь, Маркиза Ангелов? Я предупреждал тебя — будь осторожна! Бедный пес попробовал щербет — и вот результат. Конечно, ты бы умерла не так быстро — только к утру, проведя ужасную ночь.

— Баркароль, ты сошел с ума!

— Почему ты не веришь, когда доказательства перед глазами? Я специально подтолкнул твою руку, чтобы ты не успела отведать

отравленное угощение. Его отведала собачка, ты же видела.

— Ничего я не видела, а собаки едят что попало. И кто может быть заинтересован в моей смерти?

— Ну и вопросы ты задаешь! Или тебе кажется, что мадам де Монтеспан испытывает благодарность, когда видит, какие взгляды на тебя бросает король?

— Нет, Баркароль, это невозможно. Да, она злая, но на это она не способна.

— А я точно знаю, что это она, — Баркароль взял труп собачки и бросил его подальше в кусты. — Мне все рассказал Нааман, ее негритенок Мадам полагает, что он не понимает по-французски, и ведет в его присутствии любые разговоры. Вчера к ней пришел Дюшес. Когда они говорили, Нааман услышал твое имя и стал прислушиваться. Он очень любит Флоримона и помнит, что ты — его первая хозяйка. Так вот, она сказала Дюшесу, что завтра все должно быть кончено, его задача — поднести маркизе напиток или кушанье с ядом. Он спросил, где она взяла яд. «У Ла Вуазин. Ее снадобья безотказно действуют». Нааман все понял, он только не знает, кто это — Ла Вуазин. Но мы-то с тобой знаем.

Анжелика вспомнила, что ей рассказывал о Дюшесе Флоримон.

— Если это правда, значит, мой сын не лгал? Он считал, что Дюшес хотел отравить короля, но зачем?

Баркароль немного подумал.

— Нет, скорее не отравить, а приворожить. Но зелье тоже брали у Ла Вуазин. А сейчас давай уйдем, пока нас не застал здесь Дюшес.

Стало совсем темно, но рядом был Баркароль, и маркиза не боялась, несмотря на тягостные разговоры,

— Что ты думаешь предпринять, Маркиза Ангелов?

— Понятия не имею.

— Ты должна отомстить. Помнишь — «око за око»? От Дюшеса надо избавиться, но это не проблема, тебе стоит лишь захотеть, и в него вонзят кинжал темной ночью.

Анжелика вся дрожала, но может быть от вечерней сырости. Карлику она не ответила.

— Маркиза, ты не можешь уступить ей, — продолжал Баркароль. — Она будет вертеть королем — у нее в услужении сам сатана!

Через несколько дней на пышный праздник в Версаль прибыли Маленький Мсье с Мадам и их двор. Флоримон увидел мать, беседующую с Его Величеством, и издали поклонился. Она кивнула ему, а король

подозвал мальчика.

— Ну как дела, перебежчик? — спросил он у Флоримона. — Тебе нравится у монсеньора?

— Сир, в Сен-Клу двор очень хорош, но Версаль мне больше по душе.

— Ты откровенен, малыш. А чего тебе не хватает вдали от Версаля?

— Вашего Величества. И еще — этих фонтанов.

Для Людовика похвала его фонтанам была приятнее любой лести в его адрес.

— Если ты перестанешь мне лгать, я сделаю так, чтобы ты вернулся сюда, к этим фонтанам.

— Вы хотите сказать, что я должен научиться молчать, — глядя прямо в лицо королю, ответил Флоримон, — но не перестать лгать. Я и без того никогда не лгал.

Король нахмурился. Обернувшись к обеспокоенной Анжелике, он промолвил;

— Я уже говорил однажды, что ваш сын не похож на вас. Но это только внешне. По его ответам я чувствую, что это ваша порода. Да и взгляд! Кроме вас, никто не смеет так смотреть на короля.

— Простите, сир, — смиренно сказала маркиза.

— Что? За кого вы просите прощения? Еще неизвестно, где правда. Пожалуй, надо допросить Дюшеса. Его здесь никто толком не знает, а при дворе он по рекомендации мадам де Монтеспан.

Уже вечером Анжелика стояла в коридоре и молча смотрела в темное окно. Вдруг она почувствовала, что кто-то тербит ее за юбку, обернулась и увидела негритенка в белом тюрбане.

— Ма-ам Плесси! — его глазенки, как всегда, блестели. — Ма-ам! Мальчик умер!

Она не сразу разобрала, что он говорит.

— Флоримон! Мальчик! Заболел!

Имя «Флоримон» она разобрала и всполошилась:

— Где Флоримон? Что случилось?

— Не знаю, ма-ам.

Анжелика побежала на северную террасу к аббату Ледигье и застала его за беседой с мадам де Монблан. — Аббат! Вы не видели Флоримона?

— Он был здесь, мадам, но его послали на кухню зачем-то, а он очень любит быть полезным.

— Нет! — кричал Нааман. — Он говорил: «Я избавился от мальчика, будьте уверены».

— Вы слышите, аббат? — Анжелика была испугана и не знала, что предпринять. — Негритенок говорит правду. Вы видели, куда он побежал?

— На кухню, — волнение Анжелики передалось и аббату, — по лестнице Дианы, это ближе.

Нааман дико вскрикнул и подскочил.

— Лестница Диана, плохо, плохо, — и рванул ко дворцу. Анжелика и аббат мчались за ним.

Стражник у южного крыла переспросил:

— Паж в красной одежде? Да, он пробежал здесь, я хотел его остановить — эта лестница разобрана.

— Флоримон об этом не знает, — прошептал аббат. И вместе с Анжеликой помчался по лестнице вслед за Нааманом.

— Подождите! — крикнул стражник. — Я зажгу фонарь, иначе вы все свалитесь вниз. Хорошо бы найти приставную лестницу, она где-то здесь.

Анжелика спустилась вниз, обессиленная и почти уверенная, что Флоримона убили. Аббат со стражником помогли ей сесть на скамейку, — по коридору шла девушка, остановилась и увидев, что мадам плохо, предложила ей нюхательную соль.

— Мой мальчик, — шептали губы Анжелики.

Вдруг раздался топот, и из коридора выбежал Флоримон. Он бы так и промчался, не заметив их в темноте, если бы стражник не остановил его.

— Я опаздываю по поручению господина Карапорта, не задерживайте меня!

— Флоримон! — на пути мальчика встал Ледигье. — Сюда нельзя, ты разобьешься.

Выяснилось, что мальчик задержался, потому что встретил здесь, в коридоре, герцога Анжуйского, полуторагодовалого сына короля. Мальш убежал от няnek и гулял свободно по лабиринтам дворца. Флоримон, сообразив, что ребенка, наверно, ищут, подхватил его и отнес к нянькам. А сейчас, сломя голову, мчался выполнять поручение Карапорта.

— Мальчик мой, если ты погибнешь, я не переживу этого, — Анжелика притянула Флоримона к себе и поцеловала его.

— Кто послал тебя на кухню? — аббат хотел докопаться до истины.

К живописной группе подошел Мальбран, учитель фехтования. Ледигье кратко рассказал ему о покушении на Флоримона.

— Флоримон, а Карапорт не предупредил тебя, что по этой лестнице нельзя ходить?

— Нет, он сказал: «По лестнице Дианы путь короче, ты быстрее добежишь».

Мальбран нахмурился.

— Нам с Флоримоном лучше уехать в Сен-Клу, мальчику там безопаснее.

Анжелика улыбнулась.

— Ну вот! Уже Сен-Клу кажется для ребенка безопасным местом!

— Главное, быть подальше от Дюшеса.

Мальбрану она доверяла. Если он так считает, то, скорее всего, он прав.

— А Дюшеса я поймаю, и уже тогда ему несдобровать. Нужен только подходящий момент.

Флоримон понял, что его жизни угрожала опасность.

— Это лакей подслушал, когда я сказал королю, что не лгал насчет Дюшеса.

— Но ведь ты выполнял поручение Карапорта.

— Да, а Карапорт служит у Дюшеса, ну, или подчиняется ему. Значит, я мешаю старому Дюшесу.

— Ох, Флоримон, если бы ты научился молчать! — и Анжелика снова принялась целовать сына. Тут она вспомнила слова Баркароля о Дюшесе. Избавиться от него действительно было бы несложно, если нанять убийцу...

Добравшись до своей комнаты, Анжелика удобно расположилась в кресле и продолжала размышлять о тех же проблемах. Опасности в Версале подстерегали на каждом шагу, кругом, казалось, была ненависть, зависть. Конечно, хорошо, что есть еще и преданные слуги, но, как показал опыт, поверять можно далеко не всем. Вдруг она почувствовала какой-то шорох и вздрогнула. Совершенно незаметно в комнату пробрался Баркароль. Внимательно и очень серьезно посмотрев на нее, он промолвил:

— Пойдем со мной, ты узнаешь кое-что очень важное.

Они прошли в потайную дверь. Карлик прекрасно ориентировался в темноте, крался по коридору, как кошка, бесшумно.

— Мы пришли. Будь осторожна, если тебе дорога жизнь. Ты увидишь такое, что и присниться не может. Ты наша сестра, поэтому я привел тебя сюда. Но любой звук станет для нас с тобой смертным приговором.

— Я буду молчать.

Баркароль пальцем поскреб по стене, отыскивая дверь, нашел ее и слегка подтолкнул. Дверь чуть-чуть отворилась, и Анжелика вплотную приникла к узенькой полоске света, вглядываясь внутрь.

Из комнаты доносилось пение, похоже на церковное, сама обстановка

была богатой, даже роскошной. Вокруг котелка двигался, что-то бормоча, высокий худой человек ужасного вида. На нем была белоснежная риза, а к ней пришиты еловые шишки. Лицо его имело нездоровый цвет, один глаз закрыт, а второй косил. Неподалеку сидел на корточках еще один мужчина, размахивая требником, и тоже что-то бормотал.

Женщины стояли на коленях. Когда Анжелика увидела среди них колдунью Ла Вуазин, ей стало дурно, но Баркароль сжал ее руку, подбадривая:

— Не пугайся, ты ее видишь, а она даже не подозревает, что ты здесь.

— Эта колдунья — суций дьявол, — прошептала дрожащая от ужаса Анжелика.

— Да нет, дьявола ты не видела, мы пришли к окончанию действия. Смотри, смотри!

К мужчине в ризе подошла женщина и опустилась на колени. Мужчина протянул ей книгу. Она откинула вуаль и положила руку на книгу. Анжелика ужаснулась: это была мадам де Монтеспан! Эта образованная дама из высшего света повторяла, как примерная ученица, нелепые слова молитвы:

— Во имя князей тьмы Астрея и Асмодея я прошу вечного расположения Его Величества. Я прошу, чтобы король оставил постель королевы и всегда был со мной. И пусть пропадут все мои соперницы — настоящие и будущие!

Мадам де Монтеспан была совсем не похожа на себя — она казалась жалкой, беззащитной, униженной.

Из котелка поднялся густой пар, и комната, казалось, погрузилась в туман. Мужчина, бормотавший, вероятно, псалмы, замолчал и положил требник на пол. Ла Вуазин поднялась и окликнула девочку лет двенадцати:

— Марго, корзину! — и тут же повернулась к мадам де Монтеспан. — А вот этим подарком вы будете довольны и, надеюсь, хорошо нас отблагодарите.

Девочка вынула из корзины ночную сорочку Анжелики. Ла Вуазин сказала дочери:

— Не держи ее голыми руками! Я же принесла листья платана, — и обернулась назад. — Тереза!

Вошла девушка — одна из служанок Анжелики: Дальнейшие указания Ла Вуазин давала ей: обращаться с отравленной сорочкой осторожно, защищать руки листьями платана. «Церемония» была закончена, задули свечи, начали расходиться. Анжелике хотелось крикнуть им что-то обличающее, но карлик взял ее за руку:

— Пойдем, мы узнали главное — то, что касается тебя.

В комнате Анжелики Баркароль чувствовал себя как в своей — он достал из буфета стаканы, сливовую настойку и налил.

— Надо выпить. Ты не привыкла к таким сценам в отличие от меня: я два года служил у Ла Вуазин. Надеюсь, теперь ты убедилась, что мадам де Монтеспан желает твоей смерти? Ведь до сих пор ты не верила мне. И твоя Тереза для тебя опасна, тебе надо от нее избавиться.

— Спасибо, Баркароль, теперь я не попадусь на их уловки, — она выпила сливовую настойку и поставила стакан на столик. — А кто такой этот священник в ризе?

— О, это страшный человек! Аббат Гибур. Он готовит снадобья из крови младенцев.

— Не надо, не говори об этом! Анжелика была в ужасе.

— Ты многого не знаешь. В специальной печи Ла Вуазин сжигает тела младенцев, говорят, уже тысячи две сожгла или больше, а из пепла делает зелья.

— Прекрати! — не выдержала Анжелика.

С каким-то мерзким хихиканьем карлик выскочил из комнаты.

Когда Анжелика сидела у туалетного столика, в комнату вошла Тереза. Она поправила подушки, откинула одеяло и аккуратно разложила на постели розовую сорочку. Анжелика молча смотрела на нее в зеркало.

— Тереза!

— Слушаю, мадам.

— Я довольна твоей работой, и мне хочется отблагодарить тебя. Скажем, подарить тебе что-нибудь. Например, вот эту сорочку, которую ты только что принесла. Думаю, что она тебе подойдет. Возьми ее.

С этими словами маркиза повернулась к служанке, которая стояла как вкопанная, с выражением ужаса на лице.

— Ну почему же ты не берешь ее? — Анжелика поднялась и медленно подходила к девушке, — Покажи-ка мне свои руки, мерзавка!

Листья платана выпали из рук Терезы.

— А-а, листья платана! — Анжелика топтала их, и тут же ударила Терезу. — Убирайся вон! Твой хозяин — дьявол! Только ему ты можешь служить!

Громко рыдая, девушка убежала. Анжелику трясло, как в лихорадке.

Вошла Жавотта с подносом в руках. Видя, что хозяйка молча стоит и не замечает ее, она тихо переставила блюда с кушаньями на стол, взяла поднос и направилась к выходу. — Подожди, Жавотта! — остановила ее

хозяйка. — Скажи, ты до сих пор любишь Давида Шайо?

Девушка смутилась, покраснела.

— Да, мадам, но я его очень давно не видела. Наверное, он и не взглянет на меня теперь, — горестно вздохнула служанка. — Он стал владельцем ресторана. И сейчас он может жениться на дочке нотариуса, — последние слова прозвучали особенно грустно.

— Почему на дочке нотариуса? Ведь ты нравилась ему, я помню. И вообще ты ему больше подходишь.

— Я слишком бедна для него теперь, мадам.

— Ну, это мы решим. Я назначу тебе ренту и дам хорошее приданое. Давид поймет, что ты для него гораздо лучшая партия, чем чья-то избалованная дочка. Да, Жавотта, а ты честная девушка?

— Конечно, мадам. Я молюсь Пречистой Деве и прошу ее оградить меня от лакеев, они такие нахальные. Да и дворяне тоже... Иногда так тяжело...

Анжелика прижала ее к себе. Трудно сохранить честность бедной сироте в этом разврате!

— Иди, Жавотта. Завтра же я повидаюсь с Давидом и все улажу.

Глава 26

На следующий день, возвращаясь из Парижа в Сен-Жермен, Анжелика увидела впереди своего экипажа карсту, съехавшую в канаву, и около нее девушку, по одежде — из прислуги дома де Монтеспан. Она узнала мадемуазель Дезиль и помахала ей.

— Мадам, мне так не повезло! — сбивчиво рассказывала девушка. — У меня срочное поручение от мадам, а здесь такое несчастье, и я уже полчаса торчу на одном месте. Мне нужно встретиться с одним человеком, он кое-что передаст для мадам де Монтеспан. А если я опоздаю, он может просто уйти, и мне здорово попадет.

— Ну так садитесь в мой экипаж.

Анжелике давно хотелось установить связь с кем-нибудь из прислуги де Монтеспан. Случай, казалось, помогал ей сейчас в этом.

— Вы очень добры, мадам.

Девушка села рядом с Анжеликой, и экипаж тронулся. Пока маркиза дю Плесси-Бельер обдумывала, как ей лучше привлечь, а точнее, купить горничную своей соперницы, они подъехали к месту, где у мадемуазель была назначена встреча. Анжелика приказала кучеру остановить экипаж. Дезиль спрыгнула на дорогу, а из зарослей кустарника вышла скромно одетая девочка и передала ей маленький пакет, Дезиль сунула ей в руку увесистый кошелек — это Анжелика видела. Если в кошельке золото, а не серебро, то мадам де Монтеспан дает свое горничной очень дорогостоящие поручения!

Дезиль что-то шепнула, и девочка скрылась.

«Дорого же стоит этот пакетик», — думала Анжелика, пока экипаж разворачивался на узкой дороге. И тут она вспомнила, что эту девочку видела сегодня ночью на шабаше ведьм. Это же дочка Ла Вуазин! Значит, в пакетике какое-то колдовское снадобье. Может быть, яд. Для кого?

От волнения она раскраснелась, а Дезиль показалось, что ей стало дурно.

— Мадам, что с вами? Вам плохо? Может, надо расстегнуть булавки? Давайте, я помогу!

— Да, пожалуй, ослабьте мне шнуровку.

Дезиль умелыми руками справилась с корсетной шнуровкой. «Интересно, знает ли она, что в пакете? Впрочем, совсем: не обязательно. А вдруг здесь яд, которым Атенаис хочет свести меня в могилу? И я сама

помогаю ей его доставить».

Анжелика поблагодарила девушку за помощь и отметила, что она очень искусна.

— Вы очень добры, мадам.

— Но еще большее искусство вы проявляете в карточной игре, я заметила, — тон Анжелики казался мягким, даже вкрадчивым. — Вы так умело обыграли в понедельник герцога де Шольне, что его просто жаль. Не расскажете ли вы мне, кто научил вас мошенничать?

Девушка побледнела, потом ее лицо покрылось красными пятнами.

— Это неправда, мадам, я не мошенничаю.

«Ну, конечно, она себя выдала. Правильно я считала, что у нее слабый характер». Анжелика взяла ладонь девушки в свою руку и погладила кончики пальцев.

— Но ведь я права, — сказала она довольно резко. — На ваших пальчиках такая нежная кожа. Я знаю, вы специально шлифуете их кусочком замши, чтобы повысить чувствительность. Наколки на картах можно почувствовать только такими нежными руками. Грубая кожа герцога де Шольне не различит крап, и он не предполагает, каким образом вы обыграли его. Но думаю, что он подозревает вас в нечестной игре, и будет доволен, если его деньги к нему вернуться.

Нечестная игра в карты считалась самым большим позором при дворе. А девушке незнатного происхождения, уличенной в шулерстве, рассчитывать на прощение и вовсе не приходилось.

— Мадам, не губите меня! — Дезиль готова была упасть на колени прямо в карете, но Анжелика удержала ее.

— Зачем мне вас губить? И маркиза умолкла.

Но Дезиль все больше нервничала. Она рассказала, что мать ее была горничной в игорном доме. Она незаконная дочь и не знает отца. Еще в детстве она усвоила не только правила игры в карты, но и приемы шулерства.

— Но, мадам, поверьте, я не всегда мошенничаю. Сейчас у меня много долгов, и я все отдам, что выиграла у герцога. А попросить у хозяйки я не могу.

Анжелика достала тяжелый кошелек и положила ей на колени. Дезиль отчетливо поняла, что она в руках мадам дю Плесси-Бельер.

— Что я должна сделать для вас, мадам?

С Дезиль слетел весь лоск, которым так отличались слуги Мортемаров. Она даже стала не такой хорошенькой, как только что, и заговорила с интонациями простолюдинов, пользуясь не «изысканными»

оборотами речи.

— Во-первых, покажи, что в пакете, который ты сейчас получила.

Девушка послушно развернула пакет, в нем оказался флакончик с какой-то жидкостью.

— Для кого этот яд?

— Я не понимаю вас. Почему вы думаете, что это яд?

— Если вы не знаете, Дезиль, то я объясню. Мадам де Монтеспан дважды предпринимала попытку отравить меня. Что помешает ей сделать это в третий раз? Тем более, что флакон вам передала дочь колдуньи, я же видела.

— Мадам, мне известно, что я везу зелье от колдуньи, но я не представляю, для кого оно.

— Значит, ваша задача узнать это. В случае, если мне будет угрожать опасность, вы должны предупредить меня.

Девушка протянула руку за флаконом, но Анжелика не выпустила его из ладони. — Он останется у меня, так мне будет безопаснее.

— Но, мадам, как же я вернусь без него? Что я скажу хозяйке? Ведь деньги за него отданы, да и так станет известно, что флакон мне передали. И кроме того, вы напрасно боитесь — здесь не яд, это безвредно.

— Ах вот как! Тебе все-таки известно, что это и для кого! Отступить Дезиль было некуда.

— Это зелье, чтобы приворожить короля.

— А в кубок королю его должен добавить Дюшес?

— О, вы и это знаете, мадам! Не зря мадам де Монтеспан полагает, что вы — колдунья. Я слышала, как она сегодня сказала Дюшесу: «Или она колдунья, или Ла Вуазин обвела нас вокруг пальца». Сейчас я знаю, что речь шла о вас. Она попросила нас удалиться, а сама беседовала с Дюшесом.

— Но вы же не могли не подсматривать и не подслушивать! И что вам стало известно?

— Она сначала говорила тихо, а потом рассердилась, начала кричать, и тут я услышала эти слова про колдунью: «Не удалась ни одна наша попытка, вероятно, ее предупреждают. Вы сегодня же отправитесь к Ла Вуазин и потребуете от нее гарантии, что все будет как надо. Я озолотила ее, так пусть доведет дело до конца, или ей будет хуже. Я напишу ей письмо. Как только она его прочтет, вы его тут же сожжете. Вам понятно? И еще возьмите платок, он принадлежит той женщине, а ко мне попал по ошибке. Сегодня она выгнала Терезу, и среди ее людей нет никого, с кем у меня была бы связь. Она такая странная, такая скрытная. Чем же ей

удалось приворожить короля?» Я сейчас уже точно знаю, что она говорила о вас.

— Я тоже, тем более, что Терезу я действительно выгнала. Так, вернемся к этому разговору. Когда Дюшес встречается с колдуньей и где?

— В таверне «Золотой рог» сегодня в полночь.

— Прекрасно. Теперь приведите себя в порядок и можете покинуть мой экипаж. А я позабуду на какое-то время о вашем умении обыгрывать герцогов в карты.

Когда мадемуазель выскочила из кареты, Анжелика направила кучера в Париж, в отель Ботрейи.

Приближался час встречи Дюшеса с колдуньей. Анжелика переделалась, на голову надела темный платок и стала похожа на лавочницу. Еще до этого она вызвала из Сен-Клу учителя фехтования. Сейчас он был ей очень нужен. Когда он вошел к ней в комнату, то с трудом узнал в простолюдинке переодетую мадам дю Плесси-Бельер.

— Мальбран, я отправляюсь в одно место, вам придется меня сопровождать.

— Да вас и так никто не узнает, сударыня.

— Этого мало, мне нужна более надежная защита. Шпага у вас есть, как обычно. Захватите пистолет, он может пригодиться. На всякий случай возьмите с собой Флипо и ждите меня, я выйду за дом через калитку из сада.

— Я все сделаю как вы приказываете, сударыня. На окраину Сен-Дени Анжелика прибыла, сидя на лошади вместе с Мальбраном. Флипо, посвистывая, чтобы дать себя узнать, бежал рядом. Около гостиницы «Три товарища» они остановились, и Анжелика отдала распоряжение Мальбрану оставить лошадь, но попросить хозяина присмотреть за ней.

Возможно, старый Мальбран знал этот район. Во всяком случае, он ни о чем не спрашивал, идя за Анжеликой. Зато уж Флипо был здесь как в родной стихии. Они шли к жилищу Деревянного Зада.

На пути их постоянно останавливали подданные Великого Кезра и, не стесняясь в выражениях, спрашивали, какого лешего им надо и какая нелегкая сила их тут носит. Но Флипо знал пароль, и к Великому Кезру они попали довольно быстро.

Монарх отверженных был не в духе. На увесистый кошелек, который Анжелика сразу бросила ему, он взглянул с презрением.

— Подожди, Маркиза!

— Ты что, Жанин, не рад мне? Ведь ты получаешь от меня все, о чем

мы договаривались: и деньги, и угощение к Рождеству. Или тебе кажется этого мало?

— Деньги, угощение! Да у меня денег столько, что я сам могу угостить кого угодно. Всех угощений все равно не съешь. А у тебя, похоже, нет времени зайти ко мне? Поболтать, посплетничать? Что-то редко я тебя вижу, Маркиза!

Деревянному Заду казалось, что Анжелика, став придворной дамой, сторонится старых друзей. Его дурное настроение объяснялось еще и тем, что весь квартал, где обитали его подданные и он сам, надежно окружила полиция.

— Маркиза, если бы ты помогла нам, мы смогли бы уговорить Рейни отстать от нас. Ведь у нас есть чем откупиться. Нам здесь полиция ни к чему, да и вообще она нужна только богатым. А нам из-за них туго приходится, да и что нас ждет? Каторга?

Да, Двору Чудес стало трудно, когда Рейни приказал осветить фонарями улицы столицы. Так что Великий Кезр горевал не зря.

— Я пришла к тебе по делу, Деревянный Зад. Это мой друг, — она указала на Мальбрана, — его зовут «Точный удар». Я сегодня разыгрываю маленький спектакль, в котором он исполняет главную роль. Но нужны еще участники — человека три или четыре.

— И они должны уметь играть шпагой? — Деревянный Зад ухмыльнулся. — Найдем, не волнуйся. Что они должны сделать?

— К колдунье придет человек и встретится с ней в кабачке. Когда он выйдет, твои молодцы должны его схватить...

— И-и... — Деревянный Зад резко провел ладонью по своей шее.

— Не угадал! Его нужно допросить с пристрастием, для этой роли и приглашен Мальбран. Твои люди обеспечат нам безопасность.

Для бродяг с парижского дна было совсем не трудно проникнуть в дом колдуньи. Она была отнюдь не глупа, и понимала, что ее положение может быть относительно безопасным, если обеспечить поддержку со стороны нищих, у которых повсюду есть глаза и уши. Великий Кезр имел своих людей в ее доме, она не возражала — взаимная дружба была полезна обоим.

— Но пусть только колдунья не пострадает! — предупредил Анжелику Деревянный Зад. — Это было бы предательством! А мы не доносчики! И даже вашему Рейни не справиться с нами!

Анжелика не первый раз прибегала к помощи этих людей и всегда соблюдала правила игры. Сейчас ей «выделили» для охраны старых знакомых — Пиона, Испанца, Крысиного Яда и еще кого-то, чьи прозвища

она уже не помнила. А вот и новичок с отрезанными губами — это Братство Святого Причастия наказало его за богохульство, и сейчас его звали Череп. Волчья жестокость отражалась на их лицах, но Анжелика знала, что их законы не более безжалостны, чем обычаи высшего общества. Так же хорошо она знала, что их дружба, если уж ее заслужишь, — навсегда. Она могла на них рассчитывать в самые трудные минуты. Связи с ними не терялись, если их представитель оказывался в иной обстановке, как она сама или Баркароль.

Домой Анжелика вернулась одна и, поджидая Мальбрана с Флипо, старалась меньше думать о том, что сейчас происходит в кабачке «Три товарища». Мальбрану все указания были даны очень точно и подробно, и мадам дю Плесси-Бельер оставалось только ждать.

В два часа ночи Мальбран вернулся и молча выложил перед ней ее носовой платок, сумку, письмо мадам де Монтеспан к колдунье и флакончик с жидкостью.

Анжелика схватила письмо — и была потрясена словами мадам де Монтеспан, обращенными к Ла Вуазин — злоба, жестокость, цинизм пронизывали каждую строку.

«Я заплатила вам уже больше тысячи экю, но эта женщина жива, и король любит ее все больше. Вы обманщица! За что я плачу вам, если не получаю взамен ни любви короля, ни гибели соперницы! Если и в этот раз вы обманете меня, я отомщу, и от вас все отвернутся!»

— Вот и прекрасно! — Анжелика улыбнулась. — На этот раз вы окончательно просчитались, мадам!

Заметив на флакончике влажное пятно, она машинально вытерла его, на пальце оказалась кровь.

— Мальбран! — она будто опомнилась. — Как вы поступили с Дюшесом? Я вас просила его не убивать! Что вы сделали, Мальбран?

Старый учитель фехтования приблизился к ней и заговорил.

— Сударыня, я никогда не был многословным, а сейчас прошу вас выслушать меня. Если течение в Сене достаточно сильное, то труп Дюшеса уже далеко. От него надо было избавиться. Я убил его — да, это правда. Я не люблю смерть, но так уж получилось. В своей жизни я сделал много глупостей, а главное — у меня не было никого, кого бы я любил. Возможно, где-нибудь у меня есть дети, а впрочем, я не знаю. Но на старости лет со мной что-то произошло — я полюбил вашего сына так, как если бы он был моим. Сначала я видел только его силу и талант — он рожден быть со шпагой в руках. Но я все больше привязываюсь к нему, и готов, если надо, отдать жизнь, лишь бы мальчику было хорошо. Иначе

зачем она — моя жизнь? А что до Дюшеса,— он сам сознался, когда я его допрашивал, что хотел избавиться от Флоримона. Мальчик говорил правду — Дюшес подсыпал порошок королю по приказу любовницы Его Величества. И сегодня Дюшес сознался в том, что подал вам отравленный щербет, и что Карапорт по его поручению хотел убить Флоримона, и что мадам де Монтеспан была у Ла Вуазин по поводу того, как известить вас.

Мальбран перевел дух.

— Сударыня, я должен был сделать то, что я сделал. Считайте, что он просто упал с лесов возле разобранной лестницы Дианы. Это падаль, и от нее надо было избавиться, — он вытер лоб и отступил назад.

— Вы молодец, Мальбран, — она вынула из бюро кошелек с золотом и протянула ему. — Берите, вы заслужили это.

— Нет, сударыня, — он отвел в сторону ее руку. — Я никогда не был богат и не отказывался от денег. Но это была клятва — клятва чести. Об этом знает наш аббат. Он тоже поклялся отомстить. Я отомстил за вас и отвел опасность от мальчика, за это я не могу взять денег.

— Спасибо вам. Я хочу, чтобы вы отправились в Сен-Клу, к Флоримону. А сейчас идите отдыхать, до свиданья.

Старый искатель приключений смотрел на нее. Женщина, нежная и слабая. Та, другая, отдавшая бесчеловечный приказ, перешагнула бы через ее труп, с усмешкой глядя в лицо соперницы. Нет, безжалостно занесенную руку надо было остановить.

Глава 27

Утром Анжелика была в Версале. Король еще не вернулся с утренней мессы. Придворные обсуждали подробности поездки Мадам в Англию. Анжелика узнала, что многие считают, будто она сопровождала жену Филиппа в этом путешествии. Кто-то упомянул об исчезновении Дюшеса, но куда он делся, никто не знал. Словом, двор жил обычными сплетнями и слухами.

Подойдя к окну, мадам дю Плесси-Бельер вспомнила свой первый приезд в Версаль. Тогда был такой же превосходный день, как сейчас, а мадам де Монтеспан еще не была ее соперницей. Они не очень-то дружили, их связывали чисто светские отношения. И вот между ними встал король...

Анжелика направилась в апартаменты Атенаис. Девушки причесывали мадам де Монтеспан, когда Анжелика весело приветствовала ее.

— Доброе утро!

— Какая приятная неожиданность! Здравствуйте, маркиза! — фаворитка повернулась к ней.

Соперницы буквально источали любезные улыбки, которые не могли обмануть ни ту, ни другую. Атенаис внимательно следила за Анжеликой, ожидая подвоха. Не просто же так явилась она ранним утром сюда!

— Хотите новость, Атенаис?

— Естественно.

В зеркало Анжелика увидела, как побледнела фаворитка.

— Тогда удалите прислугу.

Мадемуазель Дезиль, побледневшая при виде Анжелики, теперь покраснела, будто на нее светило самое жаркое солнце. Она выронила из нежнейших рук дорогой гребень и застыла, ожидая бури.

— Я не причесана, а мне надо быть готовой к утренней прогулке с королем!

— Не волнуйтесь, я заменю ваших девушек. У меня еще лучше получится.

Голос Анжелики звучал ласково, но глаза не предвещали ничего хорошего.

Поколебавшись, мадам де Монтеспан приказала служанкам покинуть комнату, Анжелика взялась укладывать в прическу густые пряди волос, встав позади маркизы. Не отрываясь, они смотрели в зеркало друг на друга.

— Вам пойдет новая прическа. Бине советовал мне носить такую, но она лучше вам, теперь я вижу, — продолжала болтать Анжелика, и вдруг тон ее сменился. — Ночью погиб Дюшес.

— Да? Я еще не слышала об этом, — лицо Атенаис оставалось непроницаемым.

— Правильно, об этом еще никто не знает. Могу рассказать вам подробности, и вы будете знать первая — после меня, разумеется.

Анжелика продолжала возиться с прической так, как будто все ее внимание было сосредоточено на локонах.

— Дюшеса поймали, когда он выходил с флакончиком и сумочкой от Ла Вуазин...

— Мерзкая тварь! — не выдержала мадам де Монтеспан. — Шлюха! Да как вы смеете? Убить Дюшеса!

— Я? Смею? — Анжелика отбросила расческу. — А вам не кажется, что вы — убийца? Это вы пытались убить моего Флоримона!

Уже не скрывая истинных чувств, соперницы стояли лицом друг к другу и прерывисто дышали.

— Нет уж, сейчас вы меня дослушаете, ваша жизнь в моих руках. А мне известно все — и как вы призывали дьявола против меня, и зачем Дюшес ходил к колдунье, и что написано в письме, которое он ей принес! Дюшес мертв именно потому, что не умел держать язык за зубами!

— Письмо? — внятно произнесла мадам де Монтеспан. — Но разве он не сжег его?

В ответ Анжелика процитировала наизусть все содержание того послания, которое Дюшес нес Ла Вуазин и которое попало совсем не по адресу.

Мадам де Монтеспан была сражена — она в руках этой шлюхи! Этой шоколадницы!

— Вы хотите погубить меня! — самообладание, казалось, вернулось к ней. — Что я должна сделать? Как мне получить это письмо?

— Не смещайте меня! Вы его никогда не получите. Оно спрятано надежно. И я надеюсь, вы понимаете, что я не назову вам даже имени адвоката, в чьем сейфе оно лежит. Вы также понимаете, что короля я могу видеть довольно часто, а он знает ваш почерк и ваш стиль, не так ли?

Неожиданно Атенаис взяла гребень и отдала его Анжелике. Та столь же естественно начала поднимать, слегка начесывая, локоны маркизы, и умело, не дергая, закалывать их, как будто всю жизнь причесывала капризных щеголих. Но в зеркале она увидела напряженный взгляд Атенаис.

— Зачем вам король? — попыталась уточнить фаворитка. — Вы же никогда не любили его, да и сейчас он вам не нужен. Вы просто хотите отобрать его у меня!

— А вы? Вы когда-нибудь любили его?

— Но он принадлежит мне! Оставьте мне короля! Это я должна править миром вместе с королем!

— Атенаис. еще одна деталь, я чуть не забыла: о ночной сорочке, которую вы мне подослали с Терезой, известно моему адвокату. Он может все рассказать королю, когда я этого захочу. Последний совет — никакая прическа не спасет, когда испорчен грим. Придется начинать сначала. И задумайтесь: между положением бывшей фаворитки и тем, что вы готовите себе, наследница рода Мортемаров, — моим отравлением, есть очень большая разница. Не ошибитесь в выборе, Атенаис.

Анжелика бросила гребень на стол и ушла. Вбежали служанки и окружили хозяйку.

— Что случилось, мадам?

— Глупые девчонки, не видите, что у меня с лицом! — действительно, по щекам мадам де Монтеспан текли голубые в серые слезы. — Это конец.

Анжелика появилась на аллее с видом королевы. Его Величество совершал прогулку. Он поклонился мадам дю Плесси-Бельер с радостной улыбкой, не скрывая своего восхищения. Придворные, ожидавшие, что Атенаис скоро расправится с этой выскочкой, убедились, что это далеко не так. Выскочка оказалась не по зубам представительнице славного рода Мортемар. Все даже сочли естественным отсутствие мадам де Монтеспан на утренней прогулке короля. А когда он подал руку Анжелике и повел ее во дворец, это и вовсе никого не удивило.

Они прошли в комнату для совещаний. Его Величество пристально смотрел в лицо Анжелике и держал обе ее руки.

— Скажите, придет ли время, когда вы полюбите меня? Назначьте день, и я буду ждать, сколько вы прикажете.

Голос его молил о любви, его губы искали ее губы.

— Мы с вами созданы друг для друга. Если вы этого еще не поняли, то вы убедитесь в этом. Мы будем править миром в согласии и любви...

— Об этом мечтает мадам де Монтеспан.

— Мадам де Монтеспан? У нее злое сердце и повадки горничной, что даже странно — ведь она такого знатного рода. Ее завтра же не будет во дворце, раз она мешает вам. Я устраню и это препятствие. Мне мешал ваш любовник, вам — моя любовница, но мы созданы только друг для друга. Ведь мы с вами пойдем друг друга?

— Да, сир, я тоже надеюсь на это.

— Дорогая моя, мы поплывем на остров любви, обещайте мне...

Они целовались все безудержнее. Наконец, она оторвалась от его губ и прошептала:

— Я вам обещаю.

А ведь действительно, такой день наступит... Она придет и скажет: «Я ваша, сир. Я люблю вас».

Когда? Это уж зависит от судьбы.

Глава 28

В Париже было много дел, и Анжелика дня три не выезжала в Версаль. Однажды, вернувшись в отель от Кольбера, она встретила у ворот знакомого нищего — это был Черный Хлеб.

— Тебе нужно срочно ехать в Сен-Клу! — крикнул он — Там происходит кое-что такое, о чем тебе надо знать.

— Но я не получала приглашения. Черный Хлеб! Как же я поеду?

— Поезжай, я только что вернулся из Сен-Клу. Сегодня там в гостях будет смерть — ее тоже не приглашали. Поезжай!

У Анжелики замерло сердце — она подумала о Флоримоне.

— Что там происходит?

Но старого калеки уже и след простыл.

Не заезжая в отель, Анжелика приказала кучеру ехать в Сен-Клу. На это он осмелился возразить, что ночью по лесу мадам опасно ехать одной, — кучер поступил в услужение недавно и не был готов сломя голову бросаться в авантюры вместе с хозяйкой. Тогда она, не выходя из кареты, велела ему разбудить управляющего и трех лакеев. Все четверо вооружились шпагами, вскочили на лошадей, и мадам дю Плесси-Бельер выехала из Парижа под охраной.

Когда ее экипаж подъехал ко дворцу Филиппа Орлеанского, там уже было много карет. Ворота распахнуты, дом освещен — как при большом торжестве. Все происходящее напоминало отнюдь не праздник. Нигде не видно было слуг — это уж совсем странно.

Перепуганная Анжелика вбежала в приемную, где было много народу, но все разговаривали вполголоса, и шума не было. Она обратилась к леди Гордон:

— Что случилось?

— Мадам умирает, — тихо ответила фрейлина и куда-то скрылась.

Тогда Анжелика остановила проходившего мимо слугу:

— Объясните, в чем дело? Еще вчера она танцевала в Версале и чувствовала себя прекрасно, я видела.

— Да и сегодня Ее Высочество была весела, шутила, выглядела здоровой. Потом, часа в четыре, выпила чашку кофе, и ей стало плохо.

На софе лежала одна из фрейлин — мадам Деборн и вдыхала нюхательную соль.

— Бедняжка, — говорила мадам де Гамаш, — это уже шестой раз.

— А что с ней? — спросила Анжелика. — Она тоже пила этот кофе?

— Нет, но она его готовила.

Мадам Деборн вновь качала стонать и всхлипывать.

— Вас ни в чем не обвиняют, — повернулась к ней мадам Гамаш. — Вспомните, как все было. Вы вскипятили воду? Потом я принесла ее в комнату, а мадам Гордон налила кофе в китайскую чашечку.

Но фрейлина плакала и причитала:

— Мадам умирает!

— Это нам известно, — сказала Анжелика. — Но хоть доктор-то там есть?

— Там все доктора, в том числе и королевский.

Филипп Орлеанский, поправляя белоснежное жабо, вышел из спальни Мадам вместе с мадемуазель де Монпансье. Он, казалось, не был потрясен случившимся. Великая Мадемуазель что-то сурово выговаривала кузену, а в конце посоветовала ему помолиться.

— Бедная Генриетта, — произнесла Великая Мадемуазель и тут, заметив Анжелику, позвала ее: — Какое несчастье, мадам дю Плесси. Как потрясен будет ее брат, Карл II!

— Кузина, подумайте, кто будет исповедовать Мадам? — сказал Маленький Мсье, обращаясь к мадемуазель де Монпансье.

— Я думаю, что отец Бюссоэ. Он умный человек, и Мадам нравилось с ним общаться.

— Я его не люблю, у него скверный характер, — ответил герцог Орлеанский. — Зовите кого хотите, но мне здесь делать нечего. Я простился с Мадам.

Вместе со свитой он удалился. К Анжелике подбежал Флоримон, чтобы поздороваться.

— Мама, какой ужас! Мадам отравили... А ты не хотела меня слушать!

— Ты опять говоришь об отравлениях, Флоримон! Перестань, мой мальчик!

— Мама, я сам там был, я все видел. Послушай. Я был во внутреннем дворике, там монсеньор готовился отправиться в Париж. Но приехала мадам де Мекленбург, и монсеньор пошел с ней к Мадам. Когда мы входили, леди Гордон подавала Мадам чашечку с кофе. Как только она его выпила, ее щеки побледнели, ей стало плохо, она застонала и даже закричала, что ей больно и она не может терпеть. Она и впрямь вся изогнулась от боли.

— Паж рассказывает верно, — подтвердила молодая фрейлина. — Когда Мадам уложили в постель, она попросила какое-нибудь противоядие

— ей сразу показалось, что ее отравили. Но ничего не помогло, боли только усилились. Какая-то редкая отравка...

Однако Великая Мадемуазель отказывалась верить даже очевидным фактам.

— Это нелепость! У такой милой дамы не могло быть врагов.

Пока все обсуждали, отравление это было или нет, из комнаты принцессы вышли король и королева в сопровождении докторов. За ними следовали графиня де Суассон, мадемуазель де Ла Вальер, мадам де Монтеспан.

Заметив Анжелику, король остановился и, взяв ее под руку, отвел в сторону, словно забыв, что на них смотрит множество глаз — в том числе и глаза королевы.

— Принцесса умирает, — скорбно сообщил он.

— Сир, неужели доктора ничего не могут сделать?

— Они растерялись. Никто не понимает, в чем дело.

— Непонятно, как это случилось. Мадам никогда не жаловалась на здоровье. Недавно она вернулась из поездки и была вполне довольна...

Король с пониманием смотрел на Анжелику.

— Анжелика, — прошептал он. — Мне нужна ваша любовь. Я не могу не сказать вам это, пусть сейчас и не время для признаний. А еще — мне нужен ваш совет. Сейчас вы останетесь здесь, пока все это не кончится. А потом вы приедете ко мне, обещайте, Анжелика.

— Хорошо, я приеду к вам.

— Я должен покинуть этот дом сейчас. Мне не положено долго смотреть на смерть — таков обычай. И когда я буду умирать, меня оставят одного...

В это время вошел отец Бюссоэ, и король направился к нему. Затем Его Величество вышел из дворца, а епископ прошел в спальню Мадам, там уже был отец Фейе. Маленький Мсье не любил епископа, потому что тот олицетворял собой слова псалма: «Буду говорить о заветах Господа и перед лицом царя, не устыдюсь этого». Однажды, во время Великого поста брат короля взял хлебец и обратился к Бюссоэ: «Это не испортит мне поста?» Тот ответил: «Хоть быка съешьте, но будьте христианином».

Анжелика села на скамью у стены. Почти в полночь к ней подошла фрейлина принцессы и попросила пройти к Мадам — таково было желание принцессы.

В комнате Мадам был народ, но все говорили очень тихо. Когда вошла Анжелика, оба священника уступили ей место около изголовья кровати. Принцесса была неузнаваема — искаженное болью лицо, заострившийся

нос, темные круги под глазами.

— Мадам, — прошептала Анжелика, — мне больно видеть ваши мучения...

— Вы — добрая душа, мадам дю Плесси-Бельер. Мне, похоже, никто не верит, что я страдаю, ну, да бог им судья. Вас я позвала, потому что помню о своем долге... Вам вернут ваши деньги.

Она кивком подозвала Монтегю и заговорила с ним по-английски. Мадам дала ему распоряжение выплатить три тысячи пистолей, которые брала займы. Посол хотел спросить ее» кого она подозревает в покушении на свою жизнь, так как слово «яд» расслышал совершенно отчетливо. Но отец Фейе вмешался в разговор:

— Мадам, не спешите с обвинениями, прошу вас! Есть Бог, и есть справедливый Божий суд.

Принцесса, утомленная страданиями, молча кивнула, соглашаясь со священником. Она закрыла глаза, и Анжелика решила, что может покинуть умирающую. Но только она поднялась, как ледяная рука Мадам взяла ее ладонь.

— Сюда приходил король, чтобы проститься со мной, — спокойно произнесла Генриетта. — А с ним были мадам де Суассон, мадемуазель де Ла Вальер и мадам де Монтеспан...

Она внимательно смотрела на Анжелику.

— Я их видела, — сказала Анжелика, и тут же сообразила, о чем в это время думает Мадам. Ведь она тоже любила короля, и он ее! Это было, когда еще жива была королева-мать, Анна Австрийская. Чтобы отвести ее подозрения, влюбленные воспользовались как ширмой молодой фрейлиной Ла Вальер. Но король по-настоящему увлекся ею...

Тогда надменная Мадам не могла пожаловаться никому, кроме мадам де Монтеспан. И вот та на этом же месте... Анжелика мягко улыбнулась. У смертного одра принцессы вместе с королем оказались три его любовницы. Пожалуй, только у Генриетты Английской хватило мудрости не стать после своей отставки, когда ей предпочли молоденькую фрейлину с плоской грудью и большим ртом, злой и мстительной. Наоборот, она славилась добротой и отзывчивостью.

А сейчас она умирает. И вокруг нее — злоба и зависть. И равнодушие. Совсем тихо она шепнула:

— Я хочу, чтобы король вас полюбил, потому что... — ей не удалось закончить свою мысль. Она потеряла сознание.

Анжелика вышла и стала молиться. Затем из комнаты вышел де Бюссоз и присоединился к ней. Лакей принес им шоколад, и оба

почувствовали, что голодны. Флоримон сновал по коридору и, подбежав к матери, сообщил, что Мадам сейчас умрет. Тут вышла леди Гордон со слезами на глазах:

— Мадам скончалась!

Анжелике нужно было ехать в Версаль — она пообещала королю, что приедет, как только все кончится. И сейчас она хотела взять с собой Флоримона, чтобы увезти из Сен-Клу на время похорон. Она нашла его сидящим рядом с маленькой девочкой на каком-то сундуке.

— Мама, это Маленькая Мадемуазель, она еще не поняла, что случилось. А когда поймет, то ведь будет сильно плакать, правда? До нее никому нет дела, и я решил побыть пока с ней.

Анжелика погладила его по голове и поцеловала принцессу, которая, болтав ногами, сидела на сундуке и жевала печенье. Маленькая Мадемуазель не ощущала пустоты вокруг себя в связи со смертью матери. Она была еще мала, и Генриетта Английская мало общалась с ней. Девочка больше нуждалась в заботливой няне, чем в матери.

В Версаль она приехала еще до рассвета. Король ее ждал.

— Ну что?

— Мадам скончалась, сир... Он опустил голову.

— Как вы думаете, ее отравили? Анжелика не ответила.

— Вы умница, скажите, что вы все-таки думаете об этом деле?

— Мадам давно уже подозревала, что от нее хотят избавиться.

— А она говорила, кто именно хочет? Называла какие-то имена?

— Да, во-первых, шевалье де Лоррен. Он не мог простить ей ссылки.

— Еще кто? Ну, говорите же! Ведь если не скажете вы, то никто другой тем более не посмеет сказать.

— Мадам говорила, что ей угрожал монсеньор, когда был в гневе.

Король поднял голову.

— Мой брат... — он взглянул на Анжелику со вздохом. — Сейчас сюда приведут Морелли. Это главный дворецкий в Сен-Клу. Я сам буду говорить с ним. Он не должен видеть вас, но вы услышите наш разговор. Спрячьтесь сюда.

Он раздвинул занавески, и Анжелика скрылась за ними. Бонтам и охранник привели Морелли. Внешность Морелли не очень соответствовала роду его занятий — он был надменный и тучный. Понимая, что арестован, он, тем не менее, сохранял полное спокойствие. По знаку короля Бонтам и лейтенант вышли.

— Послушайте меня. Если вы скажете правду, вам сохранят жизнь.

— Сир, я обещаю говорить правду.

— Но если вы солжете, вас подвергнут пыткам.

— Сир, я не такой большой кретин, чтобы лгать после того, что вы сказали.

— Прекрасно, отвечайте на вопросы, и как можно, точнее. Ее Высочество была отравлена?

— Да.

— Кто это сделал?

— Я.

— Один?

— Нет, с маркизом де Эффье.

— Где вы взяли яд? И кто надоумил вас? Ведь у вас не было причин убивать Мадам.

— Шевалье де Лоррен прислал нам это снадобье, я его приготовил, а маркиз де Эффье добавил его к кофе. Шевалье де Лоррен не мог простить Мадам своей ссылки.

— А какова здесь роль герцога Орлеанского? Он знал о готовящемся покушении?

— Нет, сир.

— Поклянитесь.

— Клянусь всевышним, сир, что монсеньор не знал ничего — он бы разоблачил нас. Нет, виноваты только я и маркиз де Эффье.

Людовик вздохнул с явным облегчением. Он не любил брата, но честь семьи не была задета.

— Все, больше вы меня не интересуете. Я обещал сохранить вашу жизнь, но покиньте Францию. А если когда-нибудь вернетесь, будете казнены.

Морелли удалился.

— Анжелика! — раздался приглушенный, умоляющий о помощи голос короля.

Она бегом бросилась к нему. Людовик сжал ее, как будто хотел задушить, и прижался лбом к ее плечу,

— Как страшно, какая низость, подлость... Королю еще не все известно, но и этого достаточно, чтобы проникнуться безверием и презрением ко всему, что его окружает.

— Не уходите, Анжелика.

— Нет, не бойтесь, я здесь.

Он поднял голову, и она встретила его робкий взгляд.

— Вы и правда не оставите меня, Анжелика, ангел мой?

— Нет.

— Вы будете моей?

— Да.

— Я могу надеяться... — прошептал король.

Он прикоснулся рукой к ее лицу. Слов найти он не смог — и крепко стиснул ее в каком-то неистовом порыве. В дверь постучали.

— Сир, вам пора, — раздался голос Бонтама.

Король продолжал крепко держать в руках Анжелику, как будто боялся, что если отпустит сейчас — потеряет навсегда.

— Сир, вам пора, — повторила она слова Бонтама.

— Да, мне пора. Мне пора снова стать королем. Но обещайте, что если я вас выпущу, то не потеряю. Никогда!

Она покачала головой, улыбнулась печально.

— Я люблю вас, Анжелика! Как я люблю вас! Не бросайте меня, слышите?

Глава 29

Небольшой фрегат был своего рода жемчужиной корабельного искусства. На каждой пушке, отлитой из бронзы, стоял золотой петушок под гирляндами цветов и королевскими лилиями. Шелковые канаты были ярко-красными и желтыми, их украшали королевские эмблемы. Рядом с фрегатом на волнах покачивались неаполитанская фелука и бискайская галера.

Людовик ступил на позолоченные сходни и обернулся. Все замерли. Кого-то он выберет? Кто займет место рядом с королем? С улыбкой отыскал он среди придворных дам Анжелику и протянул ей руку. На виду у всех они прошли по сходням вверх и если на сиденье, обитое парчой. Следом поднялись и заняли свои места приглашенные. Место мадам де Монтеспан было среди придворных на галере. Королева и ее свита устроились на неаполитанской фелуке. Все, кому не хватило места на трех главных кораблях, разместились в лодках. Для музыкантов предназначалась баржа, задрапированная разноцветным шелком.

Эскадра медленно заскользила по поверхности канала. Нежно пели гобой и скрипки. Но плавание не удалось — поднялся ветер, тучи закрыли небо.

— Надвигается шторм, — сказала Анжелика и отчетливо ощутила, что чувствует не только непогоду, но и ожидает неприятностей.

— Так нам может грозить кораблекрушение? — весело спросил король.

— Почему нет, сир?

Король отдал приказ — и корабли причалили к берегу, все прошли под навесы, где были накрыты столы.

После угощения — игры, танцы, веселье. Во время игры в прятки Анжелике выпало водить. Господин Сент-Эньян завязал ей глаза и сильно раскрутил, так, что она перестала ориентироваться. Пошла вперед наугад, раскинув руки, потом повернула в одну сторону, шепот и шорох слышались в другой — она бросилась туда.

— Эй, не убегайте от меня, — весело крикнула она.

Но стало тихо. Она остановилась. Кто-то сдернул с ее глаз платок. Она сначала зажмурилась, а потом широко раскрыла глаза — перед ней была не лужайка, а вид на цветущие террасы, на самой верхней — красивый незнакомый ей дворец с розовыми колоннами. Цвели акации. Воздух был

полон их запахом и как будто плотен — он дурманил, пьянил.

Рядом был король. Он обнял ее за талию, привлек к себе и повел вперед.

— Это Трианон. Мы здесь одни. Помните, я говорил вам об острове любви? Мы вместе посмотрим на этот дворец, любовь моя.

Он увлекал ее за собой, его рука чуть дрожала. От робости? Говорили, что король в детстве был застенчив, а потом, в юности, робок с дамами. Или от желания, которое он уже не в силах был сдерживать? Анжелика шла вперед, не пытаясь сопротивляться той силе, что влекла и манила ее.

Они вошли в здание. Взволнованная Анжелика не замечала богатого убранства, парчовых занавесей, и кровать превосходной работы в роскошном алькове она заметила позже всего.

— Мне страшно, Ваше Величество.

— Я с вами, здесь вам ничто не угрожает, девочка моя, ангел мой... — ласково шептали его уста.

Она наклонилась к нему. Он начал расстегивать ее корсаж, гладить грудь, при этом настойчиво приближал ее к постели.

— Иди сюда! — в голосе была нежность и мольба.

Сейчас перед ней был не грозный монарх, а влюбленный мужчина, побежденный любовью и потому находящийся в ее власти. Сама-то она не потеряла голову!

Вспыхнула молния, Анжелика затрепетала:

— Гроза!

Король удивился:

— Вы боитесь грозы? Здесь? Со мной?

Но Анжелика вдруг начала сопротивляться и вырвалась из его объятий. Пошатываясь, добрела она до окна и рухнула в кресло.

— В чем дело? — резко спросил король. — Что с вами? Неужели существует еще какое-то препятствие, о котором я не знаю?

Анжелика молчала.

— Отвечайте! — велел король, — Мне следовало догадаться. Это препятствие — другой мужчина?

— И да, и нет, сир, — с трудом выговорила Анжелика.

— Скорее да, чем нет, — сказал король. — Его имя?

— Да, — сказала Анжелика. — Да, да, да! Его имя — Жоффрей де Пейрак! Мой муж, которого сожгли на костре по вашему приказу!

Анжелика почти кричала.

— Жоффрей, Золотой Голос Королевства, певец Тулузы! Что вы сделали с ним? Чем он мешал вам? Тулуза — город де Пейрака... А вы его

очернили, обвинили в колдовстве, сожгли на Гревской площади, детей лишили имени, разорили его замки! Вы все забрали, разрушили, уничтожили. Пепел его развеян ветрами! Друзья отвернулись от него. Враги — и те забыли о нем. Вы все взяли, что могли. Осталась одна я. Но я вам не достанусь. Не достанусь, слышите?

За окном бушевала гроза, Анжелика смотрела в окно, на сверкание молний, на ручьи, стекающие по террасам вниз, и продолжала, сдерживая рыдания:

— Вы можете все забыть, прошли годы. Но Жоффрей превращен в прах, а я жива. И я помню и буду помнить всегда — его и его Отель Веселой Науки. И как я приходила в Лувр, умоляла вас пощадить его. И как вы прогнали меня. Вам было известно, что он не виновен, но вы не пощадите его! И вы хотите, чтобы я забыла это? Он не хотел унижаться перед вами, и вы не остановились ни перед чем, чтобы его уничтожить; вы подкупили судей, вы убрали единственного свидетеля, который мог бы вам помешать. Вы обрекли на нищету меня и детей. И все это я должна забыть? — слез уже не было, но Анжелика вздрагивала.

Король стоял молча, пораженный, не зная, как поступить. Вожделенное сокровище ускользнуло из рук, оставаясь недоступным. В этот момент между ними встало прошлое, и переступить через него, казалось, не было никакой возможности.

Гроза кончилась, выглянуло солнце. Король взял со стола свою шляпу, повернулся к Анжелике.

— Нам пора, сударыня? Нам больше здесь нечего делать. Пойдемте.

Казалось, она не слышала его слов.

— Нам пора, — повторил он. — Мы и так задержались. И вы многое успели мне сказать.

Анжелика взглянула на него как-то потерянно.

— Я должна была сказать это.

— Наше отсутствие будет замечено и может быть неверно истолковано.

Голос короля был бесстрастным.

Ее попытки привести себя в порядок были не очень успешны. Она поправила прическу, платье, но лицо оставалось измученным и не способным к улыбке.

Они шли рядом по каменным ступеням дворца. Однако в этот момент они были дальше друг от друга, чем когда бы то ни было.

Бал, ужин, игра в карты — все состоялось, как обычно на королевских

празднествах. Не присутствовал только король, он был чем-то занят. Анжелика вынуждена была принимать участие во всех праздничных церемониях, но про себя постоянно думала — уехать ли ей по своей инициативе или ждать решения короля. Но когда он примет это решение? И что оно принесет ей? Она уже не думала о мадам де Монтеспан, в ярости покинувшей дворец. Какое ей дело до соперницы, если на волоске ее судьба и главное — судьба сыновей. Что будет с ними?

Она не сомневалась, что истекают последние ее часы при дворе. Что ей мадам де Монтеспан? У нее теперь более могущественный недруг!

В размышлении о неясном будущем ее застал Бонтам и передал, что король просит ее пройти к нему. Анжелика встрепенулась — ее судьба решена!

Король встретил ее спокойно. Он тоже провел эти часы в размышлениях. Ему было очень важно выиграть в этом последнем акте. Никогда еще он не встречал такого сильного противника, а ведь ему нужно было завоевать любовь Анжелики! Не наложница — по приказу монарха, а любящая его, Людовика, женщина была нужна ему. Он не мог от нее отказаться.

Анжелика, которая боролась всю свою жизнь — за существование, за кусок хлеба, за судьбу детей, за свое достоинство, — сейчас вступала в единоборство с монархом. Для нее это тоже был последний акт драмы.

— Сударыня, — начал он, поднимаясь навстречу Анжелике, — вчера вы предъявили мне столь тяжкие обвинения, что я счел своим долгом объяснить с вами по этому поводу. Чтобы не быть голословным и вспомнить все детали, я просмотрел сегодняшней ночью судебные отчеты того дела. Когда я пришел к власти, придворные игры вокруг короны зашли уже далеко,

— Но мой муж тут не при чем. Ему-то уже не нужны были ни власть, ни корона!

— Подождите, сударыня, не будем ссориться. Так мы не дойдем до истины. Почему я утверждаю, что граф де Пейрак угрожал моей власти? Да потому, что он был богат и могуществен — по сравнению с другими подданными — и очень влиятелен. Когда я вступил на престол, в стране шла гражданская война, со всех сторон подступали иностранцы, Франция несла потери одну за другой. С внешним врагом можно бороться лишь сообща. Но единства в королевстве не было — междоусобицы, бунты... При дворе — интриги, заговоры. Против меня были принц Конде, Гастон Орлеанский, многие члены парламента. Я мог доверять только своей матери и кардиналу Мазарини. Но их ненавидели все окружающие, ведь

кардинал был итальянцем, а мать моя — испанкой. Я тогда был, по сути дела, еще ребенком, но располагал огромной властью, и в то же время не знал, как ею пользоваться.

— Когда вы приказали арестовать графа де Пейрака, вы находились во власти отнюдь не детского неведения.

— Сударыня, зачем вы упрямитесь и делаете вид, что не в состоянии понять сути того, о чем я говорю? Вы же умная женщина, я это повторяю не для того, чтобы польстить вам. Так поймите же меня — судьба графа де Пейрака оказалась лишь звеном, деталью в цепи тех событий, той борьбы, о которой я хочу вам поведать.

— Для меня судьба графа — не деталь, а вся жизнь, и его, и моя.

— Но нельзя повернуть историю в зависимости от желания графини де Пейрак, — в голосе короля прозвучала неприкрытая ирония.

— Но графине де Пейрак нет дела ни до истории, ни до цепи событий!

Король чуть улыбнулся — если она парирует его колкости, это уже хорошо!

— Анжелика, совсем недавно вы поклялись мне в верности, это произошло здесь, в этой же комнате. Хотя такие клятвы я слышал много раз, и нередко их произносили предатели и перебежчики. Многие дворяне готовы были погибнуть в борьбе против меня. Но я выстоял. И сейчас я говорю о тех трудностях не для того, чтобы вас разжалобить. Сейчас мое могущество велико. Между тем мальчиком, который вступил на престол в день своего совершеннолетия, и сегодняшним монархом — длинная дорога, целая жизнь, полная драматических и даже трагических событий. Я помню, как против меня подняли армию, как принц Конде организовал Фронду, как сестра принца Конде подняла против меня Нормандию, а принцесса Конде — Гийень. От меня перебежал к противнику мой первый министр. Я видел, как под стенами Парижа французы били французов...

Ему показалось, что Анжелика не слушает. Ее стиснутые пальцы, опущенная голова вызвали у него большее волнение, чем воспоминания о минувших невзгодах. Она подняла голову, воспользовавшись паузой.

— К чему мне все это? Я знаю об этом. Зачем вы об этом говорите, сир?

— Я хочу, чтобы вы знали все. Вы располагаете разрозненной информацией, которая не позволяет вам справедливо судить о действиях монарха. Мне очень важно, чтобы вы посмотрели на мои поступки другими глазами, составили верное представление. Наконец, я хочу восстановить свое доброе имя в ваших глазах!

— Вы злоупотребляли своей властью, вы не были справедливы к

своим подданным. Вы лишили человека жизни из низменных побуждений. Для вас ничего, не значила его жизнь. Власть короля — от бога, и настоящий монарх не должен так поступать со своими вассалами.

— Но те же самые поступки короля во благо монархии — свидетельство его мудрости.

— Как мог мой муж угрожать монархии?

— Да одним своим существованием! Когда я его увидел, мне стало ясно, что могущество графа может стать угрозой для меня. Ведь моей задачей было укрепить власть. Были уже сосланы Гастон Орлеанский и его единомышленники, прощены Ларошфуко и Бофор, сбежал в Испанию принц Конде. И вдруг — граф де Пейрак! Высокомерен, влиятелен, очень образован и главное — сказочно богат! Я много слышал тогда о вашей красоте как об одном из чудес Тулузы. Вы затмили собой Элеонору Аквитанскую. Но увидев де Пейрака, я оценил опасность — зачем мне нужно королевство в королевстве? Я понял, что его придется убрать. Почему-то его очень сильно ненавидел Фуке, и я воспользовался этим. Анжелика вздрогнула и побледнела.

— Милая моя, мой рассказ причиняет вам боль? Но я скоро закончу. Итак, все было поручено Фуке. Он действовал теми методами, с помощью которых потом убрали его самого. Да, он устранил единственного свидетеля защиты — отца Киршо, это так. Все было в руках Фуке, а ему очень мешал граф де Пейрак.

Король вздохнул, но надо было продолжить, вернее, закончить рассказ.

— Тогда в Лувр с просьбой о помиловании мужа прибыли вы. Я очень хорошо помню тот день, вас в платье из золотистой парчи, и ваши глаза. Я хорошо помню и вашего величественного мавра. Когда через несколько лет вас представили мне как маркизу дю Плесси-Бельер, я сразу же узнал в вас графиню де Пейрак — ваши глаза нельзя забыть. Но мне показалось, что вы не хотите вспоминать о прошлом и что вы простили меня. Похоже, что я ошибся?

— Да, сир, ошиблись.

— И вы решили так жестоко отомстить мне? Заставить заболеть, разорваться мое сердце?

— Нет, сир. Я не мстила, это было бы низко, да и бесполезно.

— Вы удивительная женщина! Действительно, месть бесполезна. Не желая мстить, вы причинили мне такую боль... — король как-то слабо улыбнулся.

Анжелика смотрела в сторону, продолжая стискивать пальцы.

— Я, может быть, и хотела бы забыть. Но это сильнее меня. Жоффрей де Пейрак был моим мужем, и я так любила его! Но вы сожгли его! Живого!

— Нет!

— Да! — твердила Анжелика упрямо. — Я до сих пор слышу треск дров на костре и вижу искры. Я до смерти буду видеть этот огонь на Гревской площади! По вашему приказу!

— Нет! — резко повторил Людовик. — Костер — да! По моему приказу — да! Но графа не сожгли! Я не хотел даровать жизнь графу Тулузскому, но я приказал спасти Жоффрея де Пейрака. Его подменили. Перед казнью графа завели в одну из лавок на Гревской площади будто бы для последней выпивки, чтобы подкрепиться. Туда заранее был доставлен труп одного преступника в белом саване, там и произвели подмену» Все это хранилось в глубочайшей тайне. Когда на костре горел неизвестный труп, граф де Пейрак шел по туннелю в Сене, где его ждала лодка, чтобы отвезти в крепость,

Анжелика смотрела в лицо короля, не мигая.

— Но, сударыня, я ведь не говорю, что он жив, подождите. Он совершил побег из крепости, но это была ошибка — у него не хватило сил переплыть Сену, и он утонул. Через несколько дней его труп был найден и опознан. Вот, я приготовил документы, в которых содержится подтверждение моих слов. Анжелика! Не надо на меня так смотреть. Я не мог предполагать, что вы все еще любите его — ведь прошло столько лет! Вы отвергали мою любовь, говоря, что любите Филиппа дю Плесси, а я разрушаю ваше счастье. Неужели вы лгали? Мне больно думать об этом. Не потому, что вы отвергли короля, а потому что это любовь, и я, король, ничего не могу с ней поделать. Ну почему вам так дороги ваши воспоминания? Ведь если бы произошло чудо, и вы встретились, то не узнали бы друг друга — позади целая жизнь! Уж вам-то не занимать здравого смысла...

— О, сир, о каком здравом смысле можно говорить в любви? Ваше Величество, можно мне познакомиться с этими документами? — она кивнула на папку. — Ведь я его жена!

— Но зачем?

— Читая их, я буду снова все вспоминать. И плакать в одиночестве.

— Сударыня, не пытайтесь меня одурачить. Не очередная; ли это отговорка? Документы вы получите. Но не покидайте Париж, я запрещаю вам это!

Анжелика схватила бумаги и прижала их к себе.

— Я верну их вам, сир.

— Хорошо... Но какая женщина! Отправляйтесь, дорогая, читайте, плачьте... Может быть, это вернет вам благоразумие.

Анжелика встала, забыла о реверансе и не заметила протянутых к ней рук.

— Анжелика!

Но она уже покинула комнату.

Она шла по вечернему парку, прижимая к себе бумаги и что-то бормоча. Придворные кланялись ей, но она никого не видела. Дойти до своей комнаты у нее не хватило терпения. Сев на скамейку под фонарем, Анжелика принялась перебирать бумаги. Нет, света было недостаточно, и она подняла лицо, посмотрела на небо. Слова короля пробудили в ней надежду. Какое-то чувство подсказывало ей, что Жоффрей не утонул в Сене. Уж если он не сгорел на Гревской площади, то он жив! Она найдет его.

И сейчас, сидя на садовой скамейке, пытаюсь вспомнить его лицо, Анжелика протянула руки к небесам — и к нему — и крикнула в темноту:

— Он жив! Он не умер!